

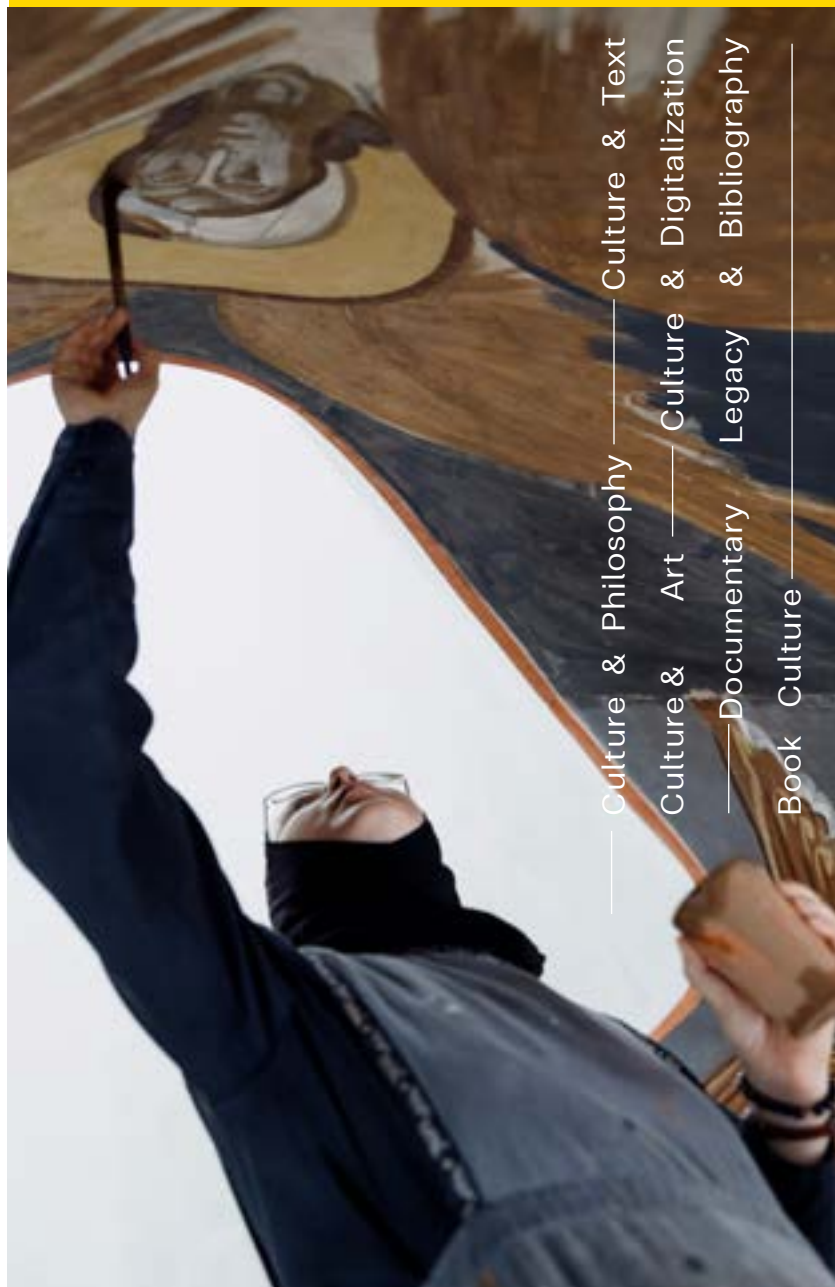

— культура и философия — культура и текст
культура и искусство — культура и цифровизация
— документальное — наследие и библиография
книжная культура —

2023. 4 (14)

СФЕРА КУЛЬТУРЫ

научный рецензируемый журнал

— Culture & Philosophy — Culture & Text
Culture & Art — Culture & Digitalization
— Documentary Legacy & Bibliography
Book Culture —

СФЕРА КУЛЬТУРЫ

SPHERE OF CULTURE

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ
№ 4 (14) 2023

ВКЛЮЧЕН В РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС
НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ (РИНЦ)

ВКЛЮЧЕН В ПЕРЕЧЕНЬ ВЫСШЕЙ
АТТЕСТАЦИОННОЙ КОМИССИИ (ВАК)

Проект реализован с использованием гранта,
предоставленного ООО «Российский фонд культуры»

При поддержке:

Научный рецензируемый журнал
№ 4 (14) 2023
12+

Главный редактор О.С. Наумова

Издается с 2020 года
Выходит 1 раз в квартал
ISSN 2713-301X
Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77 - 79145 от 22.09.2020 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых
коммуникаций
Подписной индекс по каталогу «Почта России» – ПН898
(полугодовой)

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Самарский государственный институт культуры»

Адрес учредителя:

ул. Фрунзе, 167,
Самара, 443010
+7 (846) 332-76-54
rektor@samgik.ru

Издатель:

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Самарский государственный институт культуры»

Адрес издателя:

ул. Фрунзе, 167, Самара, 443010

Адрес редакции:

ул. Фрунзе, 167,
Самара, 443010
+7 (846) 333 22 35
sphereofculture@samgik.ru

Информация о журнале размещена
на официальном сайте ФГБОУ ВО «СГИК»
<https://samgik.ru/page-nauka/zhurnal-sfera-kultury/>

Редактор Л.В. Кузьмина
Перевод и транслитерация – Н.В. Назарова
Дизайн – А.А. Лелюк
Компьютерная верстка – Н.А. Зимина

При использовании опубликованных в журнале
материалов ссылка на журнал обязательна.
Рукописи рецензируются.

Подписано в печать 15.11.2023
Дата выхода в свет 17.11.2023

Формат 170x240/16
Усл. печ. л. 9,25
Тираж 500 экз. Цена свободная

Издание отпечатано в РИЦ ФГБОУ ВО «СГИК»
по адресу: ул. Фрунзе, 167, Самара, 443010
E-mail: rio@samgik.ru

На обложке использовано фото Р. Наумова.

© Самарский государственный институт культуры, 2023
© Сфера культуры, 2023

Scientific peer-reviewed journal
№ 4 (14) 2023
12+

Chief Editor Olga Naumova

Published since 2020
Issued once in a quarter
ISSN 2713-301X
Registration Certificate
ПИ № ФС 77 - 79145 dated 22.09.2020
issued by the Federal Service for Supervision
in the Area of IT and Public Communications

Subscription Index under the Russian Post Catalog: PN898
(semi-annual)

Founder:

Federal State Budgetary
Educational Institution of Higher Education
“Samara State Institute of Culture”

Founder's address:

167 Frunze Str.,
Samara, 443010, Russia
+7 (846) 332-76-54
rektor@samgik.ru

Publisher:

Federal State Budgetary
Educational Institution of Higher Education
“Samara State Institute of Culture”

Publisher's address:

167 Frunze Str., Samara, 443010, Russia

Editorial office address:

167 Frunze Str.,
Samara, 443010, Russia
+7 (846) 333 22 35
sphereofculture@samgik.ru

Information about the journal
is published on the SSIC official website
<https://samgik.ru/page-nauka/zhurnal-sfera-kultury/>

Editor L. V. Kuzmina
Translation and transliteration – N.V. Nazarova
Design – A.A. Lelyuk
Computer layout – N.A. Zimina

When using materials published in the journal,
a link to the journal is required.
Manuscripts are reviewed.

Signed in print on 15.11.2023
Release date 17.11.2023

Format 170x240/16
Conditional printed sheets 9,25
The circulation of 500 copies. Free price

The journal is printed in the Editorial and Publishing
Department of the SSIC at 167 Frunze Str., Samara, 443010
E-mail: rio@samgik.ru

Photo by Roman Naumov is used on the cover.

© Samara State Institute of Culture, 2023
© Sphere of Culture, 2023

Журнал «Сфера культуры» – научное рецензируемое издание по культурологии, искусствоведению, филологии, философии, педагогике и истории.

Редакция публикует результаты оригинальных теоретических и прикладных исследований и иные материалы по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки);

5.10.1. Теория и история культуры, искусства (искусствоведение, культурология, филологические науки);

5.10.3. Виды искусства (изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура; музыкальное искусство, театральное искусство) (искусствоведение);

5.10.4. Библиотечное дело, библиографоведение и книговедение (исторические, педагогические науки).

Полнотекстовый доступ к статьям журнала осуществляется на портале научных журналов «Эко-Вектор» (<https://journals.eco-vector.com>) и сайте Научной электронной библиотеки [eLibrary.ru](http://elibrary.ru) (<http://elibrary.ru>).

Журнал основан в 2020 г. Включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» (с 21.02.2023 г.)

The *Sphere of Culture* is a scientific peer-reviewed journal that publishes works on cultural studies, art criticism, philology, philosophy, pedagogy and history.

The journal publishes the results of original theoretical and applied research and other materials in the following scholarly majors and related branches of humanitarian studies:

5.9.1. Russian literature and literature of the peoples of the Russian Federation (philological scholarship);

5.10.1. Theory and history of culture, art (art history, cultural studies, philosophical sciences);

5.10.3. Types of art (fine and decorative arts and architecture; musical art, theatrical art; art history);

5.10.4. Library science, bibliography and book science (historical and pedagogical studies).

A full-text access to the articles of the journal is carried out both on the portal of scientific journals *Eco-Vector* (<https://journals.eco-vector.com>) and on the website of the Scientific Electronic Library [eLibrary.ru](http://elibrary.ru) (<http://elibrary.ru>).

The journal was founded in 2020 and included into the Russian Science Citation Index (RSCI).

Included in the list of peer-reviewed scientific publications in which the main scientific results of dissertations for obtaining the scientific degree of a candidate of sciences and for the academic degree of a doctor of science should be published (from 21.02.2023).

Главный редактор

Наумова Ольга Сергеевна, доктор культурологии, доцент, ректор Самарского государственного института культуры, член Союза журналистов России

Заместитель главного редактора

Петинова Марина Александровна, кандидат философских наук, доцент, проректор по творческой и научной деятельности Самарского государственного института культуры

Научный редактор

Курмаев Михаил Владимирович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры библиотечно-информационных ресурсов Самарского государственного института культуры

Выпускающий редактор

Кузьмина Лилия Владимировна, начальник редакционно-издательского центра Самарского государственного института культуры

Научные консультанты

Бакшутова Екатерина Валерьевна, доктор философских наук

Куприна Елена Юрьевна, доктор искусствоведения

Ответственный секретарь

Есипова Юлия Николаевна, начальник Библиотечного научно-информационного центра Самарского государственного института культуры

Редакционная коллегия

Агеева Галина Михайловна, доктор культурологии, доцент, профессор Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва

Андреева Ольга Владимировна, доктор исторических наук, профессор, профессор Высшей школы печати и медиаиндустрии Московского политехнического университета

Астафьева Ольга Николаевна, доктор философских наук, профессор, профессор Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Бакшутова Екатерина Валерьевна, доктор философских наук, доцент, заведующая кафедрой Самарского государственного института культуры

Бурлина Елена Яковлевна, доктор философских наук, профессор

Варламов Дмитрий Иванович, доктор искусствоведения, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой Саратовской государственной консерватории имени Л.В. Собинова

Вохрышева Маргарита Георгиевна, доктор педагогических наук, профессор, профессор Самарского государственного института культуры

Гончарова-Грабовская Светлана Яковлевна, доктор филологических наук, профессор, профессор Белорусского государственного университета

Дворкина Маргарита Яковлевна, доктор педагогических наук, профессор, главный научный сотрудник Российской государственной библиотеки

Дятлов Дмитрий Алексеевич, доктор искусствоведения, профессор, профессор Самарского государственного института культуры

Журчева Ольга Валентиновна, доктор филологических наук, доцент, профессор Самарского государственного социально-педагогического университета

Ионесов Владимир Иванович, доктор культурологии, доцент, профессор Самарского государственного института культуры

Калегина Ольга Анатольевна, доктор педагогических наук, профессор, профессор Казанского государственного института культуры

Карташова Татьяна Викторовна, доктор искусствоведения, профессор, профессор Саратовской государственной консерватории им. Л.В. Собинова

Колесников Александр Геннадьевич, доктор искусствоведения, ведущий сотрудник научного отдела Российского института театрального искусства – ГИТИС

Кондаков Игорь Вадимович, доктор философских наук, профессор, профессор Российского государственного гуманитарного университета; член-корреспондент Российской академии естественных наук

Кривцун Олег Александрович, доктор философских наук, академик и член президиума Российской академии художеств, заслуженный деятель искусств России, профессор, главный научный сотрудник Государственного института искусствознания

Кром Анна Евгеньевна, доктор искусствоведения, профессор, профессор Нижегородской государственной консерватории им. М.И. Глинки

Куприна Елена Юрьевна, доктор искусствоведения, кандидат педагогических наук, начальник научно-издательского отдела Самарского государственного института культуры

Летина Наталия Николаевна, доктор культурологии, доцент, профессор Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского

Логина Марина Васильевна, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва, заслуженный деятель науки Республики Мордовия

Мазурицкий Александр Михайлович, доктор педагогических наук, профессор, профессор Московского государственного лингвистического университета

Мотульский Роман Степанович, доктор педагогических наук, доцент, профессор Белорусского государственного университета культуры и искусств

Орлов Игорь Иванович, доктор искусствоведения, профессор, профессор Липецкого государственного технического университета, заслуженный деятель науки и техники; академик Российской академии художеств

Панченко Анатолий Михайлович, доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Российской академии наук

Плешкевич Евгений Александрович, доктор педагогических наук, доцент, главный научный сотрудник Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Российской академии наук

Портнова Татьяна Васильевна, доктор искусствоведения, доцент, профессор Российского государственного университета им. А.Н. Косыгина; член Союза театральных деятелей Российской Федерации, Международной академии культуры и искусства, Петровской академии наук и искусств; Почётный доктор (Великобритания)

Радзецкая Ольга Владимировна, доктор искусствоведения, профессор, профессор Российского государственного университета им. А. Н. Косыгина, член Союза композиторов России

Самарин Александр Юрьевич, доктор исторических наук, доцент, заместитель генерального директора по научно-издательской деятельности Российской государственной библиотеки

Сиротина Ирина Львовна, доктор философских наук, профессор, профессор Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева

Скоробогачева Екатерина Александровна, доктор искусствоведения, профессор и директор музея Российской академии живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова; главный научный сотрудник Саратовской государственной консерватории им. Л.В. Собинова; член-корреспондент Академии российской словесности

Скорород Наталья Степановна, доктор искусствоведения, профессор, профессор Российского государственного института сценических искусств

Струкова Татьяна Викторовна, доктор филологических наук, профессор, профессор Орловского государственного университета им. И.С. Тургенева

Тютелова Лариса Геннадьевна, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой Самарского национального исследовательского университета им. академика С.П. Королёва

Уваров Виктор Дмитриевич, доктор искусствоведения, профессор кафедры Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова

Хайченко Елена Григорьевна, доктор искусствоведения, профессор Российского института театрального искусства – ГИТИС

Хлыщёва Елена Владиславовна, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой Астраханского государственного университета им. В.Н. Татищева

Шалимова Нина Алексеевна, доктор искусствоведения, профессор Российского института театрального искусства – ГИТИС

Шуб Мария Львовна, доктор культурологии, доцент, профессор Челябинского государственного института культуры

Журчева Татьяна Валентиновна, кандидат филологических наук, доцент, доцент Самарского национального исследовательского университета им. академика С.П. Королёва

Куштым Евгения Александровна, кандидат философских наук, доцент, проректор по научной работе и международному сотрудничеству Южно-Уральского государственного института искусств им. П.И. Чайковского

Лириндзис Иоаннис, доктор философии (Ph.D.), профессор археометрии и междисциплинарных подходов к археологии, культурному наследию и палеоэкологии в Университете провинции Хэнань (КНР)

Пераица Ана, доктор философии (Ph.D.), эксперт-культуролог, исследователь визуальной культуры, масс-медиа и креативных практик, лектор Университета Рибеки (Хорватия)

Chief Editor

Olga Naumova, Doctor of Cultural Sciences, Rector of the Samara State Institute of Culture, member of the Russian Union of Journalists

Deputy Chief Editor

Marina Petinova, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Vice-Rector for Artistic and Scholarly Activities of the Samara State Institute of Culture

Scientific Editor

Mikhail Kurmaev, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Samara State Institute of Culture

Issue Editor

Lilia Kuzmina, Head of the Editorial and Publishing Center of the Samara State Institute of Culture

Scientific Consultants

Ekaterina Bakshutova, Doctor of Philosophy

Elena Kuprina, Doctor of Arts

Executive Secretary

Yulia Esipova, Head of the Library Research and Information Centre of the Samara State Institute of Culture

Editorial Board

Galina Ageeva, Doctor of Cultural Sciences, Professor, Professor of the Ogarev Mordovia State University

Olga Andreeva, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Higher School of Press and Media Industry of the Moscow Polytechnic University

Olga Astafieva, Doctor of Philosophy, Professor, Professor at the Institute of Public Administration and Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

Ekaterina Bakshutova, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department at the Samara State Institute of Culture

Elena Burlina, Doctor of Philosophy, Professor

Dmitry Varlamov, Doctor of Arts, Doctor of Pedagogy, Professor, Chairperson of the Department of the Saratov State Conservatory

Margarita Vokhrysheva, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of the Samara State Institute of Culture

Svetlana Goncharova-Grabovskaya, Doctor of Philological Sciences, Professor, Professor of the Belarusian State University

Margarita Dvorkina, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Chief Researcher of the Russian State Library

Dmitry Dyatlov, Doctor of Arts, Professor, Professor of the Samara State Institute of Culture

Olga Zhurcheva, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Professor of the Samara State University of Social Sciences and Education

Vladimir Ionesov, Doctor of Cultural Sciences, Associate Professor, Professor of the Samara State Institute of Culture

Olga Kalegina, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of the Kazan State Institute of Culture

Tatiana Kartashova, Doctor of Arts, Professor, Professor of the Leonid Sobinov Saratov State Conservatory

Alexander Kolesnikov, Doctor of Arts, leading research associate of the Russian Institute of Theatre Arts – GITIS

Igor Kondakov, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Russian State University for the Humanities, corresponding member of the Russian Academy of Natural Sciences

Oleg Krivtsun, Doctor of Philosophy, member of the Presidium of the Russian Academy of Arts, Honored Art Worker of the Russian Federation, Professor, Chief Researcher of the State Institute of Art History

Anna Krom, Doctor of Arts, Professor, Professor of the Mikhail Glinka Nizhny Novgorod State Conservatory

Elena Kuprina, Doctor of Arts, Candidate of Pedagogical Sciences, Head of the Scientific and Publishing Department of the Samara State Institute of Culture

Natalya Letina, Doctor of Cultural Sciences, Associate Professor, Professor of the Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky

Marina Loginova, Doctor of Philosophy, Professor, Chairperson at the Ogarev Mordovia State University; Honored Scientist of the Republic of Mordovia

Alexander Mazuritsky, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of the Moscow State Linguistic University

Roman Motulsky, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Belarusian State University of Culture and Arts

Igor Orlov, Doctor of Arts, Professor, Professor of the Lipetsk State Technical University, Honored Worker of Science and Technology of the Russian Federation, member of the Russian Academy of Arts

Anatoly Panchenko, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Chief Researcher of the State Public Scientific-Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Evgeny Pleshkevich, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Chief Researcher of the State Public Scientific-Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Tatiana Portnova, Doctor of Arts, Professor, Professor of the Alexei Kosygin Russian State University; member of the Union of Theatre Workers of the Russian Federation, International Academy of Culture and Art, Peter the Great Academy of Sciences and Arts; Doctor *Honoris Causa* (the United Kingdom)

Olga Radzetskaya, Doctor of Arts, Professor, Professor of the Alexei Kosygin Russian State University; member of the Union Composers of Russia

Alexander Samarin, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Deputy General Director of the Russian State Library

Irina Sirotina, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Ogarev Mordovia State University

Ekaterina Skorobogacheva, Doctor of Arts, Professor and Director of the Museum of the Ilya Glazunov Russian Academy of Painting, Sculpture and Architecture; Chief Researcher of the Leonid Sobinov Saratov State Conservatory; corresponding member of the Academy of Russian Literature

Natalia Skorokhod, Doctor of Arts, Professor, Professor of the Russian State Institute of Performing Arts

Tatiana Strukova, Doctor of Philological Sciences, Professor, Professor of the Turgenev State University of Oryol

Larisa Tyutelova, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Chairperson of the Department of the Samara National Research University

Victor Uwaroff, Doctor of Arts, Professor of the Department of the Plekhanov Russian University of Economics

Elena Khaychenko, Doctor of Arts, Professor of the Russian Institute of Theatre Arts – GITIS

Elena Khlyshcheva, Doctor of Philosophy, Professor, Chairperson of the Department of the Astrakhan State University

Nina Shalimova, Doctor of Arts, Professor of the Russian Institute of Theatre Arts – GITIS

Maria Shub, Doctor of Cultural Sciences, Associate Professor, Professor of the Chelyabinsk State Institute of Culture

Tatyana Zhurcheva, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Samara National Research University

Evgeniya Kushtym, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Vice-Rector for Research and International Affairs, Tchaikovsky South Urals State Institute of Arts

Ioannis Liritzis, Ph.D. in Mineralogy, Professor of Archaeometry and Interdisciplinary Approaches to Archaeology, Cultural Heritage and Paleoenvironment at the Henan University (China)

Ana Peraica, Ph.D. in Aesthetics of Photography, expert in Culture Studies; researcher of visual culture, mass media and creative practices; Lecturer at the University of Rijeka, Croatia

Культура и философия**А.Г. ГАЧЕВА**Оправдание культуры sub specie
оправдания истории в русской
религиозно-философской мысли**Е.В. БАКШУТОВА****Т.К. РУЛИНА**Как русской идее выйти из плена
интеллектуального иррационализма**М.А. ПЕТИНОВА**Время в оптике
десубстантивации**Культура и текст****О.Е. ВОРОНОВА**Сергей Есенин и Поль Верлен:
историко-литературные параллели
и контексты**Культура и искусство****В.В. МЕДУШЕВСКИЙ**

Синергичная эстетика

И.Ю. ЧИБИКОВА**О.С. НАУМОВА**Иконография и сюжетные особенности
сызранской старообрядческой иконы**Е.Л. ЯКОВЛЕВА**Католицизм в стиле поп-арт
Энди Уорхола**Culture & Philosophy****A.G. GACHEVA**Justifying Sub Specie Culture of Justifying
History in Russian Religious and
Philosophical Thought**E.V. BAKSHUTOVA****T.K. RULINA**How the Russian Idea Can Get out of
the Captivity of Intellectual Irrationalism**M.A. PETINOVA**Time in the Optics
of Desubstantivation**Culture & Text****O.E. VORONOVA**Sergey Yesenin and Paul Verlaine:
Historical and Literary Parallels
and Contexts**Culture & Art****V.V. MEDUSHEVSKY**

Synergistic Aesthetics

I.YU. CHIBIKOVA**O.S. NAUMOVA**Iconography and Plot Features
of the Syzran Old Believer Icon**E.L. IAKOVLEVA**Catholicism in Andy Warhol's
Pop Art Style

Культура и цифровизация

**О.В. АНДРЕЕВА
П.В. ИВАНОВА**

Мультимедийное издание по истории
гравюры: обоснование проекта

Culture & Digitalization

**O.V. ANDREEVA
P.V. IVANOVA**

Multimedia Edition on the History of
Engraving: Justification of the Project

97

Книжная культура

А.М. ПАНЧЕНКО

Офицерские библиотеки при губернских
резервных пехотных батальонах
Российской империи во второй половине
XIX века: планы и реальность

Book Culture

A.M. PANCHENKO

Officers' Libraries at the Provincial
Reserve Infantry Battalions of the Russian
Empire in the Second Half of the XIXth
Century: Plans and Reality

113

Документальное наследие и библиография

А.Ю. САМАРИН

Д.В. Ульянинский – несостоявшийся
собираатель литературы
о революционном движении в России

Documentary Legacy & Bibliography

A.YU. SAMARIN

D.V. Ulyaninsky – a Failed Collector
of Literature on the Revolutionary
Movement in Russia

133

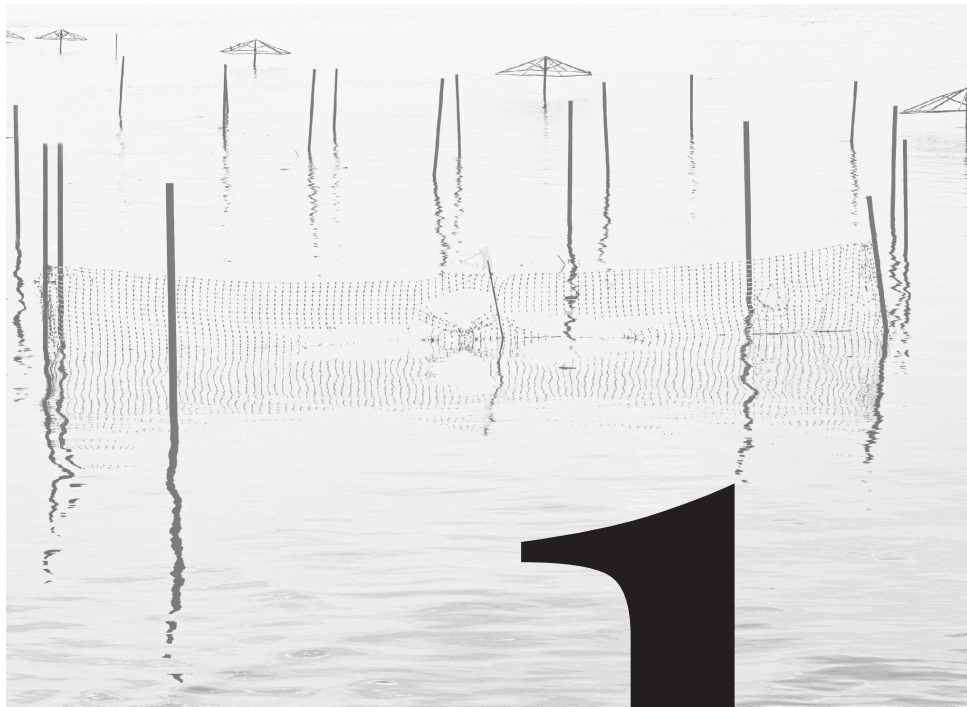
Требования к оформлению статьи

Requirements for the Design of the Article

145

КУЛЬТУРА И ФИЛОСОФИЯ

CULTURE & PHILOSOPHY

I

УДК 1:21+27-528.1/8

DOI: 10.48164/2713-301X_2023_14_13

А.Г. Гачева

Москва

Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН
Библиотека № 180 имени Н.Ф. Федорова ОКЦ ЮЗАО г. Москвы
a-gacheva@yandex.ru**ОПРАВДАНИЕ КУЛЬТУРЫ SUB SPECIE ОПРАВДАНИЯ ИСТОРИИ
В РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ**

Суждения В.Ф. Эрн о логосной традиции русской мысли, определяющей единство подходов ее деятелей к коренным мировоззренческим проблемам, открывают перспективу реконструкции представлений о смысле и задачах культуры в той линии отечественной философии, которая связана с идеей оправдания истории. Автор настоящего исследования доказывает, что, выступая против историософского пессимизма и катастрофизма, русские христианские мыслители выдвигают задачу оцерковления всех сфер и планов жизни, понимая культуру как орудие преображения мира. Процессам её секуляризации философы противопоставляют литургизацию культурного делания, которую рассматривают в контексте заповеди «обладания землей». В этом отношении особое значение приобретает учение Н.Ф. Федорова, который призывал к переходу от культуры (как символического воскрешения) к рекреатуре — действительному восстановлению жизни.

Ключевые слова: русская религиозно-философская мысль, идея оправдания истории, культура, творчество, литургизм, рекреатура, Н.Ф. Федоров.

Один из ведущих представителей русской религиозно-философской мысли и одновременно ее исследователь и теоретик В.Ф. Эрн, давая характеристику отечественного любу мудрия, отмечал глубинную близость русских мыслителей в трактовке главных проблем мира, истории, человека. Не только те из них, которые являются современниками и декларируют свое родство в культуре и духе, но и те, что отделены друг от друга «большими промежутками времени и незнанием друг друга, перекликаются между собой и, не сговариваясь, в поразительном согласии подхватывают один другого» [1, с. 98]¹. Эти взаимные переклички, подчеркивал Эрн, свидетельствуют о существовании некоей «внутренней», «подземной» традиции, корнящейся в логосном начале русской культуры, в ее неразрывно-

сти со Словом, Которым «все начало быть» [Ин. 1:3]. Органическое единство культурных явлений определяется «внутренним метафизическим единством человечества» [1, с. 98], корень которого – Бог.

Общий духовный исток философствования определяет родственность подхода русских мыслителей к феномену культуры [См.: 2], в которой они видят орудие Логоса, проявление Его творящей, утверждающей, преобразующей силы. При этом представление о её смысле и религиозном задании напрямую соединяется в русской философской традиции с представлением о смысле и назначении исторического процесса. Более того, оправдание истории становится оправданием культуры: она предстает не как вторичная и необязательная надстройка над экономическим базисом, а как поле дела и творчества человека,

¹ Курсив здесь и далее цитируемых авторов.

которому Творцом вверен мир на благое возделывание и хранение.

В знаменитом споре Ф.М. Достоевского с К.Н. Леонтьевым¹, упрекавшим писателя в переоценке истории и утверждавшим иллюзорность надежд на возможность всеобщей гармонии на земле, вверженной во власть греха, подавляющее большинство русских религиозных мыслителей было на стороне первого. Н.Ф. Федоров, В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, В.В. Зеньковский, И.А. и В.Н. Ильины не признавали историософского пессимизма К.Н. Леонтьева, его взгляда на историю как неминуемую апостасию, в которой всякое творчество вторично, неабсолютно и в конечном итоге не имеет большой цены, ибо мир, согласно пророчествам «Откровения...», неумолимо обречен огню. Они солидаризировались с Достоевским, который акцентировал в Иоанновом пророчестве не мироразрушающий, а миропреображающий смысл, и утверждали задачей истории созидание «великой общей гармонии, братского, окончательного согласия всех племен по Христову, евангельскому закону» [7, т. 26, с. 148]. Подобно писателю, они противопоставляли ферапонтовскому отвержению мира зосимовскую заповедь деятельной любви, образ веры Христовой, высветляющей и преображающей земную реальность.

В программном реферате «Об упадке средневекового мирозерцания» (1891) В.С. Соловьев резко критиковал историческое христианство за «ложный спиритуализм», надменно попирающий землю как юдоль страдания, зла и греха и стремящийся вырваться из плена материи, вместо того чтобы ее высветлить и преобразить, и напоминал, что «осуществление самого Царства Божия зависит не только от Бога, но и от нас» [8, т. 2, с. 340]. Деятели русского религиозно-философского возрождения начала XX в., стремившиеся к диалогу культуры и церкви

и утверждавшие идею христианской общности, также выступали против историософского нигилизма, оборачивающегося нигилизмом культурным. Они упрекали современное христианство в пассивности, церковь – в постыдном компромиссе с торгово-промышленной цивилизацией, которая активно вытесняет ее на задворки истории, требует от нее «знать свое место» и не претендовать на право духовного водительства миром, а церковное богословское творчество – в стремлении уютно устроиться за спасительной оградой догматики, отгородившись ею от духовных и идейных вызовов времени, от отчаянно бьющихся в затворенные двери догматической храмины вопросов о задачах христианства в истории, о человеке и его назначении в мире, о том, способна ли культура, эмансипировавшаяся от христианства, на новом витке истории вернуться в лоно веры Христовой, причем со всей палитрой творческих средств, выработанных в процессе свободного художественного поиска. «Религиозный дуализм», оставляющий «культуру и общественность» «вне церковной ограды» [9, с. 191], русские богословы считали главной причиной кризисного состояния мира, готового взорваться и взрывающегося изнутри от напора энергий взаимного противостояния. «Бессилие церкви и омертвление культуры» [9, с. 191] – так характеризовали они наличное состояние человечества, ставшее следствием историософского пессимизма и катастрофизма², пассивной, нетворческой установки, неверия в человека, в его способность внутренне обновиться, «воскреснуть и восстать», преодолеть «обморок духовный»³.

Дуалистический разрыв между христианством и миром особенно остро критиковали представители религиозно-философской эмиграции

¹ О полемике Ф.М. Достоевского и К.Н. Леонтьева см.: 3–5. О роли этой полемики в становлении идеи оправдания истории см.: 6, с. 20–21.

² В таких терминах определял «леонтьевский» тип христианского мышления философ Н.А. Сетницкий [10, с. 82, 84].

³ Тютчев Ф.И. Не знаю я, коснется ль благодать... // Тютчев Ф.И. Полное собрание стихотворений. Ленинград: Совет. писатель, 1987. С. 177.

1920–30-х годов. Первую мировую войну и революционные потрясения в Советской России Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Г.П. Федотов, В.Н. Ильин и др. считали закономерным следствием того, что христианство так и не стало руководящей, организующей силой развития, окончательно уступило место секулярным моделям жизни, максимально редуцировало свою ответственность за совершающееся. Как бы продолжая мысль Достоевского, видевшего в позиции Леонтьева «нечто безрассудное и нечестивое» [7, т. 27, с. 51] и связывавшего его историософский пессимизм с эгоизмом, И.А. Ильин в работе «Основы христианской культуры» спорил с «мироотречным уклоном» в христианском мировоззрении, с пассивным, обескривляющим представлением, что «истинный христианин не имеет на земле творческого призвания и творческой цели» [11, с. 315], подчеркивая, что именно мироотвергающая установка, которую до сих пор не может преодолеть в себе христианство, стала причиной стремительной секуляризации культуры и жизни в эпоху Нового и Новейшего времени. Христианство, которое «учит покаянно уходить от мира и из мира, но не учит ответственно входить в мир и радостно творить в нем во славу Божию» [11, с. 316], не может быть вдохновляющей силой культурного делания, разворачивающегося в истории. Для того чтобы стало иначе, необходимо преодоление той точки зрения, согласно которой разрыв между храмовым и внехрамовым, вплоть до окончательного их разделения и даже взаимной борьбы, – это норма для христианского человечества и ничего, кроме спасения души и терпеливого ожидания последних времен, христианам в истории не остается.

В противовес позиции историософского пессимизма русская мысль выдвигает идею истории как «работы спасения», как богочеловеческого действия, плодом которого является преображенный, исцеленный от жала греха и смерти мир. «Сущность истинного хри-

стианства, – подчеркивает Соловьев, – есть перерождение человечества и мира в духе Христовом, превращение мирского царства в Царство Божие [которое не от мира сего]. Это перерождение есть сложный и долгий процесс, недаром же оно в самом Евангелии сравнивается с ростом дерева, созревaniem жатвы, вскисанием теста и т. п.» [8, т. 2, с. 339]. Тот же образ закваски, сбрасывающей тесто истории, использует и И.С. Аксаков: «На дрожжах, брошенных в мир Христом» [12, с. 350], обновляется земной мир, преображаясь в Царствие Божие. А спустя полвека один из ведущих представителей «новоградства» Г.П. Федотов в статье «Эсхатология и культура», опираясь на Христову притчу о «закваске» и одновременно актуализируя идеи своих духовных предшественников в русской мысли, поставит вопрос о необходимости скорректировать традиционную трактовку конца истории как мироразрушающей катастрофы, предшествующей явлению «нового неба и новой земли», подчеркивая, что земная история есть созревание мира к преображению, но этот процесс не совершается сам по себе. Он напрямую зависит от человека, от его сознательного и свободного выбора – быть или не быть в числе учеников и апостолов, призванных нести свет Евангелия миру, утверждать в нем закон любви и свободы, перестраивая на евангельских основаниях все социальные институты, все уровни частной и общей жизни, просветляя и преображая хозяйство и культуру. «Царство Божие не приходит вне зависимости от человеческих усилий, подвига, борьбы. Царство Божие есть дело богочеловеческое. В небесном Иерусалиме, который (Откр., гл. 21) завершает эсхатологическую драму, человечество должно увидеть плоды своих трудов и вдохновения очищенными и преображенными. Другими словами, этот Град, хотя и нисходит с неба, строится на земле в сотрудничестве всех поколений» [13, с. 48].

Вера в то, что история не есть «пустой коридор, который надо как-нибудь пройти, чтобы высвободиться из этого

мира в потусторонний», но «богочеловеческое дело на земле» [14, с. 464], прямо отражается на понимании русскими мыслителями культуры и культурного делания. Культура – вместе с другими областями труда и творчества человека (экономикой, политикой, педагогикой, медициной) – предстает как орудие христианского служения, осмысливается в свете эсхатологии спасения, в контексте «активной апокалиптики»¹, включается во «внехрамовую литургию». Последнее понятие, как и понятие истории как «работы спасения», было введено Н.Ф. Федоровым и подхвачено русскими христианскими мыслителями XX века. «Литургия» в переводе с греческого означает «общее дело» и, с точки зрения сторонников идеи оправдания истории, никак не может ограничиться только храмовым действием. Она должна расшириться за стены храма, выйти в историю и культуру, охватить христианским заданием все сферы человеческой мысли и практики.

Призыв ко внехрамовой литургии воплощал тот вектор религиозизации жизни, который русская религиозно-философская мысль утверждала в противовес секулярному вектору цивилизации Нового и Новейшего времени. Движение за пределы церковной ограды означало для Достоевского, Федорова, Соловьева, Булгакова не обмирщение и размывание веры, но полноту ее благодатного действия в мире. Человечество, подобно Невесте Агнца, должно приуготовить себя к эсхатологическому свершению. Приуготовить и внутренне – через труд самовоспитания, аскетики, «деятельной любви», и внешне – через просветление всей системы отношений, связей и действий, возникающих между человеком и человеком, человеком и природой, человеком и Вселенной, входящих в ту главную, определяющую систему взаи-

модействий, которая возникает между человеком и Богом. В свете идеи оправдания истории аскетика и культура, разведенные в секуляризованном мире по разные стороны баррикад, становятся двумя сторонами единого процесса спасения, более того – поддерживают и укрепляют друг друга [См.: 16, т. 2, с. 640].

В уже цитировавшейся выше статье «Основы христианской культуры» И.А. Ильин утверждал: «Наука, искусство, государство и хозяйство суть как бы те духовные руки, которыми человечество берет мир. И задача христианства не в том, чтобы изуверски отсечь эти руки, а в том, чтобы пронизать их труд изнутри живым духом, воспринятым от Христа. Христианство имеет в мире свое великое волевое задание, которого многие не постигают. Это задание может быть обозначено как создание *христианской культуры*» [11, с. 322]. В понятие культуры здесь включены все сферы творческого действия человека, в том числе политика и хозяйство. Такое расширительное понимание культуры характерно для представителей идеи христианского оправдания истории, видящих в культуротворчестве человека проявление источной заповеди, данной ему Творцом в начале времен: возделывать и хранить Божий сад, а после подвига Иисуса Христа ставшей заповедью «восстановления мира в то благолепие нетления, каким он был до падения» [17, т. 1, с. 401]. В лекции «Догматическое обоснование культуры», прозвучавшей в мае 1930 г. на съезде Лиги православной культуры, С.Н. Булгаков так определял задачи культурного делания: «Задача культуры – дело богочеловечества, т. е. очеловечение мира и обожение человека. В этом смысле задание культуры совершенно беспредельно» [16, т. 2, с. 643].

В отечественной философской традиции культура приобретает не только сотериологическое, но и онтологическое значение. Русские мыслители вступают в полемику с пессимистической картиной будущего земли и человечества,

¹ Понятие «активная апокалиптика» было введено А.К. Горским, Н.А. Сетницким, В.Н. Муравьевым, друзьями-философами 1920-х годов. От пассивного ожидания конца мира они призывали, вслед за Н.Ф. Федоровым, перейти к творческому действию, цель которого – «привести мир к окончательному и полному преображению» [15, кн. 1, с. 460].

которая питалась выдвинутой в 1865 г. Р. Клаузиусом гипотезой тепловой смерти Вселенной и в которой человеку – как мыслящему, чувствующему, творящему существу – не было места. Они выдвигают идею антиэнтропийной сущности жизни и культуры, полагая ее в основу «будущего цельного мировоззрения», где соединяются неразрывно оправдание человека, оправдание истории, оправдание космоса. Вот как определяет это мировоззрение П.А. Флоренский в «Автореферате», созданном для энциклопедического словаря «Гранат»: «Основным законом мира Флоренский считает второй принцип термодинамики – закон энтропии, взятый расширительно, как закон Хаоса во всех областях мироздания. Миру противостоит Логос – начало эктропии. Культура есть сознательная борьба с мировым уравниванием: культура состоит в изоляции, как задержке уравнивающего процесса Вселенной, и в повышении разности потенциалов во всех областях, как условия жизни, в противоположность равенству – смерти» [18, с. 114].

Культура в трактовке П.А. Флоренского, а также философов и ученых-космистов Н.А. Умова, В.И. Вернадского, В.Н. Муравьева, В.Н. Ильина и близкого им французского философа и ученого П. Тейяра де Шардена предстает сущностной силой мира. Вместе с феноменами жизни и мысли она составляет «третье начало термодинамики», борясь с энтропией, способствуя увеличению «стройности», идя в авангарде созидательных, творящих сил бытия. Такая трактовка культурного делания позволяет перебросить мост между естественнонаучным и религиозным мировоззрениями. Творчество культуры понимается как эволюционное предназначение человека и одновременно как религиозный долг, наложенный на него при сотворении. П.А. Флоренский, религиозный философ и одновременно священник, так определял сущность того активного, творческого задания, которое призван исполнить человек-микро-

косм перед макрокосмом – Вселенной: «Человеку-мужу надлежит любить Мир-жену, быть с нею в единении, возделывать ее и ходить за нею, управлять ею, ведя ее к просветлению и одухотворению и направляя ее стихийную мощь и хаотические порывы в сторону творчества, чтобы явился в твари ее изначальный космос» [19, т. 3 (1), с. 440]. Ключевые свойства отношения человека к миру – любовь и возделывание, устремленное к красоте и совершенству, и именно понятие возделывания лежит в самом основании, в самом корне слова «культура», раскрываясь по-настоящему только в космической и религиозно-творческой перспективе.

Н.Ф. Федоров, характеризуя бытийный и творческий статус человека, подчеркивал, что природа в его лице приходит «к самосознанию и самоуправлению» [17, т. 2, с. 77]. Сознующее, чувствующее существо вносит в эволюцию жизни нравственный вектор. В.С. Соловьев, обосновывая идею восходящего развития мира, внутренне целенаправленного совершенствования природных форм, приводящего к возникновению человека, «самого прекрасного и самого сознательного природного существа» [8, т. 2, с. 390], подчеркивает, что человек в культурном творчестве продолжает дело природы, содействуя тому совершенному взаимопроникновению идеи и формы, которое составляет суть красоты. В.Н. Ильин, стремившийся, подобно своим собратьям в культуре и духе, выстроить мост между Шестодневом и эволюцией, утверждал: «Библия и наука не могут враждовать, они говорят об одном и том же, но часто на разных, несоизмеримых... языках» [20, с. 9]. Он примирял материализм и идеализм в понятии «материологизма», «Логоса, действующего в материи» [21] и движущего ее к преображению. Человек, носитель и орудие Логоса, выступает в его трудах как космизатор творения, возделыватель бытия, садовник Эдема, масштабы которого равновелики Вселенной.

Именно так мыслит С.Н. Булгаков, выводя чеканную формулу «Мир как хозяйство» [16, т. 1, с. 47]. По замыслу Творца, человек – «космиург», налагающий «печать своего духа» на плоды своего труда и творчества [16, т. 2, с. 640, 638], и в этом состоит смысл культуры, которая, в отличие от цивилизации, представляет собой не просто фабрику орудий, приспособляющую человека к природе, учащую его выживать в ней, но творческое приращение, «раскрытие Божественного замысла о мире» [16, т. 1, с. 637]. В свою очередь и П.А. Флоренский подчеркивает пневматологичность, целенаправленность и аксиологичность культурного дела человека: «Воля человека делает из объекта природы объект культуры», «культура – не в вещах как таковых, а в свободно преломляющейся по поводу них воле человека, чувствах человека и его <нрзб> целях» [19, т. 3 (2), с. 22].

Волевое усилие личности, которым движется культурное творчество, с точки зрения русских религиозных мыслителей, не может быть автономным безболезненно для самой личности и для мира, где это творчество осуществляется. Душа человека – поле битвы добра и зла, и от того, на чьей стороне находится его сердце, зависит то духовное содержание, которое воплощается в формах культуры. И хотя для большинства русских религиозных мыслителей, как и для А.С. Пушкина, «Гений и злодейство – две вещи несовместные», ибо подлинная гениальность всегда богодухновенна и направлена к благу, они предупреждают творцов культуры от соблазна эстетическим демонизмом, от заигрывания с хаосом и смертью, подчеркивая, что этот соблазн разрушителен не только для творчества, но и для жизни и что лишь внутренне соотнося свою волю с благой волей Творца, человек оказывается способным осуществить «высшую задачу Культуры» [19, т. 3 (2), с. 22].

В сознании русских религиозных мыслителей трактовка культуры как возделывания мира и человека отчетливо

связывалась с пониманием культуры как культа, как религиозного делания, в котором человек-творец предстает соработником Божественного Творца, призванным, по мысли Н.А. Бердяева, «прославлять» Его «своей творческой динамикой в космосе» [22, с. 93]. «Культ есть духовное средоточие культуры» [16, т. 2, с. 643]. В своих истоках и в своем высшем задании культура религиозна, она есть плод синергии Божественного и человеческого. Творчество здесь не обособлено, но осуществляется в потоках Божественной благодати, направляется сыновней ответственностью за мир, данный человеку в благое и мудрое управление. Исходя из такого понимания культурного делания, Н.Ф. Федоров и В.С. Соловьев, С.Н. Булгаков и П.А. Флоренский критикуют секулярную культуру, которая разрывает источные связи с культом, выходит в эгоистически самостийное бытие, культивируя потребительское и игровое отношение к реальности. Такая культура принципиально закрывает для себя небо, существует лишь в пространстве относительных ценностей и потому неспособна к безграничному развитию, с неизбежностью упираясь в свой собственный потолок. Именно к такой культуре – как к ни к чему не обязывающей игре, служанке общества «блудных сынов», верной спутнице «эксплуатирующей, но не восстанавливающей» цивилизации, Н.Ф. Федоров обращает резкие, эпатажные слова: «Целью жизни будет спасение от культуры» [17, т. 3, с. 481].

Совершенно иначе оценивает мыслитель религиозную культуру, которая неразрывна с сознанием своих священных корней, с памятью об отцах и о Боге отцов. Она воспитательна, формирует самосознание человека, настраивает и выстраивает и нравственный строй личности, и векторы ее действия в мире.

Н.Ф. Федоров много писал об учительной функции религиозной культуры, называя ее эстетическим, художественным богословием. Культура свидетельствует об истинах веры не понятийно-логи-

чески, а образно-эмоционально, апеллирует не к одинокому разуму, а к тому единству сердца и ума, которое, по мысли А.С. Хомякова, И.В. Киреевского, К.С. Аксакова, составляет основу цельного знания, исцеляющего личность от губительного двоемыслия, от внутреннего раздора. Раскрывая символику храмовой архитектуры, росписи, богослужения, философ общего дела подчеркивал, что храм высится на земле как икона обоженного мироздания, где уже нет смерти и розни, как «подобие вселенной, в которой оживлено все то, что было умерщвлено», как «проект мира, каким он должен быть, то есть новой земли и нового неба, преисполненных силою не разрушающею и умерщвляющею, а воссозидающею» [17, т. 1, с. 311]. И ницшевско-вагнеровскому синтезу искусств в музыкальной трагедии, питающемуся историософским пессимизмом и катастрофизмом, мыслитель противопоставлял синтез искусств в литургии, в основе которого – образ преодоления распада и смерти, всецелого обновления земли, человека, Вселенной. В XX в. П.А. Флоренский в статье «Храмовое действо как синтез искусств», работе «Иконостас», статьях по философии культа продолжит мысль Федорова о символике храма, росписи, церковных служб как феноменах религиозной культуры, где вечное входит во временное, преображая его изнутри, а божественное соединяется с человеческим.

Религиозная культура литургична, и характерной ее чертой является стремление к воплощению идеала, к обожению жизни и человека, к озарению их тем «Светом Христовым», который, как провозглашается на литургии Преждеосвященных Даров, «просвещает всех». Культура, отколовшаяся от религиозного источника, утрачивает импульс преображения, замыкается в художественных мастерских и галереях, гордынно превозносится над жизнью, уходит, как уже говорилось выше, в бесстыдную и безответственную игру, служа апостасийному выбору современного

мира, взаимоистребительной, падшей истории. Федоров в равной степени критикует и девальвацию культурного творчества в секуляризованном, духовно одномерном мире, в торгово-промышленной цивилизации, стремящейся пристегнуть культуру к упряжке экономической выгоды, изгоняя из нее всякий идеализм, превращая ее в культуру реклам и «художество вывесок» [17, т. 2, с. 424], и кастовость культурного делания, идолопоклонство перед культурой, ставящей себя впереди живой жизни, приносящей ее в жертву созданию культурных шедевров, когда, как горько говорит Ирена, героиня пьесы Г. Ибсена «Когда мы, мертвые, пробуждаемся»: «На первом плане художественное произведение, человек – на втором»¹.

Не менее жестко оценивает мыслитель и избирательный принцип культуры. Если в религиозной культуре, средоточием которой является храм и храмовое поминовение, не обойден вниманием ни один из живущих, не забыт ни один из умерших, ибо молитва Церкви возносится «о всех и за вся», то в светской культуре в орбиту культурной памяти входят лишь избранные, «а остальные, – как пишет ведущий исследователь наследия Федорова С.Г. Семенова, – идут в безличную и безразличную труху бытия» [23, с. 84]. «Принцип высшего культурного призвания есть принцип жестокий и неистинный» [24, с. 9], – подхватывает мысль Федорова В.С. Соловьев, противопоставляя увековечению немногих в культуре религиозный принцип апокатастасиса.

В искаженной социальной реальности избирательность культурной памяти соседствует с ложным пониманием патриотизма, когда чувство любви к родной земле, в которой упокоились предки ныне живущих, к ее истории и святыням, подменяется национальной гордыней, когда живущие не столько воскрешают ушедших в сердце своем, не столько

¹ Ибсен Г. Когда мы, мертвые, пробуждаемся // Ибсен Г. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 4. Москва: Искусство, 1958. С. 448.

обращаются к Богу с поминальной молитвой, сколько превращают предков в орудие превозношения над другими народами, усугубляя постыдное разделение человечества, забывшего о своем источном родстве. «Народ как обособившаяся часть распавшейся семьи человеческой, – пишет мыслитель, – есть выражение не общей славы этой части в прошлом, а общего *тщеславия* и общей воли, т. е. желания остаться и в настоящем при этом тщеславии; истинный же культ предков *не в славе, а в деле*» [17, т. 1, с. 135].

Культура, не помнящая родства, паразитирует на великих именах. Откликаясь в 1899 г. на празднование 100-летия Пушкина, Федоров производит настоящую филиппику по поводу внезапно возникшего гипертрофированного увлечения поэтом, подчеркивая, что в этом всеобщем обожании много шума, блеска и треска, но крайне мало серьезности. «Будут Пушкинские торжественные вечера, Пушкинские даже целые дни (о ночах ничего не сказано)», «все искусства будут призваны к прославлению поэта», а ушлые дельцы не преминут назвать именем Пушкина сигареты, конфеты и другие произведения промышленности и торговли, превращая имя поэта в товарную этикетку, но юбилейный шум вокруг имени Пушкина не приблизит потомков к тому, чтобы понять главное в его творческом деле: «вопрос о цели и смысле жизни» [17, т. 3, с. 523].

Между тем именно в постановке вопроса о смысле существования и назначении человека видел Федоров аксиологический нерв светской культуры, тяготящейся своей светскостью. Пушкин – поэт, для которого вопрос «Жизнь, зачем ты мне дана?» был совсем не риторическим, и он не заслонялся поэзией от «жизненного горя и зла» [17, т. 3, с. 523]. Как не заслонялся и Лермонтов, сознававший невозможность «внутреннего счастья для кого-либо, когда несчастье кругом» [17, т. 3, с. 528] и вложивший в сердце Печорина тоску по подлинному делу, дающему возмож-

ность преодоления внутренней пустоты. Наконец, Гоголь, показавший глубину нравственного падения социума, где оказывается возможен торг «душами отцов» «и без малейшего при этом угрызания совести» [17, т. 3, с. 530, 531], выстраивал «Мертвые души» как триптих, во второй части которого должно было произойти покаяние Чичикова и других героев «поэмы», а в третьей, так и не состоявшейся части, они должны были стать деятелями новой России. Для Федорова необходимый этап возвращения культуры к своим религиозным истокам – ее метанойя. И именно как метанойю, как раскаяние в отступничестве, как поворот с путей неправды на Божьи пути воспринимает он русскую культуру XIX века.

Задача оцерковления культуры ставится Федоровым в непосредственную связь с задачей перехода от истории как «взаимного истребления, истребления друг друга и самих себя» [17, т. 1, с. 138], к истории как труду воскрешения, возвращающему к преображенной, бессмертной жизни все жертвы прошлого и настоящего. В одной из заметок 1890-х гг. философ так обозначает активно-христианский вектор культуры: не храмовое должно профанироваться при переходе в светское, а «площадное должно возвыситься до храмового» [17, т. 3, с. 100]. Культура, для Федорова, во всей полноте проявит свою воспитательную, учительную функцию лишь тогда, когда не только через храмовый синтез, но через всю полноту творческих практик сможет нести миру благовест о преображении. В.С. Соловьев, философия культуры которого складывалась в поле мировоззренческого диалога с Федоровым, особенно выделял проективную функцию культуры, призванной явить в земных формах «красоту будущей жизни» [8, т. 2, с. 398], стать частью богочеловеческого процесса спасения. А русские христианские мыслители XX в., символически трактуя жест старца Зосимы, направляющего Алешу Карамазова из монастыря в мир, подчеркивали, что все сферы человеческой

практики, все уровни культуры могут и должны быть устроены «сообразно высшему идеалу, открывшемуся нам во Христе», и этот расцвет человеческого творчества в перспективе движения мира к Царствию Божию есть «высший синтез истории, ее предел» [9, с. 191].

Выше мы показали, что русские христианские мыслители помимо воспитательной, учительной, идеалотворческой выделяют онтологическую функцию культуры. Она – орудие жизни, одно из тех орудий, которые, как пишет П.А. Флоренский, даны человеку, чтобы возделывать бытие (потому и происходит она от латинского «cultivare»). Но возделывание по определению не может ограничиваться лишь творчеством прекрасных, но мертвых подобий реальности, поскольку должно направляться к действительному, а не мнимому преобразению жизни. В представлении Федорова, синтетическая культура будущего, кумулирующая в преобразующем делании все сущностные энергии человека, вбирающая в себя все сферы его знания и творчества, в перспективе истории должна стать рекреатурой, выйти за пределы творчества «второй действительности» в реальное «творчество жизни». «Рекреатура, – поясняет мысль Федорова Е.М. Титаренко, – богочеловеческий процесс восхождения к первообразу мира, не знавшего грехопадения и ущерба. Поэтому для Федорова характерно литургическое понимание культуры» [25, с. 315].

О том, что свое завершение дело культуры находит в акте преобразования, просветления материальности, пишет и младший современник Н.Ф. Федорова В.С. Соловьев. На этом постулате построена его эстетическая теория, согласно которой развитие мира идет по линии все большего одухотворения материального бытия, облечения его в красоту и нетление, причем ключевым звеном в этом процессе является человек. Смысл его творчества в том, чтобы, регулируя и гармонизируя слепые, стихийные силы, привести распадающийся мир в состоя-

ние всеединства, содействовать торжеству Царствия Божия в каждой точке Вселенной. Нравственный смысл жизни человечества философ определяет как содействие воплощению в бытии и физическом, и духовном, «безусловного нравственного порядка» [8, т. 1, с. 276], Царствия Божия, рассматривая культуру как одну из сфер и орудий этого воплощения. Философ выделяет две стадии художественного развития: проективную, на которой творчество создает совершенный образ будущего мира, выступая тем самым «переходом и связующим звеном между красотой природы и красотой будущей жизни» [8, т. 2, с. 398], и реальную, когда оно включается в процесс преобразования бытия, стремится «одухотворить, пресуществить нашу действительную жизнь» [8, т. 2, с. 404].

Выше мы говорили о введенном Федоровым понятии внехрамовой литургии. Внехрамовая литургия понималась автором «Философии общего дела» как «воскрешение и всей вселенной преобразование» [17, т. 1, с. 404]. Процесс воспитания человеческого рода, творчество религиозной культуры, собирание памяти об ушедших – все это для мыслителя как бы «проскомидия» и «литургия оглашенных», приуготовление к главному делу-дел – «литургии верных», процессу уже не символического только, но реального преобразования мира, не только духовного, но онтологического обновления. Как в таинстве Евхаристии принесенные на жертвенник хлеб и вино претворяются в тело и кровь Христовы, так во внехрамовой литургии нынешний раздробленный, смертный, находящийся в состоянии «взаимного истребления» мир преобразается в неслиянно-нераздельное, братски-любтивное единство по образу и подобию Троицы, прах умерших пресуществляется в живую, воскрешенную плоть. Человеческое делание идет здесь навстречу Божественному действию, синергически соединяется с ним.

Федоров, главный апологет идеи истории как «работы спасения», предельно расширял границы активности

человека. Как пишет С.Г. Семенова, он был «убежден в том, что Божественная воля действует через человека как разумно-свободное существо, через единую соборную совокупность человечества. Главная задача человека при этом: содействовать активным орудием воли Бога, а воля Его ясна: Он – Бог отцов, “не мертвых, а живых”, смерти не создавший, желающий восстановления мира в прославленное бессмертное состояние, когда искуплены грехи и возвращены все жертвы длительной истории человечества после грехопадения» [23, с. 230]. Неоднократно на страницах своих сочинений Федоров напоминает слова Христа: «Верующий в меня, дела, которые творю Я, и он сотворит и больше сих сотворит» (Ин. 14:12). На протяжении всего Своего земного пути Спаситель исцеляет больных, утишает стихии, воскрешает умерших и, наконец, воскрешает Сам, демонстрируя полноту власти духа над материальным естеством. Человечество, по Федорову, призывается к полноте соучастия в этих делах. Ему предстоит не просто молиться: «Да придет Царствие Твое», но по воле Божией созидать это Царствие, не просто чаять «воскресения мертвых и жизни будущего века», но осуществлять это главное чаяние веры Христовой.

Мысль Федорова о необходимости соучастия человечества в деле воскрешения и переходе от культуры к рекреатуре разделяли далеко не все сторонники идеи истории как работы спасения, а если и разделяли, то с определенными, подчас весьма значительными, оговорками, как В.С. Соловьев, который уживал воскресительный проект в отвлеченно-теоретические и даже мистические одежды [См.: 23, с. 124-131], или С.Н. Булгаков, который в «Свете невечернем» дистанцировался от этого проекта, а в финале книги «Агнец Божий», первой книги трилогии «О Богочеловечестве», все же признал его: «Очеловечение мира, с господством над ним во имя Божие, к чему призван человек по сотворении, относится к проявлению царственного

служения человека, по силе его участия в царском служении Христа, как бы далеко ни шли устремления человека на этом пути, вплоть даже до человеческого участия во всеобщем воскресении, согласно проекту Н.Ф. Федорова» [14, с. 465]. Большинство же из тех, кто подхватил федоровскую идею внехрамовой литургии – Г.П. Федотов, К.В. Мочульский, В.В. Зеньковский, мать Мария (Е.Ю. Кузьмина-Караваева), – видели ее задачу во внутренней перестройке человеческой жизни и культуры в свете Христовой заповеди о совершенстве («Будьте совершенны как совершен Отец ваш Небесный» (Мф. 5:48)). В то же время эти мыслители были солидарны с философом общего дела в стремлении утвердить христианство как творческую силу истории, на новом витке одушевить современность евангельским идеалом, содействуя повороту мира на Божьи пути, преодолению антихристианского устроения жизни, оборачивающегося кризисами и катастрофами, которые по мере усовершенствования орудий взаимного истребления грозят стереть с лица земли человеческий род. И полагали, что творчество культуры, соединяясь с другими сферами человеческого действия, от экономики до политики, преобразит жизнь на христианских началах, приустроив человечество к моменту всеобщего воскресения, осуществляемого Божественной волей.

Но были и те мыслители, которые разделяли и развивали концепцию Федорова о переходе от культуры к рекреатуре, от истории как символического воскрешения к истории как реальному воскресительному труду. Речь идет о представителях русского космизма 1920-х гг. А.К. Горском, Н.А. Сетницком, В.Н. Муравьеве¹. Опираясь на идеи активного христианства, они стремились разглядеть в настоящем ростки новой соборной «культуры будущего» [27], которая в союзе с наукой, вдохновляемая религией, станет основой «организации

¹ О сотрудничестве этих мыслителей и развиваемых ими идеях см.: 26, с. 384-482, 498-516.

мировоздействия» [28, с. 711], приведет к победе над пространством и временем, к преодолению смерти, установлению «космократии и пантократии» человеческого рода [15, кн. 2, с. 145].

Взгляды на смысл и назначение культуры и культурного творчества, которые были развиты в трудах представителей русской мысли, выдвигавших идею

оправдания истории, обретают параллели в эстетической теории и художественной практике деятелей русского символизма и новокрестьянских поэтов, а также творцов русского авангарда В. Хлебникова, В.Н. Чекрыгина, П.Н. Филонова, что нуждается в специальном исследовании.

Список литературы

1. Эрн В.Ф. Нечто о Логосе, русской философии и научности // Эрн В.Ф. Борьба за Логос. Москва: Правда, 1991. С. 71-108.
2. Шибаева М.М. Культура в «зеркале» русской мысли. Москва: МГУКИ, 2021. 249 с.
3. Буданова Н.Ф. Достоевский и Константин Леонтьев // Достоевский. Материалы и исследования. Вып. 9. Ленинград: Наука, 1990. С. 199-222.
4. Бочаров С.Г. Леонтьев и Достоевский // Бочаров С.Г. Сюжеты русской литературы. Москва: Языки рус. культуры, 1999. С. 341-397.
5. Касаткина Т.А. Взаимоотношения человека с природой в христианском мирозерцании Достоевского // XXI век глазами Достоевского: перспективы человечества. Москва: Грааль, 2002. С. 304-313.
6. Гачева А.Г. Идея оправдания истории // Гачева А.Г. Человек и история в зеркале русской философии и литературы. Москва: Водолей, 2021. С. 16-42.
7. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Ленинград: Наука, 1972-1990.
8. Соловьев В.С. Сочинения: в 2 т. Т. 1. Москва: Мысль, 1988. 894 с., 1 л. портр.; Т. 2. 824 с., [2] л. портр.
9. Булгаков С.Н. Очерк о Ф.М. Достоевском. Чрез четверть века (1881-1906) // Булгаков С.Н. Тихие думы. Москва: Республика, 1996. С. 187-216.
10. Сетницкий Н.А. О конечном идеале // Сетницкий Н.А. Избранные произведения. Москва: РОССПЭН, 2010. С. 61-530.
11. Ильин И.А. Основы христианской культуры // Ильин И.А. Одинокий художник. Москва: Искусство, 1993. С. 291-336.
12. Аксаков И.С. Сочинения: в 7 т. Т. 4. Москва: Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. 770 с.
13. Федотов Г.П. Эсхатология и культура // Новый Град. 1938. № 13. С. 45-56.
14. Булгаков С., прот. Агнец Божий. Париж: YMCA-press. 1933. 468 с.
15. Муравьев В.Н. Сочинения: в 2 кн. Кн. 1 / сост., подгот. текста, коммент., предисл. А.Г. Гачевой. Москва: ИМЛИ РАН, 2011. 704 с.; Кн. 2. 720 с.
16. Булгаков С.Н. Сочинения: в 2 т. Т. 1. Москва: Наука, 1993. 604 с.; Т. 2. 750 с.
17. Федоров Н.Ф. Сочинения: в 4 т. Т. 1-4. Москва: Прогресс; Традиция, 1995-2000.
18. Флоренский П.А. Автореферат // Вопросы философии. 1988. № 12. С. 113-116.
19. Флоренский П., свящ. Сочинения: в 4 т. Т. 1-4. Москва: Мысль, 1994-2000.
20. Ильин В.Н. Шесть дней творения. Библия и наука о творении и происхождении мира. Paris: YMCA-press, 1930. 229 с.
21. Ильин В.Н. Материализм и материологизм // Евразия. 1928. № 2 (1 дек.).
22. Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства: в 2 т. Т. 1. Москва: Искусство; Лига, 1994. 542 с.; Т. 2. 510 с.
23. Семенова С.Г. Философ будущего Николай Федоров. Москва: Акад. проект, 2019. 638 с.

24. Соловьев В.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 5. Санкт-Петербург, 1912. 484 с.
25. Титаренко Е.М., Титаренко С.Д. «Культура – культ отшедших, и вечная память – душа ее жизни...»: Вячеслав Иванов и Николай Федоров // Русско-Византийский вестник. 2020. № 1. С. 308-323.
26. Гачева А.Г. «Идеал ведь тоже действительность...». Русская философия и литература. Москва: Акад. проект, 2019. 734 с.
27. Оносов А.А. Всеобщая преобразовательная культура (Из «Евангелия всемогущества» от В.Н. Муравьева) // Философ общего дела: материалы Междунар. науч. чтений памяти Н.Ф. Федорова. Москва: ЦБС ЮЗАО, 2022. С. 410-458.
28. Горский А.К. Сочинения и письма: в 2 кн. Кн. 1 / вступ. ст., сост., подгот. текста, коммент. А.Г. Гачевой. Москва: ИМЛИ РАН, 2018. 1008 с.

Сведения об авторе:

Гачева Анастасия Георгиевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы имени А.М. Горького РАН, главный библиотекарь, научный сотрудник Библиотеки № 180 имени Н.Ф. Федорова Объединения культурных центров Юго-Западного округа г. Москвы

ул. Профсоюзная, 92, Москва, 117485
a-gacheva@yandex.ru

Дата поступления статьи: 25.10.2023

Одобрено: 27.10.2023

Дата публикации: 17.11.2023

Для цитирования:

Гачева А.Г. Оправдание культуры sub specie оправдания истории в русской религиозно-философской мысли // Сфера культуры. 2023. № 4 (14). С. 13–26. DOI: 10.48164/2713-301X_2023_14_13

УДК 1:21+27-528.1/8

DOI: 10.48164/2713-301X_2023_14_13

A.G. Gacheva

Moscow

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Science
the N.F. Fedorov Library No. 180 Association of Cultural Centers of the Southwestern
District of Moscow
a-gacheva@yandex.ru

JUSTIFYING SUB SPECIE CULTURE OF JUSTIFYING HISTORY IN RUSSIAN RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL THOUGHT

V.F. Ern's judgments about the logos tradition of Russian thought which determines the unity of its leaders' approaches to indigenous worldview problems, open up the prospect of reconstructing ideas about the sense and tasks of culture in the line of Russian philosophy that is connected

with the idea of justifying history. The author of the present study proves that, opposing historiosophical pessimism and catastrophism, Russian Christian thinkers put forward the task of Churchification all spheres and plans of life, understanding culture as an instrument for transforming the world. Philosophers contrast the

processes of its secularization with the liturgization of cultural doing, which is considered in the context of the “possession of the earth” commandment. In this regard, N.F. Fedorov’s doctrine, who called for the transition from culture (as a symbolic resurrection) to recreature,

i.e. the actual restoration of life, is of particular importance.

Keywords: Russian religious and philosophical thought, the idea of justifying history, culture, creativity, liturgism, recreature, N.F. Fedorov.

References

1. E`rn, V.F. (1991) Nechto o Logose, russkoj filosofii i nauchnosti [Something about Logos, Russian Philosophy and Science]. *E`rn V.F. Bor`ba za Logos* [Struggle for Logos]. Moscow: Pravda, 71-108. (In Russian).
2. Shibaeva, M.M. (2021) *Kul`tura v «zerkale» russkoj my`slj* [Culture in the “Mirror” of Russian Thought]. Moscow: Moscow State University of Culture and Arts. (In Russian).
3. Budanova, N.F. (1990) Dostoevskij, i Konstantin Leont`ev [Dostoevsky and Konstantin Leontyev]. *Dostoevskij. Materialy` i issledovaniya*. [Dostoevsky. Materials and Research]. Issue 9. Leningrad: Nauka, 199-222. (In Russian).
4. Bocharov, S.G. (1999) Leont`ev i Dostoevskij [Leontiev and Dostoevsky]. *Bocharov S.G. Syuzhety` russkoj literatury`* [Bocharov S.G. Plots of Russian Literature]. Moscow: Yazy`ki russkoj kul`tury`, 341-397. (In Russian).
5. Kasatkina, T.A. (2002) Vzaimootnosheniya cheloveka s prirodoj v xristianskom mirosozerczanii Dostoevskogo [The Relationship of Man with Nature in Dostoevsky’s Christian Worldview]. *XXI vek glazami Dostoevskogo: perspektivy` chelovechestva*. [The XXI<sup>st</sup> Century through the Eyes of Dostoevsky: the Prospects of Mankind]. Moscow: Graal`, 304-313. (In Russian).
6. Gacheva, A.G. (2021) Ideya opravdaniya istorii [The Idea of Justifying History]. *Gacheva A.G. Chelovek i istoriya v zerkale russkoj filosofii i literatury`* [Gacheva A.G. Man and History in the Mirror of Russian Philosophy and Literature]. Moscow: Vodolej, 16-42. (In Russian).
7. Dostoevskij, F.M. (1972-1990) *Polnoe sobranie sochinenij: v 30 tomov* [Complete Works: in 30 vols]. Leningrad: Nauka. (In Russian).
8. Solov`ev, V.S. (1988) *Sochineniya: v 2 tomov. Tom 1* [Works: in 2 vols. Vol. 1]. Moscow: My`sl`. (In Russian).
9. Bulgakov, S.N. (1996) Oчерк о F.M. Dostoevskom. Chrez chetvert` veka (1881-1906) [Essay on F.M. Dostoevsky. Through a Quarter of a Century (1881-1906)]. *Bulgakov S.N. Tixie dumy`* [Bulgakov S.N. Quiet Thoughts]. Moscow: Respublika, 187-216. (In Russian).
10. Setniczkij, N.A. (2010) O konechnom ideale [On the Ultimate Ideal]. *Setniczkij N.A. Izbranny`e proizvedeniya* [Setniczkij N.A. Selected Works]. Moscow: ROSSPEN, 61-530. (In Russian).
11. Il`in, I.A. (1993) Osnovy` xristianskoj kul`tury` [Fundamentals of Christian Culture]. *Il`in I.A. Odinkij xudozhnik* [Ilyin I.A. A Lonely Artist]. Moscow: Iskusstvo, 291-336. (In Russian).
12. Aksakov, I.S. [1886] *Sochineniya: v 7 tomov. Tom 4* [Writings: in 7 vols. Vol. 4]. Moscow: M.G. Volchaninov Publishing House. (In Russian).
13. Fedotov, G.P. (1938) E`sxatologiya i kul`tura [Eschatology and Culture]. *Novy`j Grad* [New City], No. 13, 45-56. (In Russian).
14. Bulgakov, S. (1933) *Agnez Bozhij* [Lamb of God]. Paris: YMCA-press. (In Russian).
15. Murav`ev, V.N. (2011) *Sochineniya: v 2 knigax. Kniga 1* [Works: in 2 books]. Compl., text preparation, commentary, preface by A.G. Gacheva. Moscow: A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Science. (In Russian).

16. Bulgakov, S.N. [1993] *Sochineniya: v 2 tomax. Tom 1.* [Works: in 2 vols.] Moscow: Nauka. [In Russian].
17. Fedorov, N.F. (1995-2000) *Sochineniya: v 4 tomax. Tom 1-4* [Works: in 4 vols. Vol. 1-4]. Moscow: Progress; Tradiciya. [In Russian].
18. Florenski, P.A. (1988) Avtoreferat [Abstract]. *Voprosy` filosofii* [Questions of Philosophy], No. 12, 113-116. [In Russian].
19. Florenskij, P. *Sochineniya: v 4 tomax. Tom 1-4* [Works: in 4 vols. Vol. 1-4]. Moscow: My`sl`, 1994-2000. [In Russian].
20. Il`in, V.N. (1930) *Shest` dnei tvoreniya. Bibliya i nauka o tvorenii i proisxozhdenii mira* [Six Days of Creation. The Bible and the Science of Creation and the Origin of the World]. Paris: YMCA-press. [In Russian].
21. Il`in, V.N. (1928) Materializm i materiologizm [Materialism and Materiologism]. *Evrasiya* [Eurasia], No. 2 (1 Dec.). [In Russian].
22. Berdyaev, N.A. (1994) *Filosofiya tvorchestva, kul`tury` i iskusstva: v 2 tomax. Tom 1* [Philosophy of Creativity, Culture and Art: in 2 vols.]. Moscow: Iskusstvo; Liga. [In Russian].
23. Semenova, S.G. (2019) *Filosof budushhego Nikolaj Fedorov* [Philosopher of the Future Nikolai Fedorov]. Moscow: Akademicheskij proekt. [In Russian].
24. Solov`ev, V.S. (1912) *Polnoe sobranie sochinenij: v 10 tomax. Tom 5.* [Complete Works: in 10 vols. Vol. 5]. Saint Petersburg. [In Russian].
25. Titarenko, E.M., Titarenko, S.D. (2020) "Kul`tura – kul`t otshedshix, i vechnaya pamyat` – dusha ee zhizni...": Vyacheslav Ivanov i Nikolaj Fedorov ["Culture is a Cult of the Deceased, and Eternal Memory is the Soul of its Life"...: Vyacheslav Ivanov and Nikolai Fedorov]. *Russko-Vizantijskij vestnik* [Russian-Byzantine Herald], No. 1, 308-323. [In Russian].
26. Gacheva, A.G. (2019) "Ideal ved` tozhe dejstvitel`nost`...". *Russkaya filosofiya i literature* ["The ideal is also Reality...". Russian Philosophy and Literature]. Moscow: Akademicheskij proekt. [In Russian].
27. Onosov, A.A. (2022) Vseobshhaya preobrazovatel`naya kul`tura (Iz "Evangeliiya vsemogushhestva" ot V.N. Murav`eva) [General Transformative Culture (From the "Gospel of Omnipotence" from V.N. Muravyov)]. *Filosof obshhego dela: Materialy` Mezhdunarodny`x nauchny`x chtenij pamyati N.F. Fedorova* [Philosopher of Universal Cause: Materials of International Scientific Readings in Memory of N.F. Fedorov]. Moscow: Centralized Library System of the Southwestern Administrative District, 410-458. [In Russian].
28. Gorskij, A.K. (2018) *Sochineniya i pis`ma: v 2 knigax. Kniga 1* [Writings and Letters: in 2 books. Book 1]. Introductory article, compiler, text preparation, commentary by A.G. Gacheva. Moscow: A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Science [In Russian].

About the author:

Anastasia G. Gacheva, Doctor of Philological Sciences, Leading Researcher at A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Science, Chief Librarian, Researcher at the N.F. Fedorov Library No. 180 Association of Cultural Centers of the Southwestern District of Moscow

92 Profsoyuznaya Str., Moscow, 117485
a-gacheva@yandex.ru

УДК 165.61+008.001

DOI: 10.48164/2713-301X_2023_14_27

Е.В. БакшутоваСамара
Самарский государственный институт культуры
bakshutova.ev@samgik.ru**Т.К. Рулина**Самара
tatrul@yandex.ru

КАК РУССКОЙ ИДЕЕ ВЫЙТИ ИЗ ПЛЕНА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ИРРАЦИОНАЛИЗМА

Авторы осмысливают проблему культурного наследия русской идеи с позиций ментальных структур, исторически сложившихся и актуальных для российского общества. Показано, что русская модель познания иррациональна и восходит к платонической модели эйдоса — познания не столько как рационализации и абстрагирования, сколько морального восхождения. Стремясь к Алетейе (духу истины и искренности), выступающей одним из маркеров русской культуры, духовное самоопределение народа по-прежнему опирается на идеализированные мифологемы уникального пути, что обесценивает и собственное рациональное, и заимствованное идеальное.

Ключевые слова: культура, ментальность, русская идея, рациональность, иррациональность, Алетейя, самоопределение.

Говоря о культурном наследии, в том числе нематериальном, мы справедливо обращаемся к традиционной культуре, сохранившей типические основы ментальной, эмоциональной и поведенческой репрезентации народов, идентифицирующих себя с русской культурой. Ментальные установки современности включают в себя ментальные установки прошлого, настоящего и будущего, но прошлое наше – не один день, год и даже век, оно многомерно. А ментальные установки (культурные коды) способны доминировать, блокируя стратегии движения. Идея орудийного (в том числе знакового) опосредствования психики, высказанная сначала Г.В.Ф. Гегелем [1], затем Л.С. Выготским [2], позволила В.А. Шкуратову, жившему уже в эпоху медиа, по характеру опосредствования (знаковой системе) выделить или эксплицировать три класса ментальностей:

ментальность предметов и тел, письменная ментальность и медиаментальность. На этой основе удается определить разделение эпох, наук и источниковедческих объектов [3, с. 111].

Достаточно долго содержание ментального уровня русского народа и характер его опосредствования сохраняли комплементарность, но появление письменности, и тем более медиа, не только упорядочивают, но и легитимируют сохранность того или иного ментального содержания. Явление постправды – изобретение не нашего века. Вот почему самоопределяющемуся народу в современном информационно очень подвижном медиамире важно обратиться к традиционной культуре, порожденной взаимодействием человека и природы, а также к гражданской, городской, письменной культуре мышления. И одна, и другая долгое время сосуществовали в весьма сложном взаи-

модействии, худо-бедно порождая идентификационные смыслы солидаризации народов России.

Идеи эпохи Просвещения, которым мы все еще следуем, полагая, что человек – существо разумное, одновременно внушают оптимизм и надежду на то, что цели и средства воплощения идей могут быть соразмерны. В то же время очевидно, что не все причинно-следственные связи событий, открытий, свершений объяснимы исключительно рационально. Даже прямолинейная логика может приводить к неправильным заключениям, о которых пишет Р. Шведер: «...ум человека склонен смешивать семантические отношения описанных событий с эмпирическими отношениями, смешивать “суждения о языке” с “суждениями о мире”, смешивать похожесть с вероятностью» [4, с. 34-35]. Для русских мыслителей весьма актуальна проблема неразделенности философского мышления абстракциями и философствования как поиска смысла жизни, что из предложенной Р. Шведером триады категорий мышления (иррациональность, рациональность и нерациональность) [4, с. 27] позволяет видеть именно в иррациональности определяющую русскую культуру форму мышления.

По словам П.Б. Струве, «поскольку в христианской теологии понятия выступали как орудия творческой деятельности Божества, возникал вопрос о статусе их существования. При ответе на него альтернативой было либо признание универсалий “вещами”, пребывающими как в божественном разуме, так и в сущих человеческого сознания, либо же отказ признания их “вещами”, превращающий универсалии в гносеологические фикции» [5, с. 278-291], т. е. европейское Божество изначально рационально. Ф. Гиренок иронизирует: «Греческая философия кодифицирована в академиях и лицеях. Метафизике можно научить. Русская философия – неметафизическая. Она без специальных технических терминов. А если в ней нет этих терминов,

то в ней нет и крючков, на которых держалось бы сознание. И поэтому сознание в ней не держится» [6, с. 17]. Исследователь «национальных образов мира» Г.Д. Гачев также подчеркивает несовместимость живой личности, только мечтающей о самоопределении, и торжества «великой, сверхличной идеи, идеала общественного устройства...» [7, с. 64-69].

О чем идет речь? О самоуничижении русских мыслителей? О пристрастном отношении к своему народу? Отнюдь нет... Но из века в век значимость и ценность человека измеряется по его «партийности», приверженности определенным идеям. «Отклонение от правильного курса» нивелирует, отменяет талант, заслуги, личностную ценность. Подобное подобострастие идеям отмечает Туробоев, один из героев романа Максима Горького «Жизнь Клима Самгина», говоря по этому поводу: «У нас есть варварская жадность к мысли, особенно – блестящей, – это напоминает жадность дикарей к стеклянным бусам»¹. Именно в контексте доминирующих сверхличных идей видит роль России в мировой истории теоретик археомодерна А.Г. Дугин [8].

Итак, если в русском менталитете нет традиции рационализации, но есть пристрастие к сверхценным идеям, то причины константности ментальных структур иррационального генеза вполне объективны. М.А. Дакоро, резюмируя многолетние и даже двухвековые итоги интеллигентского дискурса, отмечает неукорененность когнитивного механизма рационализации в отечественной культуре: «Российское общество обрело интеллектуальную традицию как “готовый продукт” периодов Возрождения и Просвещения, что обусловило и отношение к этому продукту» [9, с. 85] лишь как к полезному приспособлению к собственным нуждам. Российские интеллектуалы – интеллигенция – вынуждены были постоянно адаптировать западные

¹ Горький М. Жизнь Клима Самгина // Горький М. Собрание сочинений: в 18 т. Т. 13. Москва: Гос. изд-во худож. лит., 1963. С. 270.

идеи к русской почве, быть посредниками между двумя культурами, не оставляя места самостоятельной собственно философской работе, что, в свою очередь, не могло не породить некоторой вторичности, зависимости от внешних смыслов (вместо рационализации собственных духовных интуиций). Русская модель интеллектуального познания, воплотившись в институционализированные формы, гораздо ближе к платоновской модели познания-восхождения в моральном смысле, чем к аристотелевской современной концепции познания-анализа. Вот почему концепция русской идеи отличается платонизмом происхождения. Как пишет В. Россман, она предполагает, что русский народ может существовать только благодаря идее «русскости», или он теряет свою идентичность и определённость. Русская идея первична по отношению к конкретным русским людям, их материальным и психологическим интересам. Первичность мира идей определяет отношение и интерпретацию всех остальных сфер: политики, морали, искусства, науки, эроса, логики и др. «В этом платоновском познании можно усмотреть один из идейных истоков благоговейного отношения к бескорыстной и возвышающей душу теоретической науке в русской академической традиции, которой в России всегда отдавалось, по крайней мере, моральное предпочтение перед наукой прикладной» [10, с. 65].

Более 200 лет русские интеллектуалы манифестируют утопическое ожидание восстановления своей исконной культуры наряду с неприятием современной культуры. С. Броувер, зарубежный автор, в сборнике о русской интеллигенции пишет: «Желая избавиться от чужеродности культуры, они стремятся сохранить некоторые ее несомненные блага. Подражая формам чужой культуры, жаждут, что все это сбудется не слишком в отдаленном будущем путем чудесной трансформации» [11, с. 55]. Хочется поспорить с теми, кто радуется современной жизни без ценностей, без

истины, якобы в глобальном обществе абсолютной свободы мнений. Более убедительной кажется позиция, согласно которой на смену идеологии по оглашению приходит свирепая идеология по умолчанию. Она «защита» в алгоритмы сайтов и чатов. Она движется в ритмах кодинга. Она берёт в плен смыслы и желания человека, превращая его в периферийное устройство гаджета. Возможность выхода из плена интеллектуального инфантилизма, т. е. иррационализма, обращающего личность в киборга, зависит от общественного осмысления новых ценностей и новых качеств человека информационного общества, определяя тем самым смысл грядущей постсоветской персонологии. Именно от сохранности сапиентной рациональной аутентичности человека зависит итог модификации человеческого общества, его идеалов, потребностей, ценностей. Однако социальные связи становятся настолько виртуальными, что жизнеспасительные проблемы судьбы народа не проникают в сознание, хотя именно от их осознанности зависит само его существование в качестве суверенного субъекта.

Оглянемся на 90-е гг. XX века. Символические основания коллективной связи традиционного советизма (смысловые структуры) не выдержали мощнейших ударов инокультурных стереотипов потребления. Часть их отмерла, часть вытеснена на периферию общественного сознания (идеологи жонглируют ими в качестве пресловутой архаики менталитета), тем не менее общественное постсоветское эго настойчиво продолжает отчуждать побуждающие к истине рациональности силы, не желая признавать за ними право на новые формы социальной идентификации. Лишь незначительное число россиян учится осознать себя главными действующими лицами внутри социальной системы. Исследование взаимосвязей индивидов в современном обществе свидетельствует о тотальности феноменов отстраненности и остра-

нения, проявляющихся в проекции на другого своей личной ситуацией. Российское коллективное бессознательное стремится склонить индивида к непосредственному переключиванию вины на других. Груз личной ответственности в случае неуспешной адаптации становится объективным фактором социальной депрессии. Инфантилизм большинства инструментализирует становление общества фрустрирующими переживаниями «тупика», «ошибки», «катастрофы». Именно это объединяет истории разных России в одну духовно-идеологическую историю пути народа «через пропасти» к «образу Божию» в человеке. И если на этом пути носители русской культуры рано или поздно утрачивают связь с нравственностью, бессознательное «психе» из себя, как из источника, имплицитно восстанавливает деформированную типологию. «Эта наша принадлежность совершенно не зависит от нашего сознания, она существует до него и помимо него и даже вопреки ему», – писал С.Н. Булгаков [12, с. 238]. Вот почему история России – это скорее история психологического самовосстановления. Это мистерия самоидентификации исторической Алетейи. Именно поэтому бесплодно множится мозаика концептуальных попыток самоопределиться через деятельностные интерпретации: все они по аналогии с западноевропейской моделью самоопределения строятся на основе дорациональной телеологии.

А была ли у России «головная» декартова история? Первыми в этом усомнились славянофилы, предупреждая оппонентов: «Россия – земля совершенно самобытная, вовсе не похожая на европейские государства и страны... Очень ошибутся те, которые вздумают прилагать к ней европейские воззрения и на основании их судить о ней...» [13, с. 16]. Их не услышали. Западническая тенденция самоопределения через аналогию с Европой породила русский марксизм с его крайним радикализмом материалистической утопии вначале социа-

листического, а сегодня – буржуазного характера. Причина катастрофизма самоопределения по аналогии с чужим проектом, проективной утопией, лежит глубже экономики общества. Глубина называется исторической памятью, не имеющей никакого отношения к «совершенствованию», осуществляемому путем экономической эффективности. В России и сейчас экономическая эффективность манифестирует как искушение материальным благополучием. Искушение материальным благополучием есть всегда погрешение Духа.

Культура российского суперэтнуса как система распространения ценностей и норм поведения способна расширяться и сжиматься. Однако политический слом ценностного ядра исторической культуры заблокировал практики низовой рационализации и возрождения духовной инициативы народа. В частности, в нашем исследовании модусов социального сознания (этнонационального, конфессионального, правового и регуляторно-управленческого) через анализ ассоциативно-вербальных сетей россиян, проживающих в разных российских регионах (2015 г.), было выявлено, что базисные категории веры имплицитны группам и православных, и мусульман, но в разной степени. В той же степени, в какой различался базовый слой ментальности, образ жизни с присущей ему ментальностью: соборность, родственность и товарищество у одних народов, клановость и авторитаризм – у других [14, с. 195]. Полагаем это причиной различий в языковых картинах мира: например, в семантике концепта «справедливость» у русских (православных) наибольшую частотность имеет ассоциат «равенство», а у татар – «верность» (т. е. в имплицитной репрезентации справедливости русские опираются на историческую память общины, а татары – на верность Аллаху); «обычное право» у русских апеллирует к порядку, прецедентному бытованию, а у мусульман – к правилу, что и в концептуалистике религиозности – для мусульман концепт «обряд» – один из доминиру-

ющих [84 %], тогда как для православных доминирующий концепт в языковой репрезентации религиозности – «человек» [60,6 %]. «Воинствующий атеизм, отрицая все конфессии сразу, создал благоприятную среду для зарождения “религии вообще”, “верующих просто в Бога, одного для всех”, – распределенного, трансрелигиозного сознания православных неопитов» [14, с. 198]. И здесь неутешительный для нас вывод – вся русская философская традиция обращает нас в сторону духовности, неизменно связанной с религиозной верой, но православная традиция пока еще далека от своего подлинного укоренения в современной русской жизни. Духовному по-русски сознанию европейское правосознание вместо души – не указ, оно ему без надобности, потому как не превосходит по действенности и непреложности истин «образ Божий». Однако глубинное сознание духовности (совесть, внутренняя правда, вера) порождено историческим типом русского соборного мироустройства, в котором «ты со всеми и для всех». А если его поместить в мироустройство типа «всё меняется на всё» (рынок), то путь внешнего права им определяться не может и средств для этого не имеет. Всё заканчивается вынужденной немой блуждающей души. «Русский народ не любит становиться в красивые позы» [13, с. 27] и совершать поступки по указке права, внешнего диктата.

Духовный волюнтаризм – историческая инверсия русского сознания. Власть правосознания, нагнетаемая в России сегодня, уже духовности. Праву безразлично, какая у тебя душа: право с душой говорят на разных языках. Оно из иной культурной «почвы». А русскому человеку нужно «почвенные» голоса культуры слышать: голос совести, голос Бога, хотя бы это отрицалось самими носителями культурного кода. Рядом с этими голосами голос права не слышен. Духовная «почва» предписывает и духу правила, не нуждающиеся во внешнем дублировании. Внутренний путь – путь правды – исторический русский путь духовного

сознания. Потому внутреннее господствует над внешним, а психологическая форма правды – совесть – обесценивает значимость права, осознается или не осознается это самими носителями сознания. И это ни к чему не обязывает каждого, но всех вместе – к драме, если тем паче дорога пресекается. Поэтому И.А. Ильин сотни раз повторял: «Русская идея есть идея сердца. Идея созерцающего сердца. Она утверждает, что главное в жизни есть любовь и что именно ею строится совместная жизнь на земле, ибо из любви рождается вера и вся культура духа» [15, с. 103]. И предвидя общественную деморализацию в процессе подмены внутреннего существования внешним (атеизм, материализм), Ильин беспокоился о средстве спасения России. Он сформулировал его как «путь духовного обновления», все формы которого основаны на вере, чести, совести. Однако же, как и встарь, мы продолжаем изобретать национальную Алетейю в пустоте аналогий. И потому общественное сознание не опознает, что история России – это и есть истина общая для всех. Творясь в душе как самовосстановление, не изменяющее природу духа, но восполняющее и совершенствующее её, духовное воображение активизируется интуицией правды, совестью. И если императивные нормы закона в рациональной телеологии обращены к сознанию, не имеют соотношений с бессознательным, то в русской истории «мистерияльных игр» души право, нормы могут присутствовать не более как орнаменталистика демагогии. Приватное пространство проектирования «Я» здесь задается не целерациональным способом, а скриптологами коммуникативных практик.

Понятием «скрипт» (script) пользуются программисты и психолингвисты. В обеих сферах скрипт – это описание последовательности действий для достижения определенной цели, а также сценарий или схема событий. Для культуролога скрипт – это культурный код, если хотите – «духовная скрепа». Скрипты

Древней Руси и Руси православной нам известны, близки и вполне жизнеспособны. Подсознательные структуры скриптов действуют как автоматизмы сознания, как фактор непреодолимой силы, обеспечивая константные характеристики идентитета нации. Поведение в России опосредуется, как и 100 лет назад, воображением духа, коллективным мифом. Душа (бессознательное) сублимирует образы восприятия реальности, преобразая их средствами коллективной глубины. Русская Алетейя – субстанция коллективного воображения. И поэтому она феномен мифоисторической подлинности. Спекуляция рассудка – идея – у Алетейи на подозрении, и потому всегда – мнимость, которую должно презреть. Но перенесение структур мышления, а точнее воображения, в условия внезапно навязанной (не выращенной) рыночной экономики и требований успешности в любой сфере жизни неминуемо приводит к общественному ресентименту не только на «улицах», но и в сетевой коммуникации [См.: 16]. Ресентимент образуется несоответствием стремления к Алетейе и отсутствием практик ее рационализации в общественно необходимых формах. Таков русский дух, который «дышит, где хочет, а не где велит» (Ин. 3:8), дух имплицитных онтологических глубин, подавляющих чрезвычайность исторической обстановки, угрожающей смещением культурного года нации и утратой жизнеспособности индивидов и групп. Результатом иррационального скриптомышления становится языковая компетенция, достаточная для комфортной коммуникации, а также способность к реконструкции нарратива в соответствии с потребностью в культурности как солидаризации или социального отчуждения, активизации пассионариев или тотальной аномии, межгрупповой терпимости или травмирующего ресентимента. Эта картина развития новой социальной ниши контрастирует с Западом, где как раз всё наоборот: сначала длительное наращивание профессионально-интел-

лектуальных «мышц», сетей отношений между словами и вещами, устанавливаемых в структурах значений. Русский структурный инструментарий «больших» нарративов (эпистемы, тематизмы квалиа, имаго, категории, скрипты, фреймы, дискурсивные фильтры, тезаурусы нарра-дигмы), незнакомые смыслы, знаки-коды, символные объекты, артефакты памятования (места памяти) сохранили потаённые смыслы духа, а потому участвуют в стратегических играх народа на выживание. Они участвуют, а мы их не знаем.

Французский материалист и врач П.Ж. Кабанис (1757–1808) уже более 200 лет назад писал, что общественная обстановка, образующая контекст жизни и работы человеческого мозга, будучи неблагоприятной, порождает душевные болезни: «Когда социальная жизнь построена уродливо и жестко, мозговая деятельность чаще уклоняется от правильного пути» [Цит. по: 17, с. 355]. Следствием деградации в духовном самовосприятии общества является дефект вторичности, проявляющийся в отрицании самооценности собственных исторических и культурных достижений. Формируется психологическая защита обесценивания: в отсутствии возможности получить желаемое отрицаем саможелание («не очень-то и хотелось»), а далее – компенсаторная защита сверхценной идеей избранности. Народы терпят крушение, народы уходят с позиций активных акторов истории, но, по сценарию А. Тойнби ухода-и-возврата народа, устойчивый народ возвращается в экзистенциальном ритме общественного человека. Коренная устойчивость позволяет ему вновь быть готовым к борьбе и жизни, способным на новые творческие идеи и пафос. За какое-то историческое время его отсутствия некие непроходимые препятствия исчезают, и уход-и-возврат общественных групп, крупных сообществ, как отдельных цивилизаций, при условии сохранности культурных кодов самосознания становится естественным [18, с. 280]. Преодолением негативных коннотаций с образом России

как периферийной, захолустной Европы служили мифологемы «третьего Рима», «Москва – столица всей Земли», «русской миссии» и пр. Однако невротизация исторической памяти эпохами принуждения к культурному самоотчуждению стала социально-психологическим «неврозом» российского общества. Он настигает общество ригидными директивами «всё или ничего», неоправданными ожиданиями, чрезмерной персонализацией. Если в большевистский период господствовал провинциальный дух восточного традиционализма, то в либерально-капиталистической России восторжествовал провинциальный дух бюрократического космополитизма. Безволие образованного меньшинства и социальная апатия потребительского большинства задали чрезвычайно негативные условия для политики цивилизационного развития общества. Не имея аналогов в истории, российские политические стратегии опирались в 1990-е или на привычные отечественные приемы деспотизма, или на инокультурные паттерны либерализма (на что-то привычное, «застывшее» в памяти, ментальные модели конструирования реальности, которые не актуальны и не работают), что привело к парализации решения эндогенных задач национального развития. Зажатый между собственным менталитетом и чуждостью непонятных императивов двухслойный российский социум был парализован духовной апатией. Отношение к настоящему как временной охоте или чудесному получению даров исключало потребность обустройства места на основе взаимовыгодной договоренности (в масштабах страны – индустриального и агротехнического подъема снизу). Эта историческая коллизия имеет длительную предысторию, во многом определяя характер исторической памяти русских, но практически не получая до сих пор хоть сколько убедительной экспликации. Но хуже, что на этих мёртвых схемах мы пытаемся построить будущее.

В глобализирующемся мире сложно сохранять национальную культуру. Кроме

того, на очередном витке небрежного и бессмысленного «взаимодействия» с западной культурой и собственного модернизационного развития российское общество утратило, преодолело этнические традиции. Культурное наследие актуализируется на уровне фольклора, концертов и фестивалей, носящих случайный характер «лубка и лаптей», поскольку они не связаны с образом жизни, сформировавшим базовый, медленный слой ментальности.

С XVIII в., отказавшись от имманентного пути развития и уча население его стыдиться, Россия вступила на путь культурного копирования европейской государственности и бытийственности. Властные индукции подражания предопределили феномен леволиберальной и праволиберальной революций, на протяжении XX в. ввергавших общество в практики войн самоуничтожения.

По мнению В.А. Шкуратова, в России «европейское *cogito* попадает в очень специфический контекст» [19, с. 7], не предусматривающий его социальной автономии. Возможно, именно это порождает комплекс диссоциаций внутри российского общества, в том числе и в сфере репрезентации реальности, где часто отмечается неспособность русского человека рационализировать реальность существования в логике понятий, а не мнений, настроений, желаний. Чтобы пойти на «прорыв» из плена наследуемой иррациональности, русской идее необходимо «проработать» прошлый опыт общества как духовный капитал. Общественной жизни русской идеи, с её насыщенностью прошлым и чреватостью будущим, необходима рациональная оценка её животворящей силы. Осознание стремления к великим целям и задачам откроет путь мышления из плена иррационализма на простор имманентных законов общественной жизни, сохраненных в ней здоровых сил прошлого, бесстрашия перед будущим как сверхвременным проектом.

Список литературы

1. Гегель Г.В.Ф. Наука логики: в 3 т. Т. 3 / пер. с нем. Б.Г. Столпнера и др. Москва: Мысль, 1972. 371 с.
2. Выготский Л.С. Собрание сочинений. Т. 3: История развития высших психических функций. Москва: Педагогика, 1983. 369 с.
3. Шкуратов В.А. Провинциальная ментальность десять лет спустя // Ментальность российской провинции в настоящем и будущем: материалы IV Всерос. конф. по ист. психологии рос. сознания (г. Самара, 29-30 июня 2004 г.). Самара, 2005. С. 78-88.
4. Shweder R.A. Anthropology's Romantic Rebellion against the Enlightenment, or There's more to Thinking than Reason and Evidence // Shweder R.A., LeVine R.A. (eds.) Culture Theory: Essays on Mind, Self and Emotion. Cambridge; London; New York; New Rochelle; Melbourne; Sydney: Cambridge University Press, 1984. P. 27-66.
5. Струве П.Б. Тургенев // Patriotica: Россия. Родина. Чужбина. Санкт-Петербург: РХГИ, 2000. С. 278-281.
6. Гиренок Ф.И. Пато-логия русского ума. Картография дословности. Москва: Аграф, 1998. 416 с.
7. Гачев Г.Д. Образ в русской художественной культуре. Москва, 1981. 246 с.
8. Дугин А.Г. Археомодерн. Москва: Акад. проект, 2022. 255 с.
9. Дакоро М.А. Проблема генезиса и специфики российской интеллигенции // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2014. № 2 (139). С. 85-90.
10. Россман В. В поисках русской идеи: платонизм и нео-евразийство // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2009. № 1. С. 57-77.
11. Броувер С. Парадоксы ранней русской интеллигенции (1830–1850-е гг.): национальная культура versus ориентация на Запад // Россия = Russia: Новая серия. Вып. 2 (10): Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: история и типология: материалы междунар. конф., Неаполь, май 1997 / сост. Б.А. Успенский. Москва; Венеция, 1999. С. 49-66.
12. Булгаков С.Н. Размышления о национальности // Сочинения: в 2 т. Т. 2: Избранные статьи. Москва: Наука, 1993. С. 435-457.
13. Аксаков К.С. Переворот Петра Великого // Аксаков К.С. Полное собрание сочинений. Москва, 1889. Т. 1. С. 16-23.
14. Рулина Т.К., Бакшутова Е.В. Категориальные концепты языкового подсознания больших социальных групп // Мир психологии. 2016. № 2 (86). С. 191-199.
15. Ильин И.А. О русской идее // Среднерусский сборник общественных наук. 2007. № 4 (5). С. 103-107.
16. Бакшутова Е.В. Проблема ресентиментозности этоса сетевой среды: социальная эпистемология сетевого ресентимента // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки. 2018. № 3 (39). С. 19-35.
17. Каннабих Ю.В. История психиатрии. Москва: Акад. проект, 2019. 426 с.
18. Тойнби А.Дж. Постижение истории / пер. с англ. А.Е. Жаркова. Москва: Прогресс, 1991. 736 с.
19. Шкуратов В.А. Мобилизация невротизации (к историкоанализу провинции): рукопись. Ростов-на-Дону, 2008. 13 с. [Личный архив автора статьи Т.К. Рулиной].

Сведения об авторах:

Бакшутова Екатерина Валерьевна, доктор философских наук, кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой культурологии, музеологии и искусствоведения Самарского государственного института культуры

ул. Фрунзе, 167, Самара, 443010
bakshutova.ev@samgik.ru

Рулина Татьяна Константиновна, кандидат педагогических наук, доцент, независимый исследователь

ул. Фрунзе, 167, Самара, 443010
tatrul@yandex.ru

Дата поступления статьи: 16.09.2023

Одобрено: 27.10.2023

Дата публикации: 17.11.2023

Для цитирования:

Бакшутова Е.А., Рулина Т.К. Как Русской идее выйти из плена интеллектуального иррационализма // Сфера культуры. 2023. № 4 (14). С. 27–37. DOI: 10.48164/2713-301X_2023_14_27

УДК 165.61+008.001

DOI: 10.48164/2713-301X_2023_14_27

E.V. Bakshutova

Samara
The Samara State Institute of Culture
bakshutova.ev@samgik.ru

T.K. Rulina

Samara
tatrul@yandex.ru

HOW THE RUSSIAN IDEA CAN GET OUT OF THE CAPTIVITY OF INTELLECTUAL IRRATIONALISM

The authors consider the problem of the cultural heritage of the Russian idea from the standpoint of mental structures that have historically developed and are currently relevant for the Russian society. The Russian model of cognition is shown to be irrational and go back to Plato's model of eidos, i.e. cognition as moral ascension rather than rationalization and abstraction. Striving for Aletheia (the spirit

of truth and sincerity), which acts as one of the markers of Russian culture, the spiritual self-determination of the people is still based on idealized mythologemes of a unique path, which devalues both its own rational and borrowed ideal.

Keywords: culture, mentality, Russian idea, rationality, irrationality, Aletheia, self-determination.

References

1. Hegel, G.W.F. (1972) *Nauka logiki: v 3 tomakh. Tom 3* [The Science of Logic: in 3 vols. Vol. 3]. Transl. from German by B.G. Stolpner et al. Moscow: My`sl`. (In Russian).

2. Vy`gotskij, L.S. [1983] *Sobranie sochinenij. Tom. 3: Istoriya razvitiya vy`sshix psicheskix funkcij* [Collected Works. Vol. 3: The History of the Development of Higher Mental Functions]. Moscow: Pedagogika. (In Russian).
3. Shkuratov, V.A. [2005] Provincial`naya mental`nost` desyat` let spustya [Provincial Mentality Ten Years Later]. *Mental`nost` Rossijskoj provincii v nastoyashhem i budushhem: materialy` IV Vserossijskoj konferencii po istoricheskoy psixologii rossijskogo soznaniya (gorod Samara, 29-30 iyunya 2004 god)* [Mentality of the Russian Province in the Present and Future: Materials of the IV All-Russian Conference on Historical Psychology of Russian Consciousness (Samara, June 29-30, 2004)]. Samara, 78-88. (In Russian).
4. Shweder, R. [1984] Anthropology's Romantic Rebellion against the Enlightenment, or There's more to Thinking than Reason and Evidence. In: Shweder, R.A., LeVine, R.A. (eds.) *Culture Theory: Essays on Mind, Self and Emotion*. Cambridge; London; New York; New Rochelle; Melbourne; Sydney: Cambridge University Press, 27-66. (In English).
5. Struve, P.B. [2000] Turgenev [Turgenev]. *Patriotica: Rossiya. Rodina. Chuzhbina* [Patriotica: Russia. Homeland. Foreign Land]. Saint Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute, 278-281. (In Russian).
6. Girenok, F.I. [1998] *Pato-logiya russkogo uma. Kartografiya doslovnosti* [Pato-logy of the Russian Mind. Cartography of the Verbatim]. Moscow: Agraf. (In Russian).
7. Gachev, G.D. [1981] *Obraz v russkoj xudozhestvennoj kul`ture* [Image in Russian Artistic Culture]. Moscow. (In Russian).
8. Dugin, A.G. [2022] *Arxeomodern* [Archaeomodern]. Moscow: Akademicheskij proekt. (In Russian).
9. Dakoro, M.A. [2014] Problema genezisa i specifiki Rossijskoj intelligencii [The problem of Genesis and Specifics of the Russian Intelligentsia]. *Vestnik Ady`gejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sociologiya, yurisprudenciya, politologiya, kul`turologiya* [Bulletin of Adygea State University. Series 1: Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science, Cultural Studies], No. 2 (139), 85-90. (In Russian).
10. Rossman, V.V. [2009] V poiskax russkoj idei: platonizm i neo-evrazijstvo [In Search of the Russian Idea: Platonism and neo-Eurasianism]. *Forum novejshej vostochnoevropejskoj istorii i kul`tury`* [Forum of Recent Eastern European History and Culture], No. 1, 57-77. (In Russian).
11. Brouwer, S. [1999] Paradoksy` rannej russkoj intelligencii (1830–1850-e gody): nacional`naya kul`tura versus orientaciya na Zapad [Paradoxes of the Early Russian Intelligentsia (1830s-1850s): National Culture versus Orientation towards the West]. *Rossiya = Russia: Novaya seriya. Vy`pusk 2(10): Russkaya intelligenciya i zapadny`j intellektualizm: istoriya i tipologiya: materialy` mezhdunarodnoj konferencii, Neapol`, maj 1997* [Russia = Russia: New series. Issue 2 (10): Russian intelligentsia and Western intellectualism: History and Typology: Proceedings of an International Conference, Naples, May 1997]. Compl. by B.A. Uspenskij. Moscow; Venice, 49-66. (In Russian).
12. Bulgakov, S.N. [1993] *Razmy`shleniya o nacional`nosti* [Reflections on Nationality]. *Sochineniya: v 2 tomax. Tom 2: izbranny`e stat`i* [Works: in 2 vols. Vol. 2: Selected articles]. Moscow: Nauka, 435-457. (In Russian).
13. Aksakov, K.S. [1889] Perevorot Petra Velikogo [Coup of Peter the Great]. *Aksakov K.S. Polnoe sobranie sochinenij* [Aksakov K.S. Complete Works]. Vol. 1, 16-23. Moscow. (In Russian).

14. Rulina, T.K., Bakshutova, E.V. [2016] Kategorial'ny'e koncepty` yazykovogo podsoznaniya bol'shix social'ny'x grupp [Categorical Concepts of the Linguistic Subconscious of Large Social Groups]. *Mir psixologii* [The World of Psychology], No. 2 (86), 191-199. (In Russian).
15. Il'in I.A. (2007) O russkoj idee [On the Russian Idea]. *Srednerusskij sbornik obshchestvenny'x nauk* [Central Russian Collection of Social Sciences], No. 4 (5), 103-107. (In Russian).
16. Bakshutova, E.V. (2018) Problema resentymentnoemkosti e'tosa setevoj sredy`: social'naya e`pistemologiya setevogo resentymenta [The Problem of the Ressentiment Capacity of the Network Environment Ethos: Social Epistemology of the Network Ressentiment]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Psixologo-pedagogicheskie nauki* [Bulletin of Samara State Technical University. Series: Psychological and Pedagogical Sciences]. No. 3 (39), 19-35. (In Russian).
17. Kannabix, Yu.V. (2019) *Istoriya psixiatrii* [History of Psychiatry]. Moscow: Akademicheskij proekt. (In Russian).
18. Toynbee, A.J. (1991) *Postizhenie istorii* [Comprehension of History]. Transl. from English by A.E. Zharkov. Moscow: Progress. (In Russian).
19. Shkuratov, V.A. (2008) *Mobilizaciya nevrofizatsii (k istorioanalizu provincii): rukopis`* [Mobilization of Neurotization (to the Historical Analysis of the Province): manuscript]. Rostov-on-Don. The Author of the Article T.K. Rulina's Personal Archive.

About the authors:

Ekaterina V. Bakshutova, Doctor of Philosophy, Ph.D. in Psychological Sciences, Assistant Professor, Head of the Department of Culture, Museum and Art Studies at the Samara State Institute of Culture

167 Frunze Str., Samara, 443010
bakshutova.ev@samgik.ru

Tatyana K. Rulina, PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor, an independent researcher

167 Frunze Str., Samara, 443010
tatrul@yandex.ru

УДК 130.2

DOI: 10.48164/2713-301X_2023_14_38

М.А. Петина

Самара

Самарский государственный институт культуры
petinovama@samgik.ru

ВРЕМЯ В ОПТИКЕ ДЕСУБСТАНТИВАЦИИ

В данном исследовании рассматривается соотносительность времени как фундаментального параметра представлений о мире с сознанием и культурой. Автор раскрывает связь времени и языка, предпринимает лингвистический анализ значений слова «время», выявляя его этимологические различия в индоевропейских языках. Затрагивается вопрос о метафорической образности времени в языке. Осуществляется историческая реконструкция взглядов на время в оптике десубстантивации через Аристотеля к Аврелию Августину, Мартину Хайдеггеру и Эдмунду Гуссерлю. На примере рецепции музыкальных тонов анализируется процесс синтеза темпоральных восприятий в сознании.

Ключевые слова: время, феномен, темпоральность, Аристотель, Августин, Хайдеггер, Гуссерль, музыкальный тон.

Время – это мысль или мера,
но не субстанция.

Антифон

Время как ключевая категория западноевропейской мысли является непреходящей темой как для науки, так и человека. Сложность постижения времени состоит в том, что оно не обладает характеристиками физического тела: нет ни тяжести, ни протяженности, ни телесности, т. е. ничего из того, что можно наблюдать. В этой связи закономерен вопрос Ф. Артога: «Как увидеть еще никогда не виданное и как высказать еще никогда не высказывавшееся; как уловить и высказать время, уже не совпадающее со вчерашним?» [1, с. 59]. Но метафизический объект, согласно «Категориям» Аристотеля, может быть наделен статусом бытия при условии его представленности как сущего, так и его именования. Свое существование время «демонстрирует» через движение. «Движение, – по словам Аристотеля, – мера измерения времени». Таким образом, признак своего реального существования время проявляет через формальное «изменение».

А вот само слово «время» как объект присутствует через номинальное обозначение себя в понятии [2].

Метафизичность времени, его слитность с сознанием, десубстантивация стали новой оптикой в XI книге «Исповедей» Августина. Средневековый философ, рассуждая о времени, устанавливает свой собственный философский метод: вопрошать о том, что парадоксально. «Осмелится ли кто сказать, что можно измерить несуществующее?» – так звучит один из многих вопросов Аврелия Августина [3, с. 16].

Разнообразие представлений о времени, сложившееся в культуре, можно проследить в когнитивных схемах, следы которых наличествуют в этимологии слов. Время укоренено в языке, в модусе глагола «быть», его спряжениях прошлого, настоящего и будущего. «Все вещи, то есть сама реальность выражается словами» [4, с. 16]. Каждое «новое человеческое слово... ловит сотворенный мир, через которое "видится" нетварное, понимание которого изменяется в зависимости от произнесенных человеком слов» [4, с. 12].

Об этом писал и М. Хайдеггер, подчеркивая, что повседневность «жизненного мира», отображаемая в языке, тонко фиксирует все изменения в настройках и образах, которые несут социальные процессы, и меняет лингвистические структуры, в то же время сохраняя их узнаваемость («лишился чувств-с», «обморок», «отключился» – разные лингвоформулы одного явления – потери сознания, которые в разные эпохи выражались в речи симптоматично историческому времени).

Так, если обратиться к «Словарю избранных синонимов важнейших индоевропейских языков» Карла Дарлинга Бака, время первоначально обозначало «наглядные меры, с помощью которых сознание метафорически пыталось ухватить феномен времени: отрезки, точки, порции, охваты» [5, р. 953-955]. В частности, латинское слово «tempus» восходит к индоевропейскому корню «... со значением “тянуть”, т. е. означает первоначально “меру длины”» [6, с. 114]. От того же корня происходят английское *time* и немецкое *Zeit*. Греческое слово *χρονος* происходит «от глагола со значением *хватать*», индоевропейское **ǵher-* – это изначально «охват, объем», как бы «круг событий» [6, с. 115]. Таким образом, «в греческом, латинском и германском ареалах культуры понятие “время” тесно связано первоначально с понятием “ограниченное, или обнесенное оградой, пространство (нашего) мира”, причем некоторые материальные приметы последнего – “забор”, “колонна”, “дерево, стоящее в центре” и т. п. символизируют одновременно как пространство этого мира, так и время событий, протекающих в этом пространстве, собственно – “круг событий”» [6, с. 117], «временная ограда».

На основании исследования языка академик Ю.С. Степанов выделяет три последовательно возникавшие формы осмысления темпоральности [6, с. 117-121]. Это циклическое, линейное и промежуточное «разом данное время». Последнее метафорически выра-

жает из представления о времени как «потоке», «течении реки», как «разом данное». Такая интегральная идея времени, связанная с движением, процессуальностью, с одной стороны, дана как некая целостность, с другой стороны, для нее характерна внутренняя экспрессивность, агогичность, непостоянство и стихийная непредсказуемость, сила. Сравним, древнеанглийское *prag* «время», но немецкое *stark* «сильный»; осетинское *dug* «время», но русское *дюжий* [7, с. 96].

Исторически последующая концептуализация времени образуется на уровне абстрактно-логических структур, терминологии и понятий науки, идеальных типов и ноуменов кантовской теории. В качестве уже не наглядного, а вполне абстрактного «образа» размерности пространства и времени можно было бы привести включение измеримости данных категорий посредством математического числа.

Укорененность времени в природу когнитивных, познавательных способностей человека (по Канту, время и пространство – априорные формы созерцания), осознание человеком длительности, протяженности, временности, конечности как темпоральных переживаний, включенных в универсальные, базовые его способности, не только инициирует вопрос о том, что есть человек, но и включает последнего в формирование и созидание культуры как ценного бытия.

Время и сегодня остается для человека значимым отрезком, ценностно окрашенным периодом, формируя образные сравнения, метафоры в языке. «Время ускользает», как «песок сквозь пальцы», очерчивает границы важных периодов жизни: «время детства, юности, зрелости», становится важным моментом для принятия значимых решений и свершения поступков – «время собирать и разбрасывать камни». В любом случае, для человека время – период событий, сопряженных с его активностью, деятельностью: «Делу время, потехе час»,

«Всеу свое время». Делать означает быть во времени, в темпе, руководствуясь знанием дела. Если ничего не делать, времени словно и нет. Ничего не деля, мы живем в чем угодно, среди чего угодно, но не во времени. Мы так и говорим: «У меня нет времени это сделать». Сравним хеттское *mehur* «время», но английское *make* «делать»; древнеиндийское *kala* «время», но индоевропейское **kel* – «делать, совершать» [7, с. 92], русское *колесо*. Более того, ощущение времени настолько пронизывает все существо человека, что когда вышел русский перевод «Бытия и времени» М. Хайдеггера, «вся онтология стала называться темпоральной наукой, и все ее положения – это темпоральные положения» [4, с. 2].

Категории «время» и «пространство», относясь к фундаментальным ориентирам человека в мире, закономерно сопряжены с вопросами о его строении, мироздании, о явлениях в области природы, общества и пр. В этой связи вопрос о мире и его конститутивных атрибутах – один из самых древних. А вопрос о феноменах, о познании и представлении о мире, его непосредственных ощутимых проявлениях имеет также давнюю историческую традицию, достигшую своей кульминации в феноменологическом учении XX века. Феномен в общем смысле – это то, что переживает и представляет человек под влиянием воздействия физических и психических явлений. Это не мир, а представление о нем (И. Кант), всегда «самость в себе» [8, с. 11]. В истории новоевропейской философии сместились эпистемологические акценты на предмет исследования мира: с физических феноменов – воздух, атомы, формы на субъектность, ставшую тем центром превращения элементов в феномены, той точкой зрения, из которой создается познание и деятельность субъекта и закладывается основание для описания внутреннего опыта сознания. Последний складывается из первичного опыта «различений и различения различий»,

«фиксации смысловых изменений» [8, с. 13], позволяющих провести границу внутренней и внешней рецепции.

В традиции Гуссерля феномены – предзаданный горизонт, интенциональный фон, определяющий смысл постижения предметов. М. Хайдеггер, напротив, лишает мир феноменальности, говоря о том, что мир есть система действий, «взаимосвязь отсылок» [8, с. 13]. Но для того чтобы определиться с пониманием времени и отнесением его в системе субъектности, В.И. Молчанов к первичным феноменам, т. е. к таким, которые формируют объективные характеристики мира, относит пространство, суждение, телесность. А время, восприятие и объект характеризует как «тени» перечисленных феноменов и называет их «квазифеноменами». Если пространство, суждение и тело осуществляются непосредственно, то время, восприятие, объект даны опосредованно. Другими словами, время нуждается в пространстве, восприятие – в суждении, объект – в телесности. Но не наоборот. И главное, феноменологическая логика описывает окружающий мир не как тот, что состоит из феноменов и квазифеноменов, а как *различие* между ними.

Различие – важная и существенная призма и оптика в области философии культуры, термин «различие» становится особым предметом изучения у Ж. Деррида [9] и Ж. Делёза [10]. До XX в. ведущей логикой и принципом была идея «тождества», «математического уравнения», уравнивания, отождествления, которая устанавливала принципы всеобщности, прогресса, унификации и трансцендентального начала. Идея различия вводит небытие, нехватку, *pegnans*, «нетствование» как продуктивную силу истории и источник творчества в культуре. В данной логике мир культуры сущностно по своей природе историчен, темпорален, т. е. открыт появлению иных состояний, в которых нет места ограничению и «последней мысли», всегда развернут в горизонте бесконечности смены состояний и обретения нового.

Время как смена состояний получает свое абстрактное выражение в представлении «дления», «течения» моментов-состояний. Первое определение времени, как мы уже говорили в начале данного текста, было дано Аристотелем в контексте его пространственных характеристик: время – мера движения, в котором соотносятся разные моменты «теперь». Такое равномерное распределение моментов укоренилось в сознании и было дополнено еще одним важным понятием в теории А. Бергсона – *durée* – дление времени, длительность, текучесть [11, с. 101-102, 137]. Время – длительность в объективном мире. Оно неоднородно и имеет различные показатели, характеристики как для вещей, процессов, состояний, так и человека. Например, для тел время индифферентно, факультативно, вещи не конституированы временем, а напротив, разрушаются им. Для человека время – некий «компас», ориентация на жизненном пути, невозобновляемый ресурс, нехватка, потому – ценностно и значимо. Лишь человек «может придать мгновению длительность» – писал И.В. Гёте. Вне человеческого мира время не существует. И. Кант описывал время как трансцендентальное (всеобщее для *Homo sapiens*) основание априорной чувственности наряду с пространством, отвечающее за ощущение длительности, необратимости процессов; как некая фундаментальная операционная система «в нас», позволяющая упорядочивать в сознании хаос воспринимаемых ощущений извне. Функция времени как квазифеномена – в организации хронологии событий в контексте их значимости и смысловой определенности. Поэтому времен много, как много периодов социальной значимости, в границах которых протекает тот самый ценностно измеряемый период: время сражений, время отдыха, время календарное деятельностное, время возраста и свершения исторических событий, молитв и творчества. Время как бы навязывает свои отнесенности с социумом и дик-

тует свой порядок, от которого, кажется, нельзя освободиться. Оно то как подвижный образ вечности (средневековая картина мира) или число движения (аристотелевская картина мира и в целом характеристика физической картины мира), то протяжение души (психологическая трактовка Аврелия Августина) или априорная форма чувственности (кантианская теория Нового времени), то как жизненный порыв, длительность (философия жизни постклассической европейской философии В. Дильтея, А. Бергсона) или бытие и забота (экзистенциализм М. Хайдеггера).

Время как творчество (например, конструкт музыкального времени, воплощенный в графическом виде (текст партитуры) и реализуемый в живом исполнении) дает пример операционного обращения со временем, демонстрируя возможности для его конструирования: установление границ длительности, скорости, ритма, длительности смысловых моментов тишины – пауз и т. д. Как пишет В.И. Молчанов – это «транспортное средство, приспособляемое для самой разной смысловой нагрузки» [8, с. 267], виртуальный посредник для познания и эмоций. Быстрее, торопись или, напротив, «остановись, мгновенье» – эти и многие другие воображаемые трансформации наличного бытия есть примеры медиальной функции времени, выражающей экстазис, поток сознания, длительность. Последняя позиция представлена экзистенциальной философией М. Хайдеггера, который усматривал в экстазисах «прошлого-настоящего-будущего» с привилегией модуса «будущего» формы организации человеком своей способности быть, формы обретения бытия, его актуализации, проектирования, созидания. Время сопричастно сознанию и создает с ним неразрывную смысловую связь; смысловой координатор, отмеряющий период значимой длительности момента, который может длиться столько и так долго, пока не будет завершено действие, пока

не будет достигнута цель. И это действующее состояние – «стояние» деяния – актуальное настоящее, пока цель не достигнута – время остановлено, «стоит». Данная категория может проявляться в объективированных координатах измерения – секунды, минуты, часы. Перечисленные позиции времени: смысловые, функциональные, объективно-физические, описывают значимость культурного пространства, его конкретный период, обладающий ценностью и смыслом для человека.

Весомый вклад в осмысление времени в аспекте его десубстантивации внес Эдмунд Гуссерль в труде «Феноменология внутреннего сознания времени». Если М. Хайдеггер разрабатывал теорию экстазисов темпоральности, в которых *будущее* является определяющим фактором смыслосозидания человеком самого себя, то для Э. Гуссерля в его теории источников и механизмов «удержания» психических феноменов в сознании, напротив, *прошлое* становится довлеющим и ведущим фактором смыслосозидания, поскольку мыслитель исходил из допущения, что время – многослойная область переживаний, структурируется посредством способности к воспоминанию. Более того, каждое воспоминание изменяет структуру каждого мгновения, в котором оно оказалось [12, с. 25]. Исходным положением Э. Гуссерля является установка о наличии в сознании структуры внутреннего восприятия, упорядоченной и представленной как темпоральная или временная структура. Тем самым время-сознание – это и есть временной опыт, имеющий трансцендентальные основания.

Как можно данный тезис пояснить практическим примером? Посредством обращения к мелодии, ибо она одна из многих физических феноменов наиболее абстрактна и близка к метафизической природе осознания времени. Гуссерль спрашивает: почему мы воспринимаем звуки мелодии не отдельно друг от друга, а как целостность, как про-

изведение? И решение данного вопроса раскрывается не в существе звуков, но связано с чем-то, что внутри нас определяет последовательность данных слуховых эффектов как связь элементов в мелодическое целое. Все моменты движения, становления, длительности не даны одновременно, но в восприятии они связаны в одно целое [13, с. 53-54]. Очевидным становится, что эта связь есть специфический результат работы сознания. И в прояснении его конститутивных моментов и состоит основная задача, как ее видит Э. Гуссерль.

В разработке времени-сознания Гуссерль отходит от формального деления времени на модусы: прошлое, настоящее, будущее. Его задача – прояснить качественные характеристики данных образований, которые укоренены в сознании. Инструментами, позволяющими выработать конструкцию восприятия предмета, длящегося во времени, для мыслителя выступают: точка; начало впечатления – «праимпрессия» (*die Urimpression*); удерживающее воспоминание – «ретенция» (*die Retention*); и ожидание – «протенция» (*die Protention*).

Попробуем применить данный феноменологический инструмент к описанию процесса восприятия мелодии. Начало ее первого звука соответствует моменту «теперь» или праимпрессии, в которой тон отзвучал, и за ним появляется следующий тон (праимпрессия) и следующий (праимпрессия) и т. д. Возникающие моменты-восприятия не рассыпаются, но соединяются в линию и существуют как «только что» отзвучавшее и еще существующее в сознании. Такая особенность сознания задерживать моменты восприятия в памяти называется у Э. Гуссерля «удерживающее еще-сознание», или ретенция. Получается, что отзвучавшие тона мелодии, исчезнув физически, остаются ретенцией в памяти и длятся, протягиваются в сознании, образуя между собой смысловую связь – смысловой континуум. Но вслед за отзвучавшими тонами приходят новые. Сознание

ожидает их появление до тех пор, пока не сформируется внутреннее ощущение завершенности процесса. Так выстраивается не только ретенциональная ретроспектива, но и протенциональная перспектива. А сам процесс перетекания сознательных актов в область ожидания и удержания образует смысловое единство как живое непосредственное переживание настоящего момента времени, которое Э. Гуссерль называет «конкретным живым настоящим», или «оригинальное временное поле». Проведенный феноменологический анализ является продуктивной методологией для прояснения формирования смысла в процессе восприятия временных процессов. И музыка в этом случае, очевидно, не случайно выбрана в качестве иллюстрации данной конструкции времени-сознания. Ее эвристичность связана с эйдетичностью, абстрактностью звука, который воспринимается не только как слуховые представления, но и как сложная сознательная процедура объединения музыкальных слуховых моментов в эйдетическое осмысленное и целостное переживание [См. подробнее: 14].

В заключение, подводя итог вышесказанному, отметим, что культурно-исторические контексты и мировоззренческие установки эпохи, профессиональные настройки личности – всё это и многое неучтенное складываются в общую картину мира человека, живущего в определенный период развития культуры. На протяжении длительной истории ее развития менялись парадигмы научного мышления, но по-прежнему время, как важнейший онтологический параметр реальности, остается центром притяжения всех наук и человека. В исследовании

темпоральных представлений в западноевропейской культуре мы обозначили свой поиск, который связан не с естественнонаучным, а с культурфилософским параметром изучения времени, его десубстантивацией. Данный подход определил и логику поиска в направлении связи темпоральности и языка. Изучение и сравнение значений слов в индоевропейских языках, отражающих специфику представлений о «времени», инициировало работу с этимологическими словарями. Мы выявили тесную связь метафизического понятия времени с когнитивными, лингвистическими структурами. На наш взгляд, время является ценностным квазифеноменом, встроенным в структуру внутренней деятельности работы сознания и самосознания, в тигле внутренней жизни которого ведется невидимая работа проектирования личности, формирование ее идентичности. Укорененность времени и пространства в представлениях о мире, формирующих «картину мира» эпохи, делает разработку данных категорий важной для прояснения развития событий прошлого и настоящего человечества, помогает установить логические связи и наметить горизонт планирования не только повседневной, но и социальной жизни.

Основные вехи темпоральных представлений в западноевропейской культуре и временные ориентиры человека меняли его когнитивные настройки и представляли возможности для формирования новых смыслов, иных горизонтов в мироощущении и миропонимании. Решительные темпоральные повороты в истории мысли представлены в учениях Аристотеля, Аврелия Августина, Мартина Хайдеггера и Эдмунда Гуссерля.

Список литературы

1. Артог Ф. Картины мира и представления о времени // Логос. 2021. № 5. С. 59-76.
2. Аристотель. Категории // Аристотель. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2. Москва: Мысль, 1978. С. 52-90.
3. Августин А. Исповедь блаженного Августина, епископа Гиппонского. Москва: АСТ, 2003. 440 с.

4. Неретина С.С. Подступы к проблеме времени и процесса (Аристотель и Августин, Хайдеггер и Поппер) // Vox / Голос: электрон. философ. журн. 2012. Вып. 12 (июнь). URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_22580273_53333871.pdf [дата обращения: 11.09.2023].
5. Buck C.D. A dictionary of selected synonyms in the principle indo-european languages. A contribution to the history of ideas. Chicago: University of Chicago Press, 1949. 416 p.
6. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Акад. проект, 2001. 990 с.
7. Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: образ мира и миры образов. Москва: Гуманит. издат. центр «ВЛАДОС», 1996. 416 с.
8. Молчанов В.И. Феномен пространства и происхождение времени. Москва: Акад. проект, 2015. 277 с.
9. Деррида Ж. Письмо и различие. Санкт-Петербург: Акад. проект, 2000. 432 с.
10. Делёз Ж. Различие и повторение. Санкт-Петербург: Петрополис, 1998. 384 с.
11. Бергсон А. Собрание сочинений: в 4 т. Т. I: Опыт о непосредственных данных сознания. Материя и память. Москва: Моск. клуб, 1992. 325 с.
12. Гуссерль Э. Собрание сочинений. Т. 1: Феноменология внутреннего сознания времени / под общ. ред. и вступ. ст. В.И. Молчанова. Москва: Логос; Гнозис, 1994. 162 с.
13. Прехтль П. Введение в феноменологию Гуссерля. Томск: Водолей, 1999. 96 с.
14. Петина М.А. Темпоральность музыки (Социальные и культурфилософские основания музыкальной культуры XX века): монография. Самара: Самар. гос. техн. ун-т, 2016. 186 с.

Сведения об авторе:

Петина Марина Александровна, кандидат философских наук, доцент, проректор по творческой и научной деятельности Самарского государственного института культуры

ул. Фрунзе, 167, Самара, 443010
petinovam@samgik.ru

Дата поступления статьи: 11.10.2023

Одобрено: 27.10.2023

Дата публикации: 17.11.2023

Для цитирования:

Петина М.А. Время в оптике десубстантивации // Сфера культуры. 2023. № 4 [14]. С. 38–46. DOI: 10.48164/2713-301X_2023_14_38

УДК 130.2

DOI: 10.48164/2713-301X_2023_14_38

М.А. Petinova

Samara

The Samara State Institute of Culture

petinovama@samgik.ru

TIME IN THE OPTICS OF DESUBSTANTIVATION

This study considers the relatedness of time as a fundamental parameter of ideas about the world with consciousness and culture. The author reveals the connection between time and language, undertakes a linguistic analysis of the meanings of the word "time" revealing its etymological differences in Indo-European languages. The issue of the metaphorical imagery of time in a language is raised. Historical reconstruction of views on time is carried

out in the optics of desubstantivation through Aristotle to Aurelius Augustine, Martin Heidegger and Edmund Husserl. Using the example of musical tones reception, the process of synthesizing of temporal perceptions in consciousness is analyzed.

Keywords: time, praphenomenon, temporality, Aristotle, Augustine, Heidegger, Husserl, musical tone.

References

1. Hartog, F. (2021) *Kartiny` mira i predstavleniya o vremeni* [Pictures of the World and Ideas about Time]. Transl. from French by S. Zenkin. Logos, No. 5, 59-76. (In Russian).
2. Aristotle (1978) *Kategorii* [Categories]. Transl. from Greek by A.V. Kubitskiy. *Aristotel` . Sobranie sochinenij: v 4 tomax. Tom 2* [Aristotle. Collected works: in 4 vols. Vol. 2]. Moscow: My` sl`, 52-90. (In Russian).
3. Augustine Aurelius (2003) *Ispoved` blazhennogo Avgustina, episkopa Gipponskogo* [Confession of Blessed Augustine, Bishop of Hippo]. Transl. from Latin by M.K. Sergeenko. Moscow: AST. (In Russian).
4. Neretina, S.S. (2012) *Podstupy` k probleme vremeni i processa* [Approaches to the Problem of Time and Process (Aristotle and Augustine, Heidegger and Popper)]. *Vox / Golos: e`lektronny`j filosofskij zhurnal* [Vox/ Voice: Electronic Philosophic Journal], Issue 12 (June). URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_22580273_53333871.pdf (Accessed 11.09.2023). (In Russian).
5. Buck, C.D. (1949) *A Dictionary of Selected Synonyms in the Principle Indo-European Languages. A Contribution to the History of Ideas*. Chicago: University of Chicago Press. (In English).
6. Stepanov, Yu.S. (2001) *Konstanty` : Slovar` russkoj kul`tury`*. [Constants: Dictionary of Russian Culture]. Moscow: Akademicheskij proekt. (In Russian).
7. Makovskij, M.M. (1996) *Sravnitel`ny`j slovar` mifologicheskoy simvoliki v indoevropskix yazy`kax: Obraz mira i miry` obrazov* [Comparative Dictionary of Mythological Symbolism in Indo-European Languages: Image of the World and Worlds of Images]. Moscow: Humanitarnyj izdatel`skij centr "VLADOS". (In Russian).
8. Molchanov, V.I. (2015) *Fenomen prostranstva i proisxozhdenie vremeni* [Phenomenon of Space and Origin of Time]. Moscow: Akademicheskij proekt. (In Russian).
9. Derrida, J. (2000) *Pis`mo i razlichie* [Writing and Distinction]. Transl. from French by D.Yu. Kralechkin. Saint Petersburg: Akademicheskij proekt. (In Russian).

10. Deleuze, J. (1998) *Razlichie i povtorenie* [Distinction and Repetition]. Transl. from French by N.B. Mankovskaya and E.P. Yurovskaya. Saint Petersburg: Petropolis. (In Russian).
11. Bergson, A. (1992) *Sobranie sochinenij: v 4 tomach. Tom 1: Opyt o neposredstvennyx dannyx soznaniya. Materiya i pamyat'* [Collected Works: in 4 vols. Vol. 1: Experience on the Immediate Data of Consciousness. Matter and Memory]. Transl. by B.S. Bychkovskiy, A. Bauler, V. Bazarov et al. Moscow: Moskovskij klub. (In Russian).
12. Husserl, E. (1994) *Sobranie sochinenij. Tom 1: Fenomenologiya vnutrennego soznaniya vremeni* [Collected Works. Vol. 1: Phenomenology of the Internal Consciousness of Time]. Transl. from German by V.I. Molchanov, ed. and introductory article by V.I. Molchanov. Moscow: Logos; Gnozis. (In Russian).
13. Precht, P. (1999) *Vvedenie v fenomenologiyu Gusserlya* [Introduction to Husserl's Phenomenology]. Transl. from German by I. Inishev. Tomsk: Vodolej. (In Russian).
14. Petinova, M.A. (2016) *Temporal'nost' muzyki (Social'ny'e i kul'turfilosofskie osnovaniya muzykal'noj kul'tury XX veka): monografiya* [Temporality of Music (Social and Cultural Philosophical Foundations of Musical Culture of the XXth Century): Monograph]. Samara: Samara State Technical University. (In Russian).

About the author:

Marina A. Petinova, PhD in Philosophy, Associate Professor, Vice Rector for Creative and Scientific Work at the Samara State Institute of Culture

167 Frunze Str., Samara, 443010
petinovama@samgik.ru

CULTURE & TEXT

2

КУЛЬТУРА И ТЕКСТ

УДК 82.09+821.161.1

DOI: 10.48164/2713-301X_2023_14_49

О.Е. Воронова

Рязань

Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина

o.voronova62@yandex.ru

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН И ПОЛЬ ВЕРЛЕН: ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ И КОНТЕКСТЫ

В исследовании впервые на системной основе выявляются историко-литературные параллели между художественными мирами лидера французской школы поэтов-символистов Поля Верлена (1844–1896) и Сергея Есенина (1895–1925). Приводятся факты, доказывающие, что еще прижизненная критика улавливала в поэтическом слоге Есенина «верленовские» начала, рассматривая его как последователя постсимволистских тенденций в русской поэзии первой четверти XX в., как крестьянского поэта-символиста. Близость двух поэтов раскрывается автором в рамках сравнительно-типологического анализа. Показано сходство в звучании антиурбанистической тематики, психологизированном воссоздании образов природы – «пейзажей души», в поэтике цвета, исповедальной манере лирического высказывания, элегической тональности поздних стихов.

Ключевые слова: Сергей Есенин, Поль Верлен, символизм, тема города, «романсы без слов», «пейзажи души», мелодика стиха, исповедальность лирических монологов.

Тема «Есенин и Верлен» в отечественном литературоведении в системном плане пока еще не звучала, хотя отдельные значимые суждения Н.И. Шубниковой-Гусевой [1–3], О.Б. Кафановой [4, с. 237], французского исследователя Мишеля Никё [5, с. 233] задали некоторые векторы и подходы к ее изучению. Так, Мишель Никё в статье, посвященной феномену «литературной личности» Есенина в контексте традиции «проклятых поэтов» (термин, введенный в литературный обиход именно Полем Верленом), отмечал: «Еще предстоит выявить параллели между импрессионистскими “Романсами без слов” Верлена и ранней пейзажной лирикой Есенина (“пейзажи души”）」 [5, с. 233].

Интересно, что о присутствии «верленовских» нот и мотивов в поэзии Есенина русская критика начала писать очень рано – фактически с момента появления Есенина в литературных салонах Петрограда в 1915 году. Так,

27 октября 1915 г. в неподписанном отклике на вечер «Краса» в концертном зале Тенишевского училища в газете «Новое время» [№ 14236] говорилось о «молодом рязанском крестьянине поэте Сергее Есенине» следующее: «В его поэзии чувствуется влияние Городецкого, Брюсова, Блока. Иногда промелькнет даже Поль Верлен, загримированный кудрявым пастушонком Лелем» (курсив наш. – О.В.) [6, т. 1, с. 279].

Примечательно и другое: совместные выступления на литературных подмостках северной столицы зрелого Николая Клюева с юным провинциальным дебютантом, наделенным не только свежим поэтическим голосом, но и внешностью «вербочного херувима», вызвало у искушенных завсегдатаев литературных кафе аналогию с Полем Верленом и Артюром Рембо и подогрело к ним дополнительный интерес.

Был ли Сергей Есенин к этому времени знаком с творчеством лидера

французских символистов настолько глубоко, чтобы испытывать его влияние? О том, что это имя было ему известно, можно говорить с достаточной долей уверенности хотя бы потому, что, обучаясь на историко-философском отделении Народного университета имени А.Л. Шанявского, Есенин имел возможность прослушать курс лекций известного историка литературы Ю.И. Айхенвальда «Западное влияние в русской литературе» [6, т. 1, с. 176, 595].

В дальнейшем его интерес к новаторским открытиям Верлена мог только расти, так как и сам он торил новые пути в искусстве слова.

Знаменитые принципы «новой эстетики», провозглашенные Верленом еще на рубеже 1870–1880-х гг. в его литературном манифесте «Поэтическое искусство» («Музыка – прежде всего!»; «Долой краски – да здравствуют оттенки»; «Свернуть шею риторике») и воспринятые как своего рода руководство к действию сначала старшими символистами (В. Брюсовым, К. Бальмонтом, Ф. Сологубом и др.), а затем и их младшими собратьями (А. Блоком, А. Белым, С. Соловьевым), были в основе своей близки и Есенину. Повышенное внимание к мелодике стиха, интерес не только к ярким и чистым краскам окружающего мира, но и к переходам, переливам их оттенков, отказ от рассудочности и назидательности в пользу живой эмоции, свежего впечатления, переживаемого «здесь и сейчас», – всё это уже на раннем этапе творчества Есенина как «крестьянского поэта-символиста» (В. Львов-Рогачевский) могло дать основание критикам-современникам говорить о присутствии «верленовских начал» в его поэтической манере. Главное же, что и сегодня обращает внимание исследователей, касающихся этой темы, – это знаменитые верленовские «пейзажи души», которые действительно могли бы восприниматься «маркерами» «верленовского» присутствия в есенинской поэтике, если бы не изначальная, природная суть собственного, абсолютно

уникального есенинского дарования. И в данном случае следует говорить, на наш взгляд, не столько об опосредованном, через русских символистов, влиянии Поля Верлена на Есенина, сколько о типологически близких явлениях: о близости их мироощущения как поэтов интуитивистского склада, импрессионистического стиля, музыкального строя стиха.

Поэтому вполне закономерно, что Поль Верлен воспринимался Есениным как одна из знаковых фигур европейской поэзии, во многом близкая его собственным поискам в области «словесной живописи», «музыки слова», иначе говоря – в области нового художественного синкретизма, синтеза искусств. Именно об этих открытиях и заслугах Верлена, его не только французских, но и русских последователей очень точно сказал один из видных теоретиков русского символизма и концепции «органического» в искусстве Вячеслав Иванов, с которым Есенин был знаком: «Новейшие поэты разлучили поэзию с “литературой, памятуя Верленово *de la musique avant toute chose* («Музыка – прежде всего». – *O.B.*) и приобщили ее снова как равноправного члена и сестру к хороводу искусств: музыки, живописи, скульптуры, пляски» [7, с. 75].

Важно отметить и то, что современная Есенину критика воспринимала его художественные искания как отражение постсимволистских тенденций в русской поэзии. Так, Василий Львов-Рогачевский прямо называл его «крестьянским поэтом-символистом» [8, с. 12]. На «символистичность» его художественного мышления и мировосприятия указывал В. Дружин, называвший Есенина «последним символистом» [9, с. 42].

В петроградских литературных гостиных, где до революции Есенин бывал регулярно, имя Верлена звучало с безусловным пиететом из уст главных популяризаторов и переводчиков Верлена в России – Валерия Брюсова, знавшего, по воспоминаниям современ-

ников, всего Верлена наизусть, Федора Сологуба, начавшего переводить Верлена еще при его жизни (с 1892 г.), а также Константина Бальмонта, который с особым блеском умел передавать музыкальность верленовского стиха.

Ощущением творческой близости в понимании природы поэтического слова отмечен особый, достаточно доверительный характер отношения к Есенину со стороны «младших символистов» А. Блока и А. Белого – также тонких ценителей стихов французского поэта.

Интересу и более глубокому знакомству Есенина с поэзией Верлена способствовало и то, что их имена пересекались неоднократно на одних и тех же литературных площадках, на страницах печатных изданий.

Так, 7 апреля 1918 г. в левозэровской газете «Знамя труда» (№ 174) публикуется анонс поэм Есенина «Октоих», «Преображение», «Инония» и отрывков из поэмы «Сотворение мира» наряду со стихотворениями и «переводами А. Блока из Верлена» (так! – О.В.) [6, т. 1, с. 69]. В вихре революционных событий в России поэзия Верлена оказалась востребованной – уже не декадентскими, а социальными мотивами – в том числе благодаря такому значимому факту его биографии, как участие в делах Парижской коммуны, с которой молодая советская власть ощущала свою преемственную связь.

2 ноября 1918 г. на литературном вечере, устроенном Василием Каменским и Вадимом Шершеневичем в Большой аудитории Политехнического музея, артисты Камерного театра читали стихи Есенина и Верлена наряду со стихами Пушкина, Брюсова, Бальмонта. Есенин присутствовал на этом вечере и, скорее всего, именно в этот день состоялась самая первая встреча Есенина с В. Шершеневичем и А. Мариенгофом, положившая начало имажинистской литературной группе [6, т. 2, с. 175].

Илья Эренбург, встретившийся с Есениным в Москве в ноябре 1920 г., вспоминал впоследствии: «Есенин меня

удивил: заговорил о живописи... его заинтересовал Пикассо. Оказалось, что он читал в переводе Верлена, даже Рембо (курсив наш. – О.В.). <...> В тот день я <словно бы> впервые увидел Есенина. А познакомились мы раньше, и стихи его я давно любил»¹.

Анализируя параллели и созвучия поэтических систем Верлена и Есенина, имеет смысл опереться на высказывания его выдающихся литературных современников, характеризовавших личность и поэзию Верлена такими оценками, которые вполне могли бы быть применимы и к русскому поэту.

Так, Максимилиан Волошин в предисловии к сборнику произведений Верлена в переводах Ф. Сологуба (1908) писал: «Этот... уличный бродяга, кабацкий завсегдатай... обладает неотразимо искренним, детски чистым голосом...»².

Сочувственная характеристика личности П. Верлена, данная А.М. Горьким в его дореволюционной статье «Поль Верлен и декаденты», рисует облик поэта, во многом напоминающего Есенина в кризисные моменты его духовных исканий: «В его меланхолических и звучащих глубокой тоскою стихах был ясно слышен вопль отчаяния, боль чуткой и нежной души, которая жаждет света, жаждет чистоты, ищет Бога и не находит»³.

Именно такой трагический отсвет судьбы Верлена в судьбе Есенина увидела и Айседора Дункан. В своем открытом письме в редакцию французской газеты *L'Eclair* (1923) по поводу обвинений со стороны Д.С. Мережковского о неподобающем якобы поведении Есенина Айседора стремится оправдать его душевные срывы, участвовавшие вдали от Родины, особенностью тонкой и сложной психической организации мно-

¹ Эренбург И. Люди, годы, жизнь. Кн. 1 и 2. Москва: Совет. писатель, 1961. С. 577-579.

² Волошин М. [Отклик на книгу «Поль Верлен. Стихи избранные и переведенные Федором Сологубом» (СПб.: Факелы, 1908)] // Верлен П. Стихотворения: в 2 т. Т. 2 / отв. ред. В.Е. Багно. Санкт-Петербург: Наука, 2014. С. 459.

³ Горький М. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 23. Москва: Гослитиздат, 1953. С. 124.

гих гениальных натур и начинается этот ряд с Верлена: «А *Поль Верлен*, Бодлер, Мусоргский, Достоевский, Гоголь?» (курсив наш. – *О.В.*) [6, т. 3, кн. 2, с. 385].

В том же ключе писатель Николай Никитин в своих мемуарах по поводу так называемых «легенд» о Есенине проводит параллель с П. Верленом, цитируя статью Анатоля Франса «Поль Верлен»: «Нельзя подходить к <этому> поэту с той же меркой, с какой подходят к людям благоразумным. Он обладает правами, которых у нас нет, ибо он стоит несравненно выше и вместе с тем несравненно ниже нас. Это – бессознательное существо, и это – такой поэт, который встречается раз в столетие». Н. Никитин комментирует: «Я верю в то, что это же самое вполне приложимо к Есенину»¹.

Сравнительно-типологический анализ поэзии Есенина и Верлена позволяет выявить не только близость ряда ключевых лейтмотивов, но и сходство на уровне лирических автопортретов, самовосприятия двух выдающихся художников слова.

В одном из поздних стихотворений, пережив многие испытания и потери, «узревший иные цели», как он скажет о себе, пришедший к обретению высших истин Поль Верлен в форме 3-го лица обрисует свой психологический портрет, очертит свой духовный путь, очень близкий есенинскому:

<...>

Он, мудрый, может наблюдать
События жизни скоротечной,
И созерцать морскую гладь,
И ветру подпевать беспечно.

<...>

И чтобы спуску не давать
Опустошающей гордыне,
Он повернет к былому, вспять,
Навстречу гибельной стремнине,

К зеленым травам у реки,
Где волны омыают берег,
Грустя о днях былой тоски,
О всех ошибках и потерях.

Он высь полюбит и луга,
Гармонию вселенской шири,
Простит злодея и врага,
Чтобы они почили в мире.

Он явится из наших дней,
Простой в своем добросердечье,
И трепетной душой своей
Поймет поступки человечьи.

Покинув мир житейских драм,
Презрев обычаи и моду,
Всем вашим смрадным городам
Он, мудрый, предпочтет природу².

П. Верлен. Мудрость.

Пер. А. Ревича

Среди мотивно-образных перекличек двух поэтов особый интерес представляют те параллели, которые наиболее ярко отражены именно в есенинском творчестве и могут быть квалифицированы как «есенинские мотивы»: в их числе – противопоставление города и деревни, природы и цивилизации.

Как известно, Поль Верлен стоит у истоков темы города в мировой поэзии. Отчетливая антиурбанистическая тенденция сближает его «городскую» лирику с ранним стихотворением Есенина «Город» [1915]. В этом стихотворении Есенин увидел образ города как «каменной пещеры», в которой «как муравьи кишели люди», как вместилища греха, дьявольских соблазнов и искушений:

Храня завет родных поверий –
Питать к греху стыдливый страх,
Бродил я в каменной пещере,
Как искушаемый монах.

<...>

С улыбкой змеяного грешенья
Девичий смех меня манул,
Но я хранил завет крещенья –
Плевать с молитвой в сатану.
Как об ножи стальной дорогой
Рвались на камнях сапоги,
И я услышал зык от Бога:
«Забудь, что видел, и беги!»³

² Верлен П. Романсы без слов. Санкт-Петербург: Терция: Кристалл, 1999. С. 220-221.

³ Есенин С.А. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 4: Стихотворения, не вошедшие в «Собрание стихотворений» / ИМЛИ РАН. Москва: Наука; Голос, 2004. С. 104-105.

¹ Никитин Н.Н. О Есенине // С.А. Есенин в воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 2. Москва: Худож. лит., 1986. С. 131.

Задолго до Есенина порочность современной городской цивилизации обличал в своих стихах и Поль Верлен:

...И города в кипенье вечном –
Созданья ада, не людей...¹.

П. Верлен. Lamento!

Пер. Г. Шенгели

В своих стихах Поль Верлен выносит гневный приговор мегаполису как средоточию греха и преступленья, подчеркивая беспросветное одиночество скитающейся в его лабиринтах страдающей личности:

Вот «великий ваш град»! Груды белых камней.
Город, отданный солнцу, лучам иступленным.
Все грехи расползлись по дворцам и притонам
В раскаленной пустыне из белых камней.

Среди гула и смрада скитается сердце
Здесь, где вечная пыль и песок на зубах,
Преступленья повсюду таятся и страх
В одиночестве этом, где мается сердце. <...>².

П. Верлен. Мудрость.

Пер. А. Ревича

Душа лирического героя Верлена тянется к естественному, природному началу, к «цветам полевым» как воплощению живой жизни, органического, исконного начала бытия:

<...>

Цветы полевые, усните, цветы полевые!
Да разве сравнится куртин показная краса,
Их роскошь публичная, их лепестки восковые
С обычной ромашкой среди золотого овса!

<...>

Зеленое жито и смуглой пшеницы колосья
Усталую ласточку теплой купают волной.
Становится поле от птичьего разноголосья
Единою песней – и сердце не просит иной...³

П. Верлен. Спит Золушка сладко...

Пер. А. Гелескула

Тему природного превосходства полевых цветов, растущих из самой земли, из родовой почвы, над их «собратями», выращенными искусственно, Есенин

ярко разовьет в философской поэме «Цветы», аллегорически воссоздающей жизнь цветов как жизнь людей:

<...>

Я не люблю цветы с кустов,
Не называю их цветами,
Хоть прикасаюсь к ним устами,
Но не найду к ним нежных слов.

Я только тот люблю цветок,
Который врос ногами в землю,
Его люблю я и приемлю,
Как северный наш василек⁴.

<...>

Созвучие с верленовской «полевой» темой звучит и в есенинских строках из ранней поэмы «Русь» (1915), поэтизирующих неизбывную для любого русского пейзажа «печаль полей»:

Ах, поля мои, борозды милые,
Хороши вы в печали своей...⁵

Мотив «печали полей» задолго до Есенина светлой минорной нотой звучит и в стихотворении Верлена «Закаты» в переводах М. Миримской и В. Брюсова:

Заря догорела,
Во мгле тополя.
Печаль без предела
Легла на поля. <...>⁶.

Пер. М. Миримской

Вечерняя даль
Румянцем объята,
На поле печаль
Струится заката.
Струится печаль
О бывшем когла-то...
Кого-то мне жаль
Под песню заката. <...>⁷.

Пер. В. Брюсова

Известно, что А. Блок признавался в письме Ф. Сологубу, что его перевод стихотворения Верлена «Синева небес над

¹ Верлен П. Романсы без слов. С. 348.

² Там же. С. 228.

³ Там же. С. 287.

⁴ Есенин С.А. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 4: Стихотворения, не вошедшие в «Собрание стихотворений». С. 205.

Там же. Т. 2: Стихотворения (Маленькие поэмы). Москва: Наука; Голос, 2004. С. 20.

⁶ Верлен П. Романсы без слов. С. 38.

⁷ Там же. С. 36.

кровлей...» стал для него самым первым поэтическим впечатлением, предопределившим его собственный творческий путь и осознание роли музыкального начала в поэзии.

В этом стихотворении особенно трогает близкий Есенину мотив напрасно растроченной юности, угасающей молодости. Приведем этот текст в двух переводах: Ф. Сологуба и А. Ревича.

Синева небес над кровлей
Ясная такая!
Тополь высится над кровлей,
Ветви наклоняя.

Из лазури этой в окна
Тихий звон несется.
Грустно с веток этих в окна
Песня птички льется.

<...>
«Что ты сделал? Что ты сделал?
Исходя слезами,
О, подумай, что ты сделал
С юными годами?»¹.

Пер. Ф. Сологуба

Над кровлей синева простер
Простор небесный!
Листву над кровлей распростер
Навес древесный.

Воскресный звон плывет в простор
Он льется, длится.
С ветвей мольбу в простор
Возносит птица.

<...>
Что ты наделал! Что с тобой?
Ты с горя спятил?
Скажи, что сделал ты с тобой?
Как жизнь растратил?².

Пер А. Ревича

Лирико-драматическое начало в другом исповедальном монологе Верлена, в котором возникает образ загнанного зверя, оказавшегося в смертельном тупике, вызывает ассоциации со стихотворением Есенина

«Волчья гибель» («Мир таинственный, мир мой древний...»):

П. Верлен

Я всего натерпелся, поверь!
Как затравленный, загнанный зверь,
Рыскать в поисках крова и мира,
Больше я, наконец, не могу
И один, задыхаясь, бегу
Под ударами целого мира.

<...>

И, терзаясь, шатаюсь в бреду,
Окровавленный, еле бреду
К целомудренной чаше и влаге.
Так спасите от псов, от людей,
Дайте мне умереть поскорей,
Волки, братья, родные бродяги!³

П. Верлен. Я всего натерпелся, поверь!

Пер. В. Парнаха

С. Есенин

<...>

О, привет тебе, зверь мой любимый!
Ты не даром даёшься ножу!
Как и ты, я, отсюда гонимый,
Средь железных врагов прохожу.

Как и ты, я всегда наготове,
И хоть слышу победный рожок,
Но отпробует вражеской крови
Мой последний, смертельный прыжок.

И пускай я на рыхлую выбель
Упаду и зарюсь в снегу...
Всё же песню отмщенья за гибель
Пропоют мне на том берегу.
1921⁴

Пронзительная тема братства людей и зверей, ярко отразившаяся в поэмах Есенина «Кобыльи корабли», «Сорокоуст», была близка и Верлену. Человеческая жестокость по отношению к царству «разумного зверья», когда человек и зверь как бы меняются местами, впечатляюще звучит в есенинских строках: «Бог ребенка волчице дал, /

¹ Верлен П. Стихотворения: в 2 т. Т. 2 / отв. ред. В.Е. Багно. Санкт-Петербург: Наука, 2014. С. 333.

² Европейская поэзия XIX века / сост. В. Богачев и др.; вступ. ст. С. Небольсина. Москва: Худож. лит., 1977. С. 691.

³ Верлен П. Стихотворения: в 2 т. Т. 2. С. 407.

⁴ Есенин С.А. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 1: Стихотворения / ИМЛИ РАН. Москва: Наука; Голос, 2004. С. 158.

Человек съел дитя волчицы» – как отзвук одного из верленовских стихотворений:

Далекий рог печалится в бору,
Как сирота, выплакивая горе,
И гложет, обрыдав, на косогоре –
Лишь отголоски стонут на ветру.

Душа волчонка плачет в этом хоре
И затихает только ввечеру –
И плач торопит робкую игру
Больного солнца, гаснущего вскоре. <...>¹.

*П. Верлен. Далекий рог
печалится в бору...
Пер. А. Гелескула*

Музыкальность верленовского стиха сопрягается в нем с живописностью – то, что станет в дальнейшем важнейшим достоянием и есенинской поэзии.

Верленовские «романсы без слов» и «пейзажи души» всегда подсвечены синим цветом. Примеров верленовской (как впоследствии и есенинской) «синевы» не перечесть:

*Синее небо венчает собою
Вечную синь моей ясной любви²
(здесь и далее курсив наш. – О.В.).*

*П. Верлен. Кончена стужа – и зайчики света...
Пер. А. Эфрон*

В размытой синеве неярко и нещедро
Сияет солнца свет, похожий на костры.
Кусты осенних роз в тугих объятьях ветра
И воздух чист, как поцелуй сестры³.

*П. Верлен. Эпilog.
Пер. А. Эфрон*

Поэзия Поля Верлена могла привлечь интерес Есенина и как неисчерпаемый кладезь метафор и олицетворений:

Тревожною стаей, слепой и шальной,
Крылатая память шумит надо мной
И бьется, и мечется, бредя спасеньем,
Над желтой листвою, над сердцем осенним.
<...>

И тронуть боясь этот синий покой,
Печальная полночь воздушной рукой

Баюкает заводь и в сумраке прячет,
А листья все плещут и птица все плачет⁴.
*П. Верлен. Соловей.
Пер. А. Гелескула*

Сближает поэзию Верлена и Есенина и тема «осенней» и «усталой» любви. Тема и интонация есенинского стихотворения «Дорогая, сядем рядом...» отзывается далеким отзвуком в лирическом монологе Верлена, обращенном к возлюбленной:

П. Верлен

Дай руку, не дыши – присядем над листвою,
Уже все дерево готово к листопаду,
Но серая листва хранит еще прохладу
И света лунного оттенок восковой.

Давай забудемся. Взгляни перед собой.
Пусть ветер осени возьмет себе в награду
Усталую любовь, забытую отраду
И гладит волосы, задетые совой⁵.

*П. Верлен. Благоразумие.
Пер. А. Гелескула*

С. Есенин

Дорогая, сядем рядом,
Поглядим в глаза друг другу.
Я хочу под кротким взглядом
Слушать чувственную вьюгу.

Это золото осень,
Эта прядь волос белесых –
Все явилось, как спасенье
Беспокойного повесы. <...>⁶.

П. Верлен прокладывает новые пути и в эпистолярной форме любовной лирики. Его стихотворение «Письмо», начинающееся словами «Далек от Ваших глаз, сударыня, живу...», напоминает интонацию и мотив неугасшего чувства, пронизывающий есенинское «Письмо к женщине».

Верленовские «пейзажи души» также находят свой отзвук в есенинской поэзии.

⁴ Там же. С. 52.

⁵ Там же. С. 251.

⁶ Есенин С.А. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 1: Стихотворения / ИМЛИ РАН. Москва: Наука; Голос, 2004. С. 193.

¹ Верлен П. Романсы без слов. С. 216.

² Там же. С. 129.

³ Там же. С. 74.

У Верлена – «поэта настроений» – природа и душа сосуществуют, как правило, в унисон:

Окончилась зима, весна в начале,
Лазурь небес играет на воде.
Измученное сердце, брось печали,
Пей хмель зари, разлившейся везде¹.
*П. Верлен. Окончена зима...
Пер. М. Миримской*

Небо над городом плачет,
Плачет и сердце мое².
*П. Верлен. Небо над городом...
Пер. В. Брюсова*

Есенин идет еще дальше своего предшественника – у него сама душа становится метафорой пейзажа:

И душа моя – поле безбрежное –
Дышит запахом меда и роз...³

Поль Верлен, как в дальнейшем и Есенин, – искусный мастер лирического пейзажа. Он умеет видеть и воплощать образы природы в мельчайших деталях и подробностях, воссоздавая этот зримый, звучащий, осязаемый мир в его художественном синтезе: яркие краски соседствуют с причудливой дрожью переливов и оттенков, оживают голоса лягушек и светляков, воздух наполняют ароматы цветов и растений:

Луна багряная плывёт издалека,
Заводит марево причудливые пляски
Над сонной пустошью, кричит лягушка в ряске,
И пробегает дрожь по тени тростника.

Свернулись лилии холодными клубками,
Прямые тополя слились в одну черту
И цепью призраков уходят в темноту,
Искрятся заросли росой и светляками. <...>⁴.
*П. Верлен. Час свиданья.
Пер. А. Гелескула*

Случилось так, что вполне осознаваемая вульгарно-социологической критикой близость элегических настроений поздних стихов Есенина воспри-

нималась ею как дань упадническим настроениям, созвучным минорной тональности многих стихов Верлена. В начавшейся в 1926 г. кампании против «есенинщины» этот факт, к сожалению, сыграл свою роль. Так, 15 июля 1926 г. в «Комсомольской правде» публикуется статья Цилии Фельдман «Мало ли есть вкусных ядов...». В ней имя Поля Верлена применительно к Есенину используется в качестве параллели утонченно-вредного влияния его поэзии на читателя.

Ц. Фельдман приводит слова А.В. Луначарского о П. Верлене из его «Истории западноевропейской литературы»: «Мало ли есть вкусных ядов, но вы знаете, что это яд, и от него отходите. Таким же смертельным и таким же ядовитым является дух поэзии Верлена» [Цит. по: 6, т. 5, кн. 2, с. 345]. Ц. Фельдман комментирует: «Да, Есенин для нас, пожалуй, в два раза опасней, потому что он жил в наше время и потому, что многие, судя по его социальному происхождению, привыкли считать его своим» [Цит. по: 6, т. 5, кн. 2, с. 346].

Эту тему подхватывает комсомольский поэт Александр Безыменский в статье «Прошу слово как комсомолец» [«Комсомольская правда» от 19 июня 1926 г.]. Связав серию самоубийств среди молодежи с «увлечением Есениным», он делает вывод: «Есенин – ...яд» [Цит. по: 6, т. 5, кн. 2, с. 346].

Однако прошли годы и десятилетия, и в творчестве Есенина высветилось главное – природность, органичность, берущая каждого за душу естественность и искренность его поэзии. И о Есенине сегодня можно сказать словами Бориса Пастернака о Поле Верлене с его «непозволительно личными исповедями» без всяких натяжек и преувеличений: «...он естествен непредвосхитимо и не сходя с места, он по-разговорному, сверхъестественно естествен, то есть он прост не для того, чтобы ему поверили, а для того, чтобы не помешать голосу жизни, рвущемуся из него» [10, с. 58].

¹ Есенин С.А. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 1: Стихотворения. С. 131.

² Верлен П. Романсы без слов. С. 147

³ Есенин С.А. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 1: Стихотворения. С. 215.

⁴ Верлен П. Романсы без слов. С. 51.

Список литературы

1. Шубникова-Гусева Н.Н. Поэмы Есенина: От «Пророка» до «Черного человека»: творческая история, судьба, контекст и интерпретация / Рос. акад. наук. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. Москва: ИМЛИ РАН: Наследие, 2001. 688 с.: портр., факс.
2. Шубникова-Гусева Н.И. «Объединяет звуком русской песни...»: Есенин и мировая литература / Рос. акад. наук, Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького РАН. Москва: ИМЛИ РАН, 2012. 526 с.
3. Шубникова-Гусева Н.И. Сергей Есенин и французские писатели // Россия и франкоязычный мир в диалоге искусств: литература, живопись, театр, кинематограф: материалы круглого стола к Году рус. яз. и лит. во Франции, а также фр. яз. и лит. в России: к 80-летию Рос. ин-та культурологии / Рос. ин-т культурологии; Моск. обл. гос. науч. б-ка им. Н.К. Крупской. Москва, 2013. С. 36-45.
4. Кафанова О.Б. Предсмертное стихотворение Есенина во французском дискурсе // Сергей Есенин. Личность. Творчество. Эпоха: сб. науч. тр. Вып. 5, Ч. II. Москва; Константиново; Рязань, 2017. С. 232-242.
5. Никё М. Литературная личность Есенина и традиция «проклятых поэтов» // Есенинская энциклопедия: Концепция. Проблемы. Перспективы: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 111-летию со дня рождения С.А. Есенина / Ин-т мир. лит. им. А.М. Горького РАН, Гос. музей-заповедник С.А. Есенина, Рязан. гос. ун-т им. С.А. Есенина; редкол.: О.Е. Воронова (отв. ред.) и др. Москва; Константиново: Пресса, 2007. С. 219-225.
6. Летопись жизни и творчества С.А. Есенина: в 5 т. Т. 1-5 / гл. ред. Ю.Л. Прокушев, Н.И. Шубникова-Гусева; РАН, ИМЛИ им. А.М. Горького. Москва, 2003-2018.
7. Иванов В. О веселом ремесле и умном веселии // Иванов В. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 3: Статьи. Брюссель; Foyer Oriental Chrétien, 1974. С. 61-77.
8. Львов-Рогачевский В. Поэзия новой России: Поэты полей и городских окраин. Москва: Кн-во писателей в Москве, 1919. 192 с.
9. Друзин В.П. Сергей Есенин: [очерк-характеристика]. [Ленинград]: Прибой, [1927]. 44 с., [4] с. объявл.
10. Пастернак Б.Л. Поль Мари Верлен // Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений с приложениями: в 11 т. Т. 5: Статьи, рецензии, предисловия, драматические произведения, литературные и биографические анкеты, неоконченные наброски, стенограммы выступлений / гл. ред. Д.В. Тевкелян. Москва: Слово, 2004. С. 54-58.

Сведения об авторе:

Воронова Ольга Ефимовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры литературы и журналистики Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина

ул. Свободы, 46, Рязань, 390000
o.voronova62@yandex.ru

Дата поступления статьи: 20.09.2023

Одобрено: 27.10.2023

Дата публикации: 17.11.2023

Для цитирования:

Воронова О.Е. Сергей Есенин и Поль Верлен: историко-литературные параллели и контексты // Сфера культуры. 2023. № 4 (14). С. 49–59. DOI: 10.48164/2713-301X_2023_14_49

УДК 82.09+821.161.1

DOI: 10.48164/2713-301X_2023_14_49

O.E. Voronova

Ryazan

Ryazan State University Named for S. Yesenin

o.voronova62@yandex.ru

SERGEY YESENIN AND PAUL VERLAINE: HISTORICAL AND LITERARY PARALLELS AND CONTEXTS

For the first time on a systematic basis the study reveals historical and literary parallels between the artistic worlds of the leader of the French school of symbolist- poets Paul Verlaine (1844-1896) and Sergey Yesenin (1895-1925). Some facts are provided proving that lifetime criticism captured "Verlaine" principles in Yesenin's poetic style, considering him as a follower of post-symbolist trends in Russian poetry of the first quarter of the XXth century, as a peasant symbolist poet. The similarity of the two poets is revealed by the author in

the framework of comparative typological analysis. The similarity in the sound of anti-urban themes is shown, as well as in psychologized recreation of images of nature – "landscapes of the soul", in the poetics of colour, in the confessional manner of lyrical utterance, in the elegiac key of late verses.

Keywords: Sergey Yesenin, Paul Verlaine, symbolism, the city theme, "romances without words", "landscapes of the soul", melody of verse, confession-like style of lyrical monologues.

References

1. Shubnikova-Guseva, N.N. (2001) *Poe`my` Esenina: Ot «Proroka» do «Chernogo cheloveka»: Tvorcheskaya istoriya, sud`ba, kontekst i interpretaciya* [Yesenin's Poems: From "The Prophet" to "The Black Man": Creative History, Fate, Context and Interpretation]. Moscow: A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. [In Russian].
2. Shubnikova-Guseva, N.I. (2012) *"Ob`edinyayet zvukom russkoj pesni..." : Esenin i mirovaya literature* ["Unites with the Sound of a Russian Song..." : Yesenin and World Literature]. Moscow: A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. [In Russian].
3. Shubnikova-Guseva, N.I. (2013) *Sergej Esenin i francuzskie pisateli* [Sergey Yesenin and French Writers]. *Rossiya i frankoyazy`chny`j mir v dialoge iskusstv: literatura, zhivopis`, teatr, kinematograf.: materialy` kruglogo stola k Godu rusckogo yazy`ka i literatury` vo Francii, a takzhe francuzskogo yazy`ka i literatury` v Rossii: k 80-letiyu Rossijskogo instituta kul`turologii* [Russia and the French-Speaking World in the Dialogue of the Arts: Literature, Painting, Theater, Cinema: Round Table Materials for the Year of the Russian Language and Literature in France, as well as the French Language and Literature in Russia: to the 80th Anniversary of Russian Institute of Cultural Studies]. Moscow, 36-45. [In Russian].
4. Kafanova, O.B. (2017) *Predsmertnoe stixotvorenie Esenina vo francuzskom diskurse* [Yesenin's Dying Poem in French Discourse]. *Sergej Esenin. Lichnost`. Tvorchestvo. E`poxa: sbornik nauchny`x trudov* [Sergey Yesenin. Personality. Creativity. Epoch: Collection of Scientific Papers], Issue 5, Part II. Moscow; Konstantinovo; Ryazan, 232-242. [In Russian].

5. Niqueux, M. (2007) Literaturnaya lichnost` Esenina i tradiciya "proklyaty`x poe`tov" [Yesenin's Literary Personality and Tradition of "Damned Poets"]. *Eseninskaya e`nciklopediya: koncepciya. Problemy`. Perspektivy`: materialy` Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashhennoj 111-letiyu so dnya rozhdeniya S.A. Esenina* [Yesenin Encyclopedia: Concept. Problems. Perspectives: Materials of the International Scientific Conference Dedicated to the 111th Anniversary of the Birth of S.A. Yesenin]. Editorial Board: O.E. Voronova (Executive Editor) et al. Moscow; Konstantinovo: Pressa, 219-225. (In Russian).
6. *Letopis` zhizni i tvorchestva S.A. Esenina: v 5 tomax. Tom 1–5 (2003-2018)* [Chronicle of the Life and Work of S.A. Yesenin: in 5 vols. Vol. 1-5]. Editors-in-Chief Yu.L. Prokushev, N.I. Shubnikova-Guseva. Moscow: A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. (In Russian).
7. Ivanov, V. (1974) O veselom remesle i umnom veselii [On Cheerful Craft and Clever Cheerfulness]. *Ivanov V. Sobranie sochinenij: v 3 tomax. Tom 3: Stat`i.* [Ivanov V. Collected Works: in 3 vols. Vol. 3: Articles]. Brussels: Foyer Oriental Chrétien, 61-77. (In Russian).
8. L`vov-Rogachevskij, V. (1919) *Poe`ziya novoj Rossii: Poe`ty` polej i gorodskix okrain* [Poetry of New Russia: Poets of Fields and Urban Outskirts]. Moscow: Writers' Book Publishing in Moscow. (In Russian).
9. Druzin, V.P. (1927) *Sergej Esenin: ocherk-xarakteristika* [Sergey Yesenin: Essay-Characterization]. Leningrad: Priboj. (In Russian).
10. Pasternak, B.L. (2004) Pol` Mari Verlen [Paul Marie Verlaine]. *Pasternak B.L. Polnoe sobranie sochinenij s prilozheniyami: v 11 tomax. Tom 5: Stat`i, recenzii, predisloviya, dramaticheskie proizvedeniya, literaturny`e i biograficheskie ankety`, neokonchenny`e nabroski, stenogrammy` vy`stuplenij* [Pasternak B.L. Complete Works with Appendices: in 11 vols. Vol. 5: Articles, Reviews, Prefaces, Dramatic Works, Literary and Biographical Questionnaires, Unfinished Sketches, Transcripts of Speeches]. Editor-in-Chief D.V. Tevkelyan. Moscow: Slovo, 54-58. (In Russian).

About the author:

Olga E. Voronova, Doctor of Philology, Professor, Professor at the Department of Literature and Journalism of Ryazan State University Named for S. Yesenin

46 Svoboda Str., Ryazan, 390000
o.voronova62@yandex.ru

3

CULTURE & ART

КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО

УДК 130.2+111.852

DOI: 10.48164/2713-301X_2023_14_63

В.В. Медушевский

Москва

Московская государственная консерватория
имени П.И. Чайковского

vmedu@mail.ru

СИНЕРГИЙНАЯ ЭСТЕТИКА

Автор обосновывает оригинальное, междисциплинарное и во многом дискуссионное представление о синергийной эстетике, в основе которого богословское понимание развития христианской цивилизации как бесконечного сотворчества Бога и человека (со-творца), устремленного к цели Творения – наступлению Царствия Божия. Красота музыкальных и литературных шедевров, произведений изобразительного и монументального искусства, гармония научных теорий – результат открытия вечной новизны бытия через Божию благодать. В статье приводятся примеры, свидетельствующие о синергийном восприятии творческого и исполнительского вдохновения в сфере искусства как откровения, поступившего свыше. Особое внимание уделяется синергийной эстетике музыкального исполнительства.

Ключевые слова: эстетика, синергия, красота, сотворчество, целеустремление, предел, беспредельность, единство явления-являющего-являемого.

Эстетика – это наука о красоте как силе, поднимавшей к бытию целые цивилизации и народы. Потому ее предмет выходит далеко за рамки искусства¹. Красота – неустранимая сторона сущего. Без нее бессмысленно все. Задача эстетики как науки – выделить зидительную силу красоты в сознании человечества, чтобы она воссияла и в жизни. Неразумно рассуждать о красоте без красоты – это было бы беспредметной схоластикой.

Как музыкальные шедевры могли появиться в мироздании? Интонация небесной красоты, которой предстояло строить христианскую цивилизацию, была подробно описана святыми отцами. Теория музыки в ранние века христианства ставилась выше «практической музыки», потому что была святой теорией красоты, способной приводить небывалое в действительное. В связи с этим услышим голос святых отцов: «Ничто, ничто так не возвышает

и не окрыляет душу, не отрешает ее от земли, не избавляет от уз тела, не располагает Любомудрствовать и презирать все житейское, как согласное пение и стройно составленная божественная песнь» [4]. Взор св. Иоанна Златоуста был устремлен в то главное, исходное, что будет рождать красоту музыки будущего: ее жизнестроительную энергию. Изысканно красива и верна мысль П.И. Чайковского о М.И. Глинке: в нем, как дуб в желуде, заключена вся последующая русская музыка². Но «желудь» будущего созрел раньше. Случилось в мироздании то, что выше святителя и музыкантов. Их творения никак не выросли бы из установок: «Все суета сует и всяческая суета. Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем» (Еккл. 1:9).

Что же произошло? Что вдруг изменилось в бытии? Время стало целестремительным, потекло в настоящее не

¹ См. также другие статьи автора, прямо или косвенно связанные с темой: [1–3].

² Чайковский П.И. Дневники / ред. Т. Чугунова. Москва: Наш дом – L'Age d'Homme; Екатеринбург: У-Фактория, 2000. С. 203.

только по низшей линии детерминизма из прошлого, но и встречно – из будущего. Сотворивший время имеет власть менять его ход и устройство. Каждый квант времени вдруг возгорелся тем, что впереди. Апостол Павел пишет: «...забывая заднее и простираясь вперед, стремлюсь к цели...» (Флп. 3:13, 14). Какой цели? Ей нет предела. Мироздание вспыхнуло новизной – вечной, ослепительной, вдохновенной. Мир потрясен. «Все прежнее изменено... Новая благодать Божия все плотское переменяла на духовное, отерши, так сказать Евангелием своим всю древность как бы губкой» [5, с. 30].

Ветхий мир не ведал главного: зачем Творец создал мир, с какой целью? А как без нее жить? Как тут не вспомнить бессмертные строки великого русского классика: «Цели нет передо мною: / Сердце пусто, празден ум, / И томит меня тоскою / Однозвучный жизни шум»¹. А.С. Пушкин – человек христианского времени. Вслушаемся в суть его обращения: «Дар напрасный, дар случайный, / Жизнь, зачем ты мне дана?»². Митрополит Московский Филарет (Дроздов) ответил Пушкину стихотворным же поучением. Святые отцы говорили: «Безумие – отвечать прежде вопроса» (ср.: Притч. 18:13). «Дар напрасный» – не богохульное утверждение. Это только начало фразы, а ключ к началу – в точке золотого сечения (в цезуре между пятым и шестым словами – «жизнь» и «зачем»). Синтаксис взорван [эмоциональным «зачем?»]. Огненная стихия вызывания, взметнувшая фразу к Небу, подвигла святителя написать стихотворный ответ на все сомнения поэта. Само по себе стихотворение митрополита не имеет эстетической ценности, оно вбирает в себя энергию только в связке с шедевром Пушкина.

Укачивающий ритм и гладкий синтаксис успокаивают, как колыбельная младенца: «Не напрасно, не случайно жизнь от Бога мне дана»³. Святитель Филарет, несомненно, молился о Пушкине. Поэт откликнулся на его поучение благодарственным стихом.

Ветхозаветный мир тоже томился, но вопроса о последней цели Творения мира, на который мог бы ответить только сам Творец, не задавал. Он получил ответ, когда утратил ориентацию в бытии и пребывал в идеологической растерянности. Последняя цель сотворения мира – Царство Божие, Царство любви, красоты, восторга, которое придет не внешним образом, а явится, прорастая в святых сердцах. Христос не просто изменил течение времени, перестроил его, сделав целестремительным. Господь даровал людям строительную силу, называемую благодатью. В греческом Евангелии это слово звучит как *харис*; со времен Гомера оно означало триединство красоты, любви и милосердия. Дух Святой начал свою зиждительную работу в истории, находясь в соработничестве с преображенной волей человека. Но свободен ли человек в этом сотворчестве? Дух Божий создал землю и рай как колыбель для человечества. Но создать Царство Божие Всемогущий Бог Сам не может, потому что замысел Его другой: человека Он изначально замыслил как со-творца! Для того-то дана человеку высшая свобода, которой не имела биологическая жизнь. Она заключается в способности определять самого себя и свое место в мире по критерию отношения к последней цели бытия. Невозможно принудить человека к небесной любви и красоте (восхищенного языка любви). Любовь может быть только доброй. Потому человек – не только данность, но и заданность. Он сотворен на вырост к Царству. Ради возможности роста создано время. Оно для того, чтобы не

¹ Пушкин А.С. «Дар напрасный, дар случайный...» // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: [в 19 т.]. Т. 3, кн. 1: Стихотворения, 1826-1836; Сказки [другие редакции и варианты] / [под общ. ред. М.А. Цявловского]. Москва: Воскресенье; Известия, 1995. С. 104.

² Там же.

³ Первая строфа из стихотворения митрополита Филарета [Филарет (Дроздов), митр. «Не напрасно, не случайно...» // Звездочка: журн. для детей старшего возраста. Санкт-Петербург, 1848. Ч. XXVIII. С. 16].

было одновременности. Точка растянулась в линию. Время, целесообразное в природе (сообразное последней цели творения), стало центростремительным, когда жажда Царствия соединилась с каскадом благодатных энергий Божиих, и началось соработничество двух энергий. По-гречески это слово звучит как *синергия*. Синергами (соработниками, со-творцами) апостол Павел назвал христиан.

Теперь читателю, возможно, становится понятным название статьи. Красота, как сказано, – язык любви Творца и творения. Соответственно она тоже синергийна. Красота – не вещь, даже не энергия, а именно синергия. Потому эстетика как наука о красоте может быть только синергийной. А как же взгляды Н.Г. Чернышевского или же марксистско-ленинская эстетика¹? По своей сути материалистическая мысль с отброшенным чудом красоты не является эстетикой как науки о жизне-созидающей энергии красоты, она лишь пародия на нее, служанка идеологии – веры с «отрезанным» Небом. Если ж положить в основание науки синергию, то во всех явлениях красоты откроется реальная глубина, их подлинный смысл. Нет ни одной мелочи в гениальном исполнении, ни одной цезуры даже, которая не была бы квантом синергии и не рвалась бы к красоте беспредельной, божественной. Это признавали многие гении и в литературе, и в науке, и в искусствах. Без вдохновения все мертво, а вдохновение – это такая гостья, которая, по словам П.И. Чайковского, не любит посещать ленивых. Чуткий слух гения воспитывается вслушиванием, что и есть синергия: «Но лишь божественный глагол до слуха чуткого коснется...» (А.С. Пушкин)².

Синергийны заповеди Христа: «Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам» (Лк. 11:9); «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его» (Мф. 6:33). От нас лишь требуется усилие, и от Бога приходит дарование, благодатные энергии. Две стороны синергии возрастают параллельно: наша инициальная энергия восходит «от силы в силу». Благодать тоже умножается: «благодать возблагодать» (Ин. 1:16). Очень точен этот префикс «воз»: благодать не накладывается на человека сверху, а подхватывает его свободное устремление к Царствию. Не будет жажды – не будет и упоения. Не будет творческого недоумения – не приблизится ясность. Прощения и действия наполняются дерзновением (упованием на любовь Божию). «Дерзай, дочь» (Мф. 9:22), – говорит Христос Своей Церкви – союзу людей, жаждущих Царства вечной любви. Все возможно верующему, потому что все возможно Богу. Сколько слов характеризуют чудо синергии? Вдохновение, просвещение, озарение ума, ободрение и окрыление воли, умягчение и как бы оттаивание сердца, восторг духа, откровение премудрости, преображение, обожение. Отражаясь в силах души (в уме, чье призвание истина; в сердце, способном принимать энергии любви, красоты, восторга; и воли – силы действия, меняющего состояние бытия), синергия становится многоцветной, что требует и множества слов для описания. Она пронизывает мироздание изнутри и меняет облик мира.

Была ли красота до Христа? Не могла не быть, раз человек задуман «на вырост». Самым надежным признаком появления человека на земле для археологов является наличие захоронений. Мысль о вечности, о том, что потенциал человека бесконечно превосходит краткий срок жизни, подняла великую Древнеегипетскую цивилизацию. Главное ее произведение европейская наука называет «Книгой мертвых». Но подлинное имя этого литератур-

¹ Суть эстетической теории Н.Г. Чернышевского высвечивается в формулах «прекрасное есть жизнь», «общеинтересное в жизни – вот содержание искусства» [См.: 6].

² Пушкин А.С. «Поэт» («Пока не требует поэта» // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: [в 19 т.]. Т. 3, кн. 1: Стихотворения, 1826–1836; Сказки [другие редакции и варианты]. С. 65.

ного памятника – «Изречения выхода в день»¹. Вечность – самый главный обертон красоты в Древнем Египте. Он расцвел христианской цивилизацией, соединившись с обертонами божественной милости, любви и красоты – небесной красоты. Богочеловеческая синергия процесса проникнется синергией состояния, вечной творческой радости бытия.

И все же было бы ошибкой не видеть различия меж сумерками и рассветом. «Взойдет Солнце правды и исцеление в лучах Его» (Мал. 4:2), – писал пророк Малахия о Христе. Вергилий не случайно попал на фреску Благовещенского собора в Кремле² – в своих «Буколиках» он предсказал рождение Божественного Младенца и наступление новой эпохи³. Несравнимо восприятие красоты И.С. Бахом и Сократом. Никакой античный гений не мог шагнуть в эпоху благодати и жить в ней. Определение же Баха синергийно, как синергийны и заповеди Христа. Последняя цель музыки, по Баху, – «служение славе Божией и освежение духа», без чего она превращается в «шум и дьявольскую болтовню» [7, S. 915]. От нас требуется служение беспредельной красоте славы Божией, тогда как Бог дарует освежение нашему духу, вечную свежесть новизны непосредственно из Царства света.

Пришла ли небесная красота из прошлого по линии материалистического детерминизма? Отнюдь! Новая красота пришла в бытие из последней его беспредельной цели. Парадоксальным образом она преобразила и минувшие эпохи, которые тоже воссияли, когда в них отразились лучи Солнца красоты. Время помогло новому восхитительному восприятию, смыс пестрые краски со скульптур античности. Но главное в беломраморной красе Греции не сна-

ружи, а внутри: античный реализм уступил место реализму духа.

В своей книге «Автобиография» преподобный Порфирий Кавсокаливит⁴ описывает историю, как однажды экскурсовод спросила его о статуе Зевса: «А Вы, батюшка, что скажете? Как вам эта статуя»? – Я не разбираюсь в статуях, – ответил я. – Я лишь смотрю и удивляюсь искусству скульптора и творению Божию, которое совершенно, и понимаю, что скульптор, создавший это произведение, имел обостренное чувство Божественного. Посмотрите на Зевса: хоть он мечет в людей молнии, лицо его спокойно. Он не разгневан. Он – бесстрастен»⁵. Его ответ понравился экскурсоводу и всей экскурсионной группе.

Вспомним беломраморные храмы Древней Греции. Парфенон («девичьи покои») посвящен богине Афине Палладе. Современные люди даже не вспомнят, что земля вокруг обильно напитывалась кровью жертвенных животных, оглашалась их предсмертными криками. Богослов Павел Флоренский красочно описал рев пламени при ритуальном всесожжении быков [8, с. 43-44]. Между тем во времена Фидия, руководившего при Перикле строительством храма, приносились и человеческие жертвы! Христианство положило конец кровавым ритуалам языческого мира. Они стали не нужны, ведь в жертву справедливости Божией за грехи людей Христос принес Самого Себя. Судья умер за осужденных на смерть, чтобы они жили и смогли воскреснуть к «жизни преизбыточествующей»⁶.

¹ Книга Изречений выхода в день [Электронный ресурс]. URL: <https://tothotep.narod.ru/DeadBook.htm> [дата обращения: 12.08.2023].

² «Вергилий» – фреска западной галереи Благовещенского собора 1547-1551 гг.

³ Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида / пер. с лат. Москва: Худож. лит., 1979. С. 50-51.

⁴ Порфирий Кавсокаливит (в миру Евангелос Баирактарис) – священнослужитель Константинопольской Православной Церкви, старец, прославлен в лике преподобных [2013].

⁵ Кавсокаливит [Баирактарис] П. Автобиография [Электронный ресурс] / пер. монаха М. Кавсокаливита; Афон. Скит Кавсокаливия. 2010 // Книги онлайн: [сайт]. URL: <https://rb.rbook.club/book/15002253/read/page/66> [дата обращения: 12.08.2023].

⁶ См.: Арсеньев Н.С. О Жизни Преизбыточествующей [Электронный ресурс]. URL: <https://predanie.ru/book/196985-o-zhizni-preizbytochestvuyushey> [дата обращения: 12.08.2023].

Может быть, наше современное, обновленное христианством восприятие античной красоты неадекватно? Но что в данном случае является мерой адекватности? Материальная фактология прошлого? На наш взгляд, мерилом адекватности должно служить соответствие последней высшей красоте бытия Царства Божьего. Плод адекватного восприятия – преобразование души в красоте, а в пределе – и обожение. «Красота спасет мир», – говорил Ф.М. Достоевский устами 18-летнего Ипполита Терентьева в романе «Идиот». Истинна, конечно, та красота, которая струится из последней цели бытия. Будущее – ключ к настоящему и, как сказано, к прошлому тоже. Судивлением и радостью всматриваемся мы в живые лица фаюмских портретов Древнего Египта эпохи эллинизма¹. В их взорах – надежда вечности. Но только христианство открыло, насколько эта вечность прекрасна.

«Музыка есть откровение, более высокое, чем мудрость и философия», – definiровал Л.В. Бетховен в письме И. Шуппанцигу². Стало быть, и для исполнителя не Бетховен, а откровение, бывшее ему, служит конечной целью. Откровение – то же самое, что возводило шедевр, теперь дается ему с учетом изменившегося бытия жизни – от исторической обстановки и своеобразия личности до акустики зала и состояния слушателей. Кто может так непостижимо соизмерить все? Только святой дух красоты.

В явлении синергии я выделяю два ее проявления: синергию процесса (движения, развития) и синергию состояния, которая может быть и мгновенным срезом во времени, и охватывать целые эпохи.

Примером первой выступает экспозиция сонатной формы, обнаружи-

вающая через звучание преобразование души, которое будет испытано в последующей разработке. Главная партия создается нашей ищущей инициальной энергией, связующая партия часто несет в себе энергию дерзновения – подхвата нашего порыва божественной благодарностью, побочная партия жидется катарсической энергией, просветляющей ум и сердце. Энергия заключительной партии, в свою очередь, полностью преобразует волю. В отличие от той, что была в инициальной энергии главной партии, она становится полетной, вдохновенной, исполненной радостью, энтузиазмом и торжеством свободы³. В эскизах Бетховена при написании главной партии тут же появлялись наброски партии заключительной. Почему? Так пророчески обнажался стержень развития, который есть целеустремление (А. Толстой говорил: «...писать по плану нельзя, но и без плана – тоже. Нужно писать по целеустремлению»⁴). С волевого выбора направления все начинается, решимостью подкрепляется и преобразованием всех сил души в новой силе и крепости души завершается.

В чем специфика синергии состояния? В церковной музыке отсутствуют интенсивное развитие – лишь развертывание состояния: состояния молитвенной приподнятости в предстоянии Творцу. Оно длится во времени, которое как бы остановилось, и от такого дления укрепляется синергично, созревает в невидимой глубине и высоте, подобно тому, как зреет сила молитвы, когда мы пребываем в ней.

И музыканты, и не-музыканты могут вслушаться в эту прекраснейшую синергию состояния, например, в «Чаконе» Витали. Форма чаконны – вариации на выдержанный бас. Длительность пьесы

¹ Погребальные портреты в Римском Египте I–III веков [в технике энкаустики]. Впервые были найдены в Фаюмском оазисе (1887 г.) британской экспедицией Ф. Питри. Портреты на мумиях заменяют погребальные маски.

² Высказывания Бетховена [Электронный ресурс]. URL: <https://beethoven.ru/node/106> [дата обращения: 12.08.2023].

³ Энтузиазм буквально этимологически переводится как «вбодивание», откуда и частое присутствие виртуозного начала, без которого горение духа выразить невозможно.

⁴ См.: Толстой А.Н. Мой творческий опыт рабочему автору [Электронный ресурс]. URL: <http://tolstoy-a-n.lit-info.ru/tolstoy-a-n/articles/tolstoy-a-n/moj-opyt-rabochemu-avtoru.htm> [дата обращения: 10.08.2023].

11 минут¹, тогда как выведена она всего из четырех звуков в басу в непрерывном повторении их последовательно – вот оно, единство в многообразии! Длятся эти четыре звука в четырех тактах 13 секунд. Полсотни повторений во всей пьесе и полсотни разных фаз единого молитвенного предстояние. Четыре звука баса спускаются гаммообразно по так называемому фригийскому тетрахорду, в котором чудесным образом слиты ладовая организация средневековых церковных ладов с их неземным покоем и тональная гармония Нового времени, пронизанная томительным тяготением к несказанному. За звуковым единством в многообразии стоит главное: синергичное единство молитвенного предстояние. Полнота приподнятого ввысь бытия – вот что единое, от века желанное, несет в себе Чакон. И эта полнота – живая! Ибо любовь, связывающая Творца и творение, неистощимо многообразна. Вот что такое бытие как общение.

Где предел полноты и достоверности бытия? Какое состояние самое высокое? Беспредельный предел – в Царствии Божием. В эти сферы поднимает нас «Вокализ» Рахманинова, в гармонии которого тоже (но таинственнее) присутствует фригийский тетрахорд. «Вокализ» пророчествует о Царстве всеохватной любви и красоты его подобно иконе.

Вот теперь, кажется, мы исчерпали все, что требуется для начального понимания явления и предмета синергичной эстетики, и мы можем продолжить движение в ее глубину.

Красота одна, проявлений ее – не счесть. Вот Сократ обходит пестрое множество вещей, называемых прекрасными, – от корзины для навоза до обезьяны и человека. Обходит с некоторой гипотезой: если предметы, столь непохожие, обнимаются одним понятием красоты, значит за миром вещей

может скрываться нечто идеальное, что улавливает в них сознание человека? В это невидимое и вглядывается Сократ. Чисто индуктивный метод. Все, что не укладывается в него, все априорные идеи, вроде идущей от Пифагора космической гармонии сфер или гераклитовского вечного совершенства Логоса, просто отбрасываются, потому что не укладываются в ограниченность индуктивного метода.

Отдельным предметом изучения могла бы послужить синергия платоновской мысли. Что же всеохватное узрел в музыке Платон, что дало выход во все бытие? – Нераздельность разделенностей. То, что христианские богословы выразят в формуле «неслиянно-нераздельно». Философы будут говорить о прерывности и континуальности. Эстетики – о единстве в многообразии. Квантовая механика, начав с различения, о корпускулярно-волновом дуализме (к примеру, электрон – и волна, и частица).-

Обратившись к музыке и сторонам музыкального языка, Платон находит в них удивительное сопряжение предела в беспредельности [9, т. 3, с. 14, 24, 527]. Приведем пример ступеней из высотной организации. В диапазоне, допустим, кварты – четыре определенности: четыре ступени, как в лестнице. Но высшую и низшую точки можно соединить и непрерывным образом (как в пандусе). Платон называет это беспредельностью, ибо всякий отрезок линии восхождения и нисхождения состоит из бесконечного числа градаций высоты. Так вот, по Платону, выстукивание ступеней – не музыка. Сплошное глissандирование – тоже не музыка. Музыка же – в их единстве. В игре гениев исполнительского искусства нет суммы тонов – есть сквозная линия, их единая.

В чем секрет научной революции Исаака Ньютона? Великий ученый был и выдающимся богословом. Он открыл путь всем естественным наукам и технологиям будущего, отвергнув фундаментальную методологическую ошибку:

¹ В исполнении замечательного скрипача Йозефа Сука, внука чешского композитора Йозефа Сука и правнука А. Дворжака. Звучание органа с сопровождением усиливает чувство Божественного предстояние.

причину всех изменений в мире видели в особенностях формы. «Нет, причина в силе», – объявил Ньютон и ввел это понятие в качестве ключевого, совершив подлинный переворот в физике. Но простота трудна, потому что божественна и открывается только из Откровения. В Библии нет слова «форма», а вот «сила» пронизывает ее, да и сам Бог – всемогущий: «Дух Святой найдет на Тебя, и сила Всевышнего осенит Тебя; посему и рождаемое Святое наречется Сыном Божиим» (Лк. 1:35).

Ньютоновского ключевого понятия силы все же недостаточно для гуманитарной области знания. Недостаточно потому, что человеку дана свобода воли – возможность определять себя и свою судьбу в бытии по критерию близости или далекости от последней цели сущего – Царствия Божия. Царство любви и ад злобы – не детерминистская необходимость, а выбор, благой или дурной.

Потому и красота – не просто сила и энергия (т. е. сила в актуальном проявлении сейчас и здесь). Она – синергия: сотрудничество Бога и человека в устремлении к последней беспредельной цели бытия. Примем во внимание и античное предчувствие всеобъемлющего единства бытия. «Признак мудрости – согласиться, не мне, но Логосу внемля, – что все едино» [10, с. 6]. В этом высказывании Гераклита скрыто содержится идея синергии: «внемля» – энергия и состояние чуткого слуха и вслушивания есть то, что мы называем инициальной энергией, а из неведомой высоты приходит удостоверение свыше: что «все едино».

Что же есть в музыке такое, что позволяет ей столь мощно влиять на жизнь человечества? В чем этот секрет? Надо взглянуть на минимальные ее проявления. Человек запел, труба возгласила, первые звуки органа повергли сердца во что-то превосходящее видимый мир, звук скрипки теплом и нежностью неземной умягчил сердце.

Музыка строится не из звуков, равно как и вербальный язык. Хотя существуют и тональные языки, но основой там являются все же фонемы, гласные и согласные. Они – для смысловоразличения слов. В них есть первозданная некая выразительность. Музыка начинается не просто со звука и не с фонемы, а с тона – и здесь объяснение секрета ее силы! Тон не обозначает. Он есть, как есть и бытие. Познание бытия через тон осуществляется участием в нем. Невозможно познать преображение души, не преобразившись. «Живу Я!», – несется самоопределение Бога в Ветхом завете. И мы тоже живем, поскольку созданы по образу Божию и тесно соприкасаемся с Его жизнью. Степень близости бесконечно возросла с изменением структуры времени и с появлением синергии – соработничества, сотворчества человечества с Богом в творении Царствия Божия. Оно уже есть в сонмах святых, участвующих в нашей жизни, и ждет нас. Только на этой ступени могла появиться красота музыки Баха, Рахманинова и иных гениев.

Понятно теперь, почему и каким образом музыка способна поднимать тонус бытия, возводить на высоту всякого человека, народы и цивилизации, обострять чувство близости Царства Божия. Здесь же критерий успеваемости учеников, а также беспредельность совершенства и гениальности в сфере музыкального исполнения.

Лингвист и семиотик Ф. де Соссюр представил единство знака и значения в виде двух сторон бумажного листа – «означаемого и означающего». В музыке не так. Живущий в музыке человек – не лист бумаги. Кто же он? «Вы храм Бога Живого» [2Кор. 6:16], – наставлял христиан апостол Павел. В храме не обозначаются, а тянутся и приобщаются к бытию несказанному. И в музыке, звуковом храме бытия, тоже так: никаких обозначающих или обозначаемых! Есть прямое участие в бытии. Изначальным чудом бытия следует считать единство явления-являющего-являемого.

Мы только тогда познаем красоту, когда живем в чуде, в этой энергии восхищения, пронизывающей бытие. До «третьего» неба, как мы знаем, был восхищен упомянутый апостол и слышал там глаголы неизреченные. Испытанное познание проливалось затем в его посланиях. Именно от него идет понятие синергии, «сотворчества» Бога и человека в приближении Царствия Божия, которое уже есть в сонме святых и ждет нас. И многое иное пришло к нам от апостола: педагогика («детоводительство» ко Христу), политэкономия, экономика – «домостроительство божественной благодати» (современная экономика забыла об этой последней цели бытия, тогда как политэкономия чересчур увлеклась классовым разделением).

Гениальная музыка, ее гениальное исполнение, активные слушатели стремятся приблизиться к последнему совершенству, которое было замыслено

Творцом еще до сотворения мира. В последнем совершенстве высота и глубина тождественны, ибо нет границы меж внешним и внутренним: «Пребудьте во Мне и Я в вас» (Ин. 15:4). Именно поэтому «означающее и означающее» семиотики совершенно далеки от синергической сути музыки. Именно тон – исходное начало музыки – стягивает бытие в единение: он как струна, натянутая меж сердцем и Небом. В нем спрятан синергический богочеловеческий закон всемирного небесного тяготения. Тон – своего рода магнитная стрелка, обнаруживающая наличие тяготения. Но оно не действует насильем, ибо богоданная свобода неприкосновенна: человеку, как некоей магнитной стрелке, дана власть выбора способа бытия. Так, по слову Христа, разделяются на поле мировой истории пшеница Божия и плевелы дьявольские. Кульминацией станет жатва: кому рай, кому ад.

Список литературы

1. Медушевский В.В. О сущности музыки // Православная русская школа: традиции, опыт, возможности, перспективы: материалы Всерос. науч.-практ. образоват. конф. / под ред. Н.Ф. Злобиной. Ярославль, 2018. С. 497-512.
2. Медушевский В.В. Стрела времени в явлении музыкальной красоты // Рождественские беседы о духовной музыке: сб. ст. по материалам XXVII Междунар. Рождествен. образоват. чтений 2019 г. / отв. ред. А.М. Ланцева. Москва: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2020. Вып. 1. С. 59-71.
3. Медушевский В.В. Синергическая семиотика красоты в музыке // Проблемы музыкальной науки / Music Scholarship. 2023. № 2. С. 7-21.
4. Иоанн Златоуст, св. О Церковном пении вообще. Для чего употребляется пение (Из Беседы на 41-й псалом) [Электронный ресурс] // О церковном пении: сб. ст. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Pravoslavnoe_Bogosluzhenie/o-tserkovnom-penii-sbornik-statej/1#sel=7:1,7:13 (дата обращения: 12.08.2023).
5. Тертуллиан К.С.Ф. Творения Тертуллиана, христианского писателя в конце второго и в начале третьего века: в четырех частях / пер. Е. Карнеева. Санкт-Петербург: в тип. Фишера. Ч. 2. 1847. 224 с.
6. Чернышевский Н.Г. Эстетическое отношение искусства к действительности // Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений: в 15 т. Т. 2. Москва: Гослитиздат, 1949. С. 5-92.
7. Spitta Ph., von. Johann Sebastian Bach. Band 2. Leipzig: Druck und Verlag von Breitkopf und Hartel, 1880. 1014 S.
8. Флоренский П.А. Философия культа: (опыт православной антропологии) / ред. кол.: В.В. Бычков и др. Москва: Акад. проект, 2014. 685 с.

9. Платон. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1-4 / пер. с др.-греч. М.С. Соловьева, С.Я. Шейнман-Топштейн и др.; общ. ред. А.Ф. Loseva, В.Ф. Asmusa, А.А. Тахо-Годи. Москва: Мысль, 1990-1994.
10. Антология мировой философии. Античность / отв. ред. Ю.Г. Хацкевич. Минск: Харвест, 2001. 1070 с.

Сведения об авторе:

Медушевский Вячеслав Вячеславович, доктор искусствоведения, профессор, профессор кафедры теории музыки Московской государственной консерватории имени П.И. Чайковского

ул. Большая Никитская, 13, Москва, 125009
vmedu@mail.ru

Дата поступления статьи: 27.09.2023

Одобрено: 27.10.2023

Дата публикации: 17.11.2023

Для цитирования:

Медушевский В.В. Синергичная эстетика // Сфера культуры. 2023. № 4 [14]. С. 63-72.
DOI:10.48164/2713-301X_2023_14_63

УДК 130.2+111.852

DOI: 10.48164/2713-301X_2023_14_63

V.V. Medushevsky

Moscow

Moscow State Tchaikovsky Conservatory

vmedu@mail.ru

SYNERGISTIC AESTHETICS

The author substantiates the original, interdisciplinary and largely debatable idea of synergistic aesthetics, which is based on theological understanding of the development of Christian civilization as the endless co-creation of God and man (co-creator), aimed at the goal of Creation, i.e. the coming of the Kingdom of God. The beauty of musical and literary masterpieces, works of fine and monumental art, the harmony of scientific theories are the result of the discovery of

the eternal novelty of being through the grace of God. The article provides examples of the synergistic perception of creative and performing inspiration in the field of art as a revelation that has come from the heavens. Special attention is paid to the synergistic aesthetics of musical performance.

Keywords: aesthetics, synergy, beauty, co-creation, purposefulness, limit, boundlessness, unity of appearance – appearing – appeared.

References

1. Medushevskij, V.V. [2018] O sushhnosti muzy`ki [On the Essence of Music]. *Pravoslavnaya russkaya shkola: tradicii, opyt, vozmozhnosti, perspektivy` materialy` Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy obrazovatel`noj konferencii* [Orthodox Russian School: Traditions, Experience, Opportunities, Prospects: Materials of All-Russian Scientific-Practical Conference]. Edited by N.F. Zlobina. Yaroslavl, 497-512. (In Russian).

2. Medushevskij, V.V. (2020) Strela vremeni v yavlenii muzy`kal`noj krasoty` [Arrow of Time in the Phenomenon of Musical Beauty]. *Rozhdestvenskie besedy` o duxovnoj muzy`ke: sbornik statej po materialam XXVII Mezhdunarodny`x Rozhdestvennskix obrazovatel`ny`x chtenij 2019 god. Vypusk 1* [Christmas Conversations about Spiritual Music: Collection of Articles on the Materials of the XXVIIth International Christmas Educational Readings 2019. Issue 1]. Moscow: Lomonosov Moscow State University, 59-71. (In Russian).
3. Medushevskij, V.V. (2023) Sinergijnaya semiotika krasoty` v muzy`ke [Synergistic Semiotics of Beauty in Music]. *Problemy` muzy`kal`noj nauki. Music Scholarship* [Problems of Music Science. Music Scholarship], No. 2, 7-21. (In Russian).
4. Ioann Zlatoust, svyatitel`. O Cerkovnom penii voobshhe. Dlya chego upotrebyaetsya penie (Iz Besedy` na 41-j psalom) [On Church Singing in General. What Singing is Used For (From the Conversation on Psalm 41)]. *O cerkovnom penii: sbornik statej* [On Church Singing] URL: https://azbyka.ru/otechnik/Pravoslavnoe_Bogosluzhenie/o-tserkovnom-penii-sbornik-statej/1#sel=7:1,7:13 [Accessed: 12.08.2023]. (In Russian).
5. Tertullianus, Q.S.F. (1847) *Tvoreniya Tertulliana, xristianskago pisatelya v konce vtorago i v nachale tret`yago veka: v chety`rex chastyax. Chast` 2* [The Creations of Tertullianus, a Christian Writer at the End of the Second and at the Beginning of the Third Century: in four parts. Part 2]. Transl. by E. Karneev. Saint Petersburg: Fisher Publishing House. (In Russian).
6. Cherny`shevskij, N.G. (1949) E`steticheskoe otnoshenie iskusstva k dejstvitel`nosti [Aesthetic Attitude of Art to Reality]. *Cherny`shevskij N.G. Polnoe sobranie sochinenij: v 15 tomax. Tom 2* [Chernyshevsky N.G. Complete Works: in 15 vols. Vol. 2]. Moscow: Goslitizdat, 5-92. (In Russian).
7. Spitta, Ph., von (1880) Johann Sebastian Bach. Band 2. Leipzig: Druck und Verlag von Breitkopf und Hartel. (In German).
8. Florenskij, P.A. (2014) *Filosofiya kul`ta: (opy`t pravoslavnoj antropodiceij)* [Philosophy of Cult: (Experience of Orthodox Anthropology)]. Editorial board: V.V. Bychkov et al. Moscow: Akademicheskij proekt. (In Russian).
9. Plato (1990-1994) *Sobranie sochinenij: v 4 tomax. Tom 1-4* [Collected Works: in 4 vols. Vols. 1-4]. Trans. from Ancient Greek by M.S. Solovev, S.Ya. Sheinman-Topshtein et al. Moscow: My`sl`. (In Russian).
10. *Antologiya mirovoj filosofii. Antichnost`* (2001) [Anthology of World Philosophy. Antiquity]. Executive Editor Yu.G. Khatskevich. Minsk: Xarvest. (In Russian).

About the author:

Vyacheslav V. Medushevsky, Doctor of Art History, Professor, Professor at the Music Theory Department of Moscow State Tchaikovsky Conservatory

13 Bolshaya Nikitskaya Str., Moscow, 125009
vmedu@mail.ru

УДК [27.526.62+7.04][282.247.416.5]
DOI: 10.48164/2713-301X_2023_14_73

И.Ю. Чибикова

Самара
Самарский областной художественный музей
iyuchibikova@mail.ru

О.С. Наумова

Самара
Самарский государственный институт культуры
naumovaos@samgik.ru

ИКОНОГРАФИЯ И СЮЖЕТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СЫЗРАНСКОЙ СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ ИКОНЫ

Долгое время сызранская иконопись, выполненная в традициях византийского и древнерусского искусства, оставалась одним из наименее изученных явлений русской художественной культуры XVIII–XX веков. Сызранские иконы создавались несколькими поколениями староверов (поморского и федосеевского согласий) и предназначались для старообрядческих храмов. Данная статья посвящена произведениям Сызранского иконописного центра Среднего Поволжья, их иконографическим и сюжетным особенностям.

Ключевые слова: иконопись, старообрядчество, сызранская икона, иконография, сюжестика.

Целостное представление о феномене сызранской иконописи как самобытной традиции русского искусства сложилось в начале XXI в. в первую очередь благодаря архивным изысканиям коллекционера и исследователя А.А. Кирикова. Выступая в качестве автора каталога одной из первых выставок сызранских памятников, он называет сызранскую икону «значительным и ярким явлением в истории русского искусства и православия» [1, с. 3], «общеизвестным и неоспоримым фактом» отечественной культуры и искусства [2]. Объектом изучения с точки зрения краеведения и искусствоведения сызранская икона стала с середины 1990-х годов. В этот период сложились основные направления исследований, связанные с сызранской иконописью: создание ее полной коллекции; введение в научный оборот документов из фондов Сызранского филиала Центрального государственного архива Самарской области, Государственного архива Ульяновской области¹; разработка гене-

алогии и творческого наследия сызранских иконописцев.

Иконы сызранских мастеров встречаются во всех старообрядческих храмах Самарской области, а также далеко за её пределами. На современном этапе известно о более 150 единицах хранения, представляющих собой репрезентативное собрание иконописных памятников сызранских мастеров [1, с. 3]. Работы сызранцев сегодня представлены в Самарском областном историко-краеведческом музее имени П.В. Алабина, Самарском областном художественном музее, Сызранском краеведческом музее, Саратовском государственном художественном музее имени А.Н. Радищева и не только. В основном это иконы второй половины XIX – начала XX в. – времени экономического и социокультурного подъёма региона. В работах обнаруживаются различия в рисунке, очевидны переклички с произведениями XVII в., сдержан-

в конце XIX – начале XX в., районный центр Куйбышевской области с 1936 по 1991 г. и Самарской области – с 1991 г. по настоящее время.

¹ Сызрань – уездный центр Симбирской губернии

ный колорит, часто построенный на контрастной палитре. Характерный элемент – декорированная лузга на ковчеге, однако в отличие от похожих элементов в палехской иконописи, на сызранской иконе имеются более крупные и простые формы, а также довольно часто применяется канфарение по золотому фону [3, с. 175]. Несколько икон с орнаментированной лузгой и характерной цветовой тональностью, типичной для сызранских мастеров, в настоящее время есть в коллекции Самарского епархиального церковно-исторического музея, собрании краеведческого музея г.о. Сызрань (иконы А.А. Бочкарёва «Св. мученики и исповедники Самон, Гурий, Авив», «Богоматерь Казанская», «Никола Можайский»). Сызранские иконописные памятники представлены в фонде Самарского областного художественного музея: иконы «Неопалимая купина», «Семь спящих отроков Эфесских с избранными святыми на полях», «Сретение», «Богоматерь Троеручица, с Ангелом-хранителем и избранными святыми на полях» и др. Следует отметить, что подписные и датированные иконы в местных музейных собраниях встречаются крайне редко, и отнести их к определённому художественному центру можно лишь на основании анализа художественно-стилистических особенностей.

Большое собрание сызранских икон (порядка 100 работ) в настоящее время находится в частной галерее «Наследие» коллекционера и мецената А.М. Макарова в Сызрани. Заметную часть этой коллекции составляют иконы Богородичного цикла, посвящённые праздникам и иным сюжетам, связанным с образом Девы Марии, Христа: Казанская икона Божией Матери, «Неопалимая Купина», «Нечаянная радость», «Царь Царём», «Сошествие во ад», а также изображения святых, принадлежащих к старообрядческой традиции.

Малоизвестный факт: общество исследователей русского старообрядчества, и в частности сызранской иконы, есть сегодня в Японии. В собрании Музея Нисида среди икон старообрядческой традиции хранится сызранская

икона «Святой архангел Михаил и святой Георгий Победоносец» [См.: 4].

В истории формирования японской коллекции русской иконописи пока остаются пробелы из-за отсутствия документов о её поступлении в музей. Есть версия, что она первоначально входила в частное собрание экс-президента фармацевтического предприятия FUJI Chemical Industry Co., LTD Нисиды Ясумасы, известного ценителя и собирателя произведений религиозного искусства разных стран. В конце 1970-х гг. коллекционер приобрёл иконы в Германии, а затем передал их в музей Нисида, который учредил на территории своего предприятия в районе г. Тояма. Однако наравне с этой версией существует и ещё одна: коллекция могла быть приобретена в странах Восточной Европы» [6, с. 110].

Сызранская иконопись восходит к первым десятилетиям с момента основания города в 1863 г. и до 1930-х гг. в среде старообрядцев-поморцев беспоповского толка [7, с. 332], которые поддерживали тесные связи с Москвой, Астраханью и Уральском. Стоит отметить, что наиболее яркий период развития старообрядческого иконописания приходится на XVIII в. – время, когда на смену московским и новгородским иконостасам пришли барокко и классицизм. В сложившейся ситуации ревнители «древляго благочестия», подвижники старообрядческих общин, стали первыми собирателями предметов старины. В это время начинают формироваться старообрядческие центры. Например, в с. Мстёра, на Урале, на юге, в Москве. На рубеже XVIII–XIX вв. ведущее место среди иконописных школ занимали мастерские с. Палех, иконописцы которых принимали заказы как от старообрядцев, так и от новообрядцев. Принадлежность заказчика к тому или иному направлению влияла на будущие произведения, созданные в одной мастерской и в одно время.

Имена сызранских мастеров известны благодаря подписям авторов и печатям на оборотах икон, что также свидетельствует о местах бытования их шедевров. По количеству написанных работ сызранская иконописная школа

не уступала именитым иконописным центрам России. Творчество местных мастеров было известно не только среди заказчиков-единоверцев Поволжья [См.: 8; 9], но и далеко за пределами региона – на территориях, где в XIX в. находились крупные старообрядческие общины. Исследователь Д.Е. Мальцева, рассказывая о географии распространения сызранской иконы, утверждает, что «высочайшего уровня работы можно видеть в храмах Самары, Москвы, Ульяновска» [5, с. 32], а также особо отмечает художественную ценность иконостаса, созданного сызранцами для Орехова-Зуева. Изображения патрональных (тезоименных) святых, выполненные на полях большинства сызранских икон, демонстрируют, что работы сызранцев были востребованы у заказчиков, которыми выступали старообрядцы поморско-беспоповской общины, австрийского согласия, представители Русской православной церкви.

Архивные материалы показывают, что в XIX столетии в Сызрани процветал иконописный промысел. Только во второй половине века иконописцев и мастеров, связанных с Сызранским уездом, насчитывалось порядка 70; иконы местного производства стоили дорого – от 5 до 15 рублей серебром; трёхлетний контракт на обучение ученика в иконописной мастерской с содержанием оценивался в 100–150 рублей [1, с. 7].

Изучение архивных документов даёт представление о сызранских мастерах и целых династиях. Сегодня известно более десятка имён мастеров, среди которых Иван Порфирьевич Попов и Давид Васильевич Попов (он же Порфинов), Александр Архипович и Федор Архипович Бочкарёвы, Петр Илларионович Кудряшов, Константин Иванович Дьяконов, Павел Семенович и Александр Павлович Качаевы и др. К слову, потомки сызранской иконописной династии Поповых-Бочкарёвых в настоящее время проживают в Сызрани. Им удалось сохранить богатый семейный архив с документами. Их изучение сегодня помогает решать целый ряд исследовательских вопро-

сов – например, важной проблемой является определение иконографических особенностей и художественно-стилевого своеобразия письма сызранских иконописцев.

А.А. Кирикову удалось обнаружить у потомков А.А. Бочкарёва его памятную книгу с перечнем заказов на выполнение иконописных работ, письма и фотографии, а также икону «Богоматерь Знамение Новгородское», написанную им незадолго до смерти. Особый интерес представляет рукописный Месячный иконописный подлинник (сборник правил иконописания) полной редакции, который дополнен «Собранием о надписании Животворящего Креста», выписанным из «Поморских ответов». Анализируя данный документ, коллекционер отмечает, что «время написания текста Месячного подлинника относится к середине XIX столетия, выдержки из “Поморских ответов” написаны обычным гражданским шрифтом и датируются, очевидно, временем, близким ко времени переплетения книги» [2]. Между страницами книги А.А. Кириков, среди прочего, обнаружил множество прорисей на кальке с филигранно выполненными карандашными изображениями святых, рецепты состава крепкого и слабого полимента, информацию о том, «как проводить злащение», «где купить кисти» и вклеенную страницу, заменяющую титульный лист, с памятными семейными датами [2]. Исследователь делает вывод о том, что хозяином данного документа выступал потомственный сызранский иконописец, мастер и наставник, воспитавший целую плеяду учеников, Д.В. Попов (Порфинов). Принадлежность его к династии сызранских иконописцев подтверждает архивный документ с важной автобиографической записью, сделанной им в 1866 г.: «Мой прадед принадлежал к духовному званию, дед был мещанином, занимался иконописной работой, а отец – сапожным ремеслом. Дед обучал меня иконописному мастерству, по-гречески, с малолетства»¹.

Факты биографий сызранских иконописцев, весьма под-

¹ Государственный архив Ульяновской области. Ф. 134. Оп. 7. Д. 769.

робно описанные в работах исследователей А.А. Кирикова [1; 2], П.В. Половинкина [10] и др., свидетельствуют, с одной стороны, об их неординарных характерах и судьбах, а с другой – об их принадлежности к старообрядческой традиции. Так, например, Д.В. Попову пришлось пережить массу разбирательств и полицейских протоколов, аресты, допросы, обвинение в раскольничестве, тюремное заключение и изъятие имущества – главным образом иконного наследия и иконописи самого мастера. Внуки Д.В. Попова – Александр и Федор Бочкарёвы – стали продолжателями семейного дела и приобрели известность как иконописцы. Александру Бочкарёву был вручен похвальный отзыв Нижегородской выставки 1896 г.¹ и награда Комитета Сызранской сельскохозяйственной кустарной выставки «за предоставленные им две иконы, писанные масляными красками» в 1902 г., о чем свидетельствует похвальный лист, хранящийся в Сызранском краеведческом музее. В 1929 г. его арестовали по ложному обвинению, после чего он три года провёл в концлагерях, а в 1931 г. был отправлен на временное поселение в Архангельскую губернию [2] (по иронии судьбы к духовным истокам поморского согласия старообрядческой церкви). После возвращения из ссылки А.А. Бочкарёв работал в Сызрани в художественных мастерских на ул. Советской, где «на красных флагах рисовал серп и молот» [10, с. 11].

В отличие от других мастеров, А.А. Бочкарёв не подписывал свои работы, а ставил личную круглую печать с надписью «А.А. Бочкарёв иконописец в Сызрани» и указывал год. Печать ставилась на бумагу, затем этот фрагмент приклеивался на оборот иконы. Его кисти принадлежат иконы «Николай Чудотворец» (1898 г.), «Избранные святые» (1890 г.) и др. «бочкарёвки» (так в народе именовались иконы, созданные в мастерской Бочкарёва). Эти работы продолжают традицию канони-

ческого письма и имеют преемственную связь с соловецкими и выговскими иконами. По сравнению с невьянской старообрядческой иконописью сызранские иконы выполнены более тонко, они лишены нововведений в виде барочных и классических элементов.

Говоря об иконографических особенностях сызранской иконописи конца XVIII и XIX вв. и её художественно-стилевых доминантах, следует отметить, во-первых, её чуждость академическому стилю и «греческий» характер со сдержанным колоритом, часто построенным на контрасте цветовых сочетаний, лаконичной композицией. Сызранская икона отличается добротным исполнением, изящным рисунком, ориентированным на памятники XVII века. Фигуры героев у сызранских мастеров пластичные, с удлинёнными пропорциями и эффектом застывшего движения. Обращает на себя внимание филигранная разработка одежд фигур. Красочный слой сызранской иконы отличается плотностью, нередко используется приём канфарения по золотому фону. Архитектурные кулисы прописаны с изысканной симметричностью. Близость именно к греческому стилю сызранских иконописцев, которые все являлись старообрядцами, их стремление работать в классической манере древних икон неслучайна: греческая икона отражала «мироощущение старообрядчества, его стремления к коллективной целостности в противостоянии окружающему социуму» [2]. Самобытность сызранской иконы объясняется ещё и тем, что она не подверглась влиянию распространённого в то время академического стиля церковной живописи с ориентацией на портретное письмо, объёмную подачу фигур, использование ярких красок и писание на сусальном золоте.

Во-вторых, нельзя не отметить наличие у сызранской иконы деталей, типичных для старообрядческой традиции: ковчег, двойная опушь по полям, патрональные святые на полях и среди них – изображение ангела-хранителя, наличие левкаса на торцевых сторонах доски, выкрашенных в вишнёвые тона. К слову, доски для икон малых форматов

¹ Подробный указатель по отделам Всероссийской промышленной и кустарной выставки 1896 г. в Нижнем Новгороде. Отдел Х. Художественно-промышленный. Москва: Рус. т-во печ. и изд. дела, 1896. С. 14 (1-й ряд).

зачастую изготавливались из кипариса. Часто шпонки с тыльных сторон досок профилировали в виде так называемого «ласточкиного хвоста». Благодаря тщательной подготовке к процессу иконописи, и в частности обработке досок, сызранские иконы хорошо сохранились до наших дней.

Одним из важных формальных признаков сызранской иконы является декорированная растительным орнаментом широкая пологая лузга. Орнамент представляет собой чередующиеся стилизованные цветки ромашки и завитки в форме трилистника, выполненные в технике лави по золоту или серебру на чёрном фоне. По краям орнаментальной росписи можно разглядеть тонкие белильные линии. Бесспорно, сызранский орнамент схож с тиснёным орнаментальным оформлением переплётов старопечатных книг. В этом местные мастера подражали произведениям владимирских иконописцев, но придали такому приёму индивидуальный характер [12, с. 3]. Так, в отличие от похожих деталей палехской иконы, сызранский орнамент представляет собой заметно укрупненные простые элементы. На иконах встречается и нанесение на пологую лузгу золотой полосы шириной 3-4 мм, также ограниченной тонкими белильными линиями по краям, или в редких случаях вообще отсутствие декорирования пологой лузги (например, на последней иконе А.А. Бочкарёва «Богоматерь Знамение Новгородское»). Обращают на себя внимание подписи сызранских икон, выполненные удлиненным шрифтом, схожим с полууставом старопечатных книг.

Среди многих сызранских памятников есть работы с особыми иконографическими изводами – например, четырёхчастная икона с редким сюжетом Рождества Христова (рис. 1) из коллекции частной галереи «Наследие» А.М. Макарова в Сызрани. Композиция состоит из верхнего и нижнего регистров, отличных по цветовой гамме. В верхней части основная тема – Богородица, являющая Младенца волхвам, прибывшим к месту Рождества. В противоположность классическому сюжету это вид, где Младенец Христос

помещён не в яслях, а в руках Девы Марии, держащей за концы пелены Новорожденного Сына. Изображение яслей отсутствует. Эта часть иконы отличается от нижней ярким цветовым решением – золотистые тона горок, красные и вишнёвые одежды волхвов, Богородица облачена в светло-коричневый мафорий. В нижней части иконы написан сидящий Иосиф на фоне тёмных проёмов серых горок слева, в темно-зелёном облачении, перед ним стоит старец в темно-синих одеждах. В правом нижнем углу – купель и служанка, держащая на коленях Младенца. Белый цвет в иконе присутствует только в связи с Новорожденным: в верхней части иконы – пелены, в нижней – одежды служанки до пояса (Младенец изображён на фоне её груди), нижняя часть её одежд тёмно-вишнёвого цвета. Проёмы в горках на иконе выделяют трёх главных персонажей: Богородица с Младенцем, Иосиф и служанка с Младенцем. Редкий извод Рождества Христова, вероятно, обусловлен сюжетами гравюр и литографий, пришедших в XIX в. в Россию из Западной Европы. В свою очередь, изображение сцены Рождества Христова в литографии зафиксировало постепенное изменение позы Младенца и Богоматери из произведений западноевропейского искусства¹. С 1870 г. в России получили распространение яркие хромофотографированные бумажные иконы, которые наклеивались на доски. Известны крупные типографские фабрики Е. Фесенко и И. Тиля в г. Одессе, производившие такую продукцию (рис. 2). Вероятно, гравюры, привозимые в Россию из Западной Европы (главным образом из Нидерландов и Германии), способствовали распространению не встречавшихся до этого в православной традиции и чуждых для неё иконографических сюжетов. Так, например, живописные сюжеты с приподнятием пелены Младенца постепенно проникли в традиционную икону, что

¹ Ср.: сцена Рождества Христова в мозаике церкви Марторана в г. Палермо. 1146-1151 гг. Италия; Ван Дейк Антонис «Снятие с креста». 1704-1779 гг. Италия. Коллекция Самарского областного художественного музея; «Поклонение волхвов» Альбрехта Дюрера. 1504 г. Галерея Уффици, г. Флоренция, Италия.

получило лаконичный вариант в клейме сызранской иконы. Сходное положение Богородицы и Младенца встречается в ряде других иконописных памятников¹.

Рассмотрим фрагмент «Снятие со креста Господа нашего...» иконы неизвестного сызранского автора из вышеупомянутой галереи (рис. 3). Вероятно, на обрезанной части было изображение сцены «Положение во гроб». Иконография «Снятие со креста» восходит к ранней поре византийского искусства. Она создана на основании канонических Евангелий (от Матфея XXVII, 57-60, Марка XV, 43, Луки XXIII, 50-53, Иоанна XIX, 38-42) и литургических текстов богослужения Страстной Пятницы и Великой субботы. Данная композиция в целом повторяет раннюю гравюру школы Андреа Мантеньи «Снятие с креста» (рис. 4).

Рассматриваемое клеймо отделяется от основного поля иконы разгранкой светлой охры с тонкой белой обводкой. Фон иконы в традиции сызранского письма – тёмная охра. Пространство делится на три плана. На первом – «Снятие со креста», на втором – красная полоса с белыми прорисями стены Иерусалима, на третьем – тёмно-зелёный позём, светлая, зеленоватой умбры горка с активными пробелами и пологими уступами, с тёмной расщелиной и белым черепом Адама. В центре композиции на фоне коричневого восьмиконечного креста изображено повисшее на длинном белом убрусе обнажённое тело Христа с белым, зеленоватого оттенка епендитом на чреслах. Убрус, проходящий на груди через подмышечные впадины, перекинут через перекладину креста концами, за которые удерживают тело Спасителя Никодим и Иосиф Аримафейский. Их фигуры расположены симметрично вверху, соответственно с правой и левой стороны относительно креста. На Иосифе

красный хитон, тёмно-зелёный гиматий. Никодим в коричневом хитоне и алом гиматии, перекинутом через левое плечо, волосы и брада коричневые, разделаны пробелами. Ниже слева Богоматерь в коричневом платье и таком же мафории, за ней Мария Клеопова и Мария Магдалина. Одна из них в красном мафории и коричневом платье, другая, наоборот, в красном платье и коричневом мафории. Разделка одежды выполнена творёным золотом. Богоматерь и св. Мария в 3/4 поворота вправо в позе предстояния, другая св. Мария обернулась лицом к предстоящей св. Марии. Лики прописаны санкирем с активными белильными разделками. Справа от креста св. Иоанн Богослов придерживает правой рукой ногу Христа. Иоанн кудряв, бос, в зелёном хитоне и алом гиматии, перекинутом через правое плечо. За Иоанном – Сотник Лонгин в 3/4 поворота с правой поднятой рукой, в воинских доспехах с копьём.

Таким образом, Сызрань в конце XVIII–XIX вв. являлась одним из центров старообрядческого иконописания. Опираясь на традиции греческого и ориентируясь на основы древнерусского искусства, сызранские мастера, представители целых династий иконописцев, создали неповторимый мир старообрядческих икон. Следование лучшим художественным традициям позволило сызранским иконописцам сохранить включение творчества в систему координат канона, формируя неповторимый иконописный строй. В целом сызранский стиль иконного письма как практическое художественное воплощение характерных особенностей представляет особый интерес для искусствоведения применительно к вопросу определения своеобразия иконописного наследия Самарского края и его места в истории российской иконописи. Очевидно, что роль сызранской иконы как историко-культурного феномена искусства Среднего Поволжья конца XIX – начала XX в., имеющего свои иконографические особенности, характерный стиль и сюжетику, нельзя не принимать во внимание при исследовании своеобразия и художественных концепций российских регионов.

¹ Икона «Рождество Христово». 27х31см. Забайкальский краеведческий музей им. А.К. Кузнецова, г. Чита; икона «Рождество Христово». 2-я пол. XIX в. 52,2 х 68,4 см. Ивановский государственный историко-краеведческий музей им. Д.Г. Бурлыгина; икона «Рождество Христово». Начало XX в. 29,6 х 18 см. Томский областной краеведческий музей им. М.Б. Шатилова; икона «Рождество Христово». XVIII в. 30,5х25,5 см. Государственный исторический музей, г. Москва.

Рис. 1. Фрагмент (клеймо) «Рождество Христово» четырехчастной иконы. Конец XIX – начало XX в. Дерево, левкас, темпера. 35х31 см

Рис. 2. Продукция фабрик Е. Фесенко и И. Тила

Рис. 3. Фрагмент иконы «Снятие с креста». Конец XIX – начало XX в. Дерево, левкас, темпера. 11х9 см

Рис. 4. Гравюра школы Андреа Мантеньи «Снятие с креста». 1490–1506 гг. Резцовая гравюра на меди. 45х36,2 см. Девонширская коллекция, Чатсворт, Калифорния, США

Список литературы

1. Кириков А.А. Об иконописании в Сызрани конца XVIII – XIX веков // Сызранская икона: каталог выставки. Самара: Издат. дом «Агни», 2007. С. 3-10.
2. Кириков А.А. Иконы старообрядцев Сызрани, Средней и Нижней Волги – иконы Сызрани [Электронный ресурс] // Клуб коллекционеров Collectarion. URL: <http://collectarion.com/hall/ikony-syzrani-4b98a> (дата обращения: 20.05.2023).
3. Пархоменко Л.А. Формирование иконописных коллекций музеев Самарского края в конце XIX – начале XXI века // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 2 (46). С. 187-192.
4. Миядзаки И. Сызранская икона «Святой Архангел Михаил и святой Георгий Победоносец» в собрании музея Нисида (Япония) // Старообрядчество в России (XVII – XX вв.). Вып. 4 / отв. ред. и сост. Е.М. Юхименко. Москва: Языки славян. культур, 2010. С. 611-617.
5. Мальцева Д.Е. Поморская традиция и иконопись поморского согласия // Родная старина. Рига, 2020. № 14. С. 31-44.
6. Накадзава А. Древняя Русь и её окрестности. Белград; Сеул; Саитама: Логос, 2022. 176 с. (Дальний Восток. Близкая Россия. Вып. 5).
7. Цодикович В.К. Традиции народной культуры и сюжетообразование в русской иконописи, парсуне, пластике XIV – XX вв. Ульяновск: Ульяновский Дом печати, 2010. 659, [3] с., [32] л. цв. ил.: ил.
8. Катькова В.В. Старообрядчество Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2010. 34 с.
9. Обухович С.А. Старообрядчество Самаро-Саратовского Поволжья второй половины XIX – начала XX вв.: вклад в экономику и культуру: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2008. 27 с.
10. Половинкин П.В. Старообрядческие иконописные мастерские в Самарском крае // Половинкин П.В., Кожевникова М.В. Старообрядчество Самарского края. История и культура. Самара: Издат. дом «Агни», 2007. С. 7-11.
11. Белая Книга о жертвах политических репрессий. Самарская область [Электронный ресурс]. URL: https://bessmertnybarak.ru/books/Belaya_Kniga/page-50/ (дата обращения: 31.08.2023).
12. Художественные сокровища России: каталог икон из частных собраний / авт. текстов Н.И. Комашко. Москва: Центр искусств, 2016. 100 с.

Сведения об авторах:

Чибикова Инга Юрьевна, методист Самарского областного художественного музея
ул. Куйбышева, 92, Самара, 443099
iyuchibikova@mail.ru

Наумова Ольга Сергеевна, доктор культурологии, кандидат филологических наук, доцент, ректор Самарского государственного института культуры
ул. Фрунзе, 167, Самара, 443010
naumovaos@samgik.ru

Дата поступления статьи: 29.09.2023

Одобрено: 27.10.2023

Дата публикации: 17.11.2023

Для цитирования:

Чибикова И.Ю., Наумова О.С. Иконография и сюжетные особенности сызранской старообрядческой иконы // Сфера культуры. 2023. № 4 [14]. С. 73-82. DOI:10.48164/2713-301X_2023_14_73

УДК [27.526.62+7.04][282.247.416.5]

DOI: 10.48164/2713-301X_2023_14_73

I.Yu. Chibikova

Samara
Samara Art Museum
iyuchibikova@mail.ru

O.S. Naumova

Samara
Samara State Institute of Culture
naumovaos@samgik.ru

ICONOGRAPHY AND PLOT FEATURES OF THE SYZRAN OLD BELIEVER ICON

For a long time, Syzran icon painting, accomplished in the traditions of Byzantine and Ancient Russian art, has remained one of the least studied phenomena of Russian art culture of the XVIIIth – XXth centuries. Syzran icons were created by several generations of Old Believers (Pomorian and Fedoseyan Creeds) and

were intended for Old Believers' churches. This article is devoted to the works of the Syzran icon-painting center of the Middle Volga region, their iconographic and plot features.

Keywords: icon painting, Old Believers, Syzran icon, iconography, plot.

References

1. Kirikov, A.A. (2007) Ob ikonopisanii v Sy`zrani koncza XVIII-XIX vekov [On the Iconography in Syzran at the End of the XVIII<sup>th</sup> – XIX<sup>th</sup> Centuries]. *Sy`zranskaya ikona: katalog vy`stavki* [Syzran Icon: an Exhibition Catalog]. Samara: "Agni" Publishing House, 3-10. (In Russian).
2. Kirikov, A.A. *Ikony` staroobryadcev Sy`zrani, Srednej i Nizhnej Volgi – ikony` Sy`zrani* [Icons of the Old Believers of Syzran, the Middle and Lower Volga Regions – Icons of Syzran]. URL: <http://collectarion.com/hall/ikony-syzrani-4b98a> (Accessed: 20.05.2023). (In Russian).
3. Parxomenko, L.A. (2012) Formirovanie ikonopisny`x kolekcij muzeev Samarskogo kraja v konce XIX – nachale XXI veka [The Formation of Icon-Painting Collections of Museums of the Samara Region in the Late XIX<sup>th</sup> – Early XXI<sup>st</sup> Centuries]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul`tury` i iskusstv* [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts], No. 2 (46), 187-192. (In Russian).
4. Miyadzaki, I. (2010) Sy`zranskaya ikona «Svyatoj Arxangel Mixail i svyatoj Georgij Pobedonosiecz» v sobranii muzeya Nisida (Yaponiya) [Syzran Icon "St. Michael the Archangel and St. George the Victorious" in the Collection of the Nishida Museum (Japan)]. *Staroobryadchestvo v Rossii (XVII-XX vekov)* [Old Believers in Russia (the XVIIth–XXth Centuries)]. Executive Editor and Compiler E.M. Yuximenko. Issue 4. Moscow: Yazyki Slavyanskykh Kultur, 611-617. (In Russian).

5. Mal'ceva, D.E. [2020] Pomorskaya tradiciya i ikonopis` pomorskogo soglasiya [The Pomorian Tradition and Icon Painting of the Pomorian Creed]. *Rodnaya starina* [Native Antiquity], No. 14, 31-44. Riga. (In Russian)
6. Nakadzava, A. [2022] *Drevnyaya Rus` i eyo okrestnosti* [Ancient Russia and Its Surrounding Area]. Belgrad; Seul; Saitama: Logos. (In Russian).
7. Czodikovich, V.K. [2010] *Tradicii narodnoj kul`tury` i syuzhetoobrazovanie v russkoj ikonopisi, parsune, plastike XIV-XX vekov* [Traditions of Folk Culture and Plot Formation in Russian Icon Painting, Parsuna, Plastic of the XIVth – XXth Centuries]. Ulyanovsk: Ulyanovskij Dom Pechati. (In Russian).
8. Kat`kova, V.V. [2010] *Staroobryadchestvo Samarskoj gubernii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka avtoreferat dissertacii ... kandidata istoricheskix nauk* [Old Believers of the Samara Province in the Second Half of the XIXth – Early XXth Centuries: abstract of PhD thesis in history]. Orenburg. (In Russian).
9. Obuxovich, S.A. [2008] *Staroobryadchestvo Samaro-Saratovskogo Povolzh`ya vtoroj poloviny` XIX – nachala XX vv.: vklad v e`konomiku i kul`turu: avtoreferat dissertacii ... kandidata istoricheskix nauk* [Old Believers of the Samara-Saratov Volga Region of the Second Half of the XIXth – Early XXth Centuries: Contribution to the Economy and Culture: abstract of PhD thesis in history]. Moscow. (In Russian).
10. Polovinkin, P.V. [2007] *Staroobryadcheskie ikonopisny`e masterskie v Samarskom krae* [Old Believers' Icon Painting Workshops in the Samara Region]. *Polovinkin P.V., Kozhevnikova M.V. Staroobryadchestvo Samarskogo kraja. Istorija i kul`tura* [Polovinkin, P.V., Kozhevnikova, M.V. Old Believers of the Samara Region. History and Culture]. Samara: "Agni" Publishing House, 7-11. (In Russian).
11. *Belaya Kniga o zhertvax politicheskix repressij. Samarskaya oblast`* [A White Book on Victims of Political Repressions. The Samara Region] URL:https://bessmertnybarak.ru/books/Belaya_Kniga/page-50/ [Accessed: 31.08.2023]. (In Russian).
12. *Xudozhestvenny`e sokrovishha Rossii: katalog ikon iz chastny`x sobranij* (2016) [Artistic Treasures of Russia: a Catalog of Icons from Private Collections]. Author of the Texts N.I. Komashko. Moscow: Centr Iskusstv. (In Russian).

About the authors:

Inga Yu. Chibikova, methodologist of the Samara Art Museum

92 Kuybyshev Str., Samara, 443099

iyuchibikova@mail.ru

Olga S. Naumova, Doctor of Cultural Studies, Ph.D. in Philology, Associate Professor, Rector of the Samara State Institute of Culture

167 Frunze Str., Samara, 443010

naumovaos@samgik.ru

УДК 272+7.[038.51+08]

DOI: 10.48164/2713-301X_2023_14_83

Е.Л. Яковлева

Казань

Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова

mifoigra@mail.ru

КАТОЛИЦИЗМ В СТИЛЕ ПОП-АРТ ЭНДИ УОРХОЛА

По мнению современных искусствоведов, жизнь и творчество выдающегося представителя американского авангарда Э. Уорхола пронизана тайными религиозными мотивами. Обращаясь к биографии и произведениям художника, автор настоящего исследования доказывает, что Энди скрывал конфессиональную принадлежность от окружающих, в чем ему помогала эстетика поп-арта. В своем творчестве, играющем роль молитвенной практики, он представил публике католицизм в трансформированном виде – посредством образов и вещей общества потребления. За банальностью изображаемого скрывалась идея бренности бытия. Автор статьи доказывает, что серийность полотен и акцент на форме вуалировали мысль о бренности, придавая изображаемому сакральность и превращая объект в идол или фетиш. Организованные художником «Фабрики» представляли собой сакральное пространство, в котором все поклонялись Энди как «римскому папе» поп-арта. Проведенный анализ раскрыл сферу потаенного медийного художника, имевшего реноме короля эпатажа и боявшегося разоблачений, противоречащих созданной репутации.

Ключевые слова: Энди Уорхол, потаенное, католицизм, молитва, поп-арт, Ничто, идол, фетиш, форма, икона.

В жизни каждого человека имеет место *потаенное*¹. Благодаря воле и желанию индивида оно может получить выход в открытость или навсегда остаться сокрытым, а значит – утраченным. У творческой личности потаенное проступает в произведении искусства. Но выявление его другими людьми нередко оказывается затрудненным из-за вуалированного и субъективного характера. Ранее мы отмечали, что «существование потаенного есть бытие-в-себе, которое окружающими людьми может только (интуитивно) улавливаться, но не схватываться в полном объеме» [1, с. 479]. Тем не менее анализ творчества с выявлением элементов потаенного расширяет психологический портрет любого художника.

Предметом настоящего исследования избраны биография и творчество

Энди Уорхола (1928–1987). Несмотря на то, что он был медийной персоной, в его жизни имела место потаенность некоторых сторон жизни. Король поп-арта тщательно охранял от окружающих людей личные пространства, стеснясь признаться в собственных привязанностях и слабостях. Уорхол был уверен, что в медийной среде необходимо демонстрировать только высокий статус, имидж, успех и скандальность натуры. Неслучайно многие аспекты его жизни стали достоянием общественности только после смерти, вызвав шок. Так, потаенное было явлено миру в последнем жесте художника. Согласно завещанию, Уорхола похоронили на греко-католическом кладбище в Питтсбурге с молитвеником и красной розой в руках, а в могилу были положены экземпляр Interview и одеколон Estee Lauder. Как видим, в последнем жесте умер-

¹ Все выделения курсивом в тексте автора статьи.

шего пересеклись символы религиозной веры и поп-культуры. После его смерти 1 апреля 1987 г. люди узнали от священника, что Энди посещал церковь Saint-Vincent-Ferrer (еженедельно, а в последние годы жизни ежедневно), присутствовал на службах и осуществлял благотворительную помощь. Данный факт свидетельствует о потаенном в бытии провокатора и его утаивании.

Уорхол скрывал от всех свою конфессию – католицизм. Официально он отрицал постулат «Бог существует», хотя был глубоко верующим человеком. Затрагивая в интервью религиозные темы, художник не признавал свою причастность к католицизму и даже иронизировал над верой. Энди публично заявлял, что *он не католик, но восхищается католическими образами* [2, с. 46]. Взяв за основу тезис франко-американского скульптора Алена Кирили, «католицизм – это столица в стране Уорхол» [Цит. по: 2, с. 59], попробуем раскрыть жизнь и творчество художника с данной стороны и впервые интерпретировать образ провокативного художника как глубоко религиозного человека, а его творчество рассмотреть в качестве молитвенной практики. Эмпирической базой статьи послужили автобиографическая проза Э. Уорхола, а также биографические монографии В. Бокриса и М. Нюридсани. Методологической основой стали идеи о том, что Уорхол исповедовал католицизм (В. Бокриса), его творчество было религиозным (М. Нюридсани) и в нем обнаруживается фатальная стратегия художественных образов (Ж. Бодрийяра).

Чтобы понять роль католицизма в жизни и творчестве Э. Уорхола, необходимо первоначально обратиться к его биографии. Энди родился в семье католиков ортодоксального направления, иммигрировавших в Америку из Восточной Европы (деревни Микова в Карпатах). Согласно автобиографическим данным, именно священник, одолжив 160 долларов, помог Юлии Вархале (матери Энди) уехать из родных мест

и воссоединиться с мужем, работавшим в штате Пенсильвания в городе Питтсбурге. Сразу после рождения Энди крестили в русинской церкви по греко-католическому обряду. Подчеркнем, Уорхол с детства рос довольно набожным ребенком, относясь к религии как святыне. Для него Бог олицетворял «первичную сущность, к которой нельзя относиться иначе, чем торжественно, без возможности проклятий или насмешек», что влекло за собой интенсивные переживания [3 с. 18]. Неслучайно родители и братья Энди думали, что он станет священником. Согласно воспоминаниям родственников, религия повлияла на мировоззрение будущего художника, а *молитва* помогала в трудные минуты, укрепляя веру, в том числе в прощении содеянного. На протяжении всей жизни Уорхол соблюдал и чтит католические традиции, к чему был приучен с детства.

Неизгладимый след в духовном мире будущего художника оставили религиозные службы. Каждое воскресенье семья ходила в церковь. Отец требовал обязательного посещения воскресной службы, где свершалась общественная молитва, и посвящения всего дня мыслям и молитвам (персональным, внутренним) о Боге. В семье Энди внушали, что только добродетельность делает человека счастливым. Его «учили не обижать никого, стараться все делать правильно, верить, что мы тут ненадолго, сохранять свои ценности, духовное, потому что все материальное останется позади» [4, с. 19]. В укладе жизни семьи проявлялся аскетизм, обусловленный верой. Примером всему служил отец. Благодаря вере, трудолюбию и экономии отец Уорхола смог купить для семьи дом рядом с церковью и школой, вызвав восхищение сына.

Впоследствии жизненные обстоятельства (смерть отца, покушения на художника, болезнь и смерть матери) укрепили религиозную веру Энди. Он всю жизнь «почитал чудо церкви» [2, с. 64]. В квартирах художника находилось много атрибутов

веры: обязательным было распятие в изголовье кровати, на тумбочке стояло много вещей религиозного назначения. Энди ежедневно молился, посещал религиозные службы, оказывал благотворительную помощь. В своих дневниках Уорхол фиксировал посещение церкви. Например: «воскресенье, 26 марта 1978 года. Пасха... Взял с собой пустую банку из-под арахиса, чтобы набрать в нее святой воды. На это у меня ушло почти два часа. Все входили, нажимали кнопку, текла святая вода, все наполняли свои емкости и уносили их по домам. Еще три часа мне понадобилось на то, чтобы окропить свой дом» [2, с. 56]. Подобная религиозность делает справедливым замечание В. Бокриса, что Уорхол был *слишком католиком*. Он искренне верил в Бога, силу молитв, обращенных к нему, и осуществляемую благотворительность, считая, что перечисленное способно помочь не только ему, но и душам умерших. Более того, в неспешности, связанной с религиозными ритуалами, обнаруживают себя сосредоточенность на Боге и внутренняя молитва, привитая в детстве.

Обратим внимание на второе покушение¹, имевшее для Энди эффект пролонгированной (физической, психологической, моральной) травмы. Покушение заставило художника посмотреть *в глаза смерти* и глубоко понять суть идеи о бренности бытия. Третья пуля Валери Соланас, стрелявшей в упор, прошла насквозь через тело художника: она «пронзила печень, задела поджелудочную железу, селезенку, кишечник, пищевод, легочную артерию и оба легких» [2, с. 464]. Энди 1,5 минуты был в состоянии клинической смерти. Во время покушения Уорхол проявил религиозную сосредоточенность, сидя в углу комнаты «Фабрики» и стараясь «собрать цель-

ную картину происходящего, но все так и оставалось фрагментарным», застывшим, состоявшим из «комбинаций механических звуков со звуками, которые производят люди», рождающим «ощущение какой-то нереальности» [5, с. 205, 206]. Художник воспринял происшествие несколько отстраненно, но физическая боль вернула его к реальности. Долгое время после этого художник «не вполне различал жизнь и смерть»: он подошел *вплотную к смерти* и осознал, что «жизнь – это Ничто» [5, с. 321]. После покушения художник не был уверен, что вернулся с того света. В своей автобиографической прозе он подчеркивал, что «обитает теперь в пространстве грез, где-то в коридоре между мирами» [Цит. по: 6, с. 110].

Происшествие утвердило в художнике понимание *хрупкости бытия*, заставив вспомнить наставления, звучавшие в проповедях и повторяемые родителями, что *мы тут ненадолго*. В качестве постоянного напоминания о бренности жизни стали корсеты, которые, как отмечал художник, охраняли тело и *склеивали его* (Э. Уорхол), не давая превратиться в бесформенность, а значит – стать Ничто. В наизидание другим художник оставил предупреждение: «Если цените свою личную жизнь, не давайте себя подстрелить, потому что иначе она очень скоро превратится в проходной двор» [5, с. 323].

Необходимо подчеркнуть, что к стрелявшей женщине Валери Соланас художник проявил христианское прощение, примирение и даже любовь. Уорхол сказал, что не имеет претензий к женщине: скорее всего, он причинил ей боль, глубина которой неизмерима. Данную ситуацию М. Нюридсани справедливо интерпретировал как *горячую молитву*: в ней рождается «движение навстречу к другому» и «удивительное желание объединения», которое «испытывает жертва по отношению к палачу» [2, с. 471]. Именно молитва представляет собой сердцевину индивидуальной религиозной практики,

¹ Американская феминистка и писательница Валери Джин Соланас (1936–1988), не дождавшись от Энди продюсирования своих опусов и разочаровавшись в нем как личности, 3 июня 1968 г. совершила покушение, три раза выстрелив в живот художнику.

поддерживающей человека в его экзистенциальных ситуациях и укрепляющей веру. Как считают Т.Ф. Сулейманов, У.А. Кашапов, А.М. Еврокатов, в молитве осуществляется «возможность войти в непосредственное соприкосновение с трансцендентным, с Богом», «приобщиться к Божественной благодати», что «способствует воспитанию духа и ума» [7, с. 40]. Мужественный шаг урхоловского прощения есть показатель веры, внутренней работы над собой и дисциплины, что стало результатом молитв и привело к душевному равновесию. Как справедливо отметил У. Джеймс, «часто зло может быть превращено в добро только тем, что в душе страдающего от него состояние страха сменится состоянием мужества», а «стремление не замечать зла может стать в пылкой и искренней душе настоящей религиозной дисциплиной» [3, с. 42]. И особую роль в подобной метаморфозе играет молитва. В.И. Постовалова заключает, что «при творении умной молитвы», обладающей антропокосмическим характером, «в мистико-аскетическом подвиге священнобезмолвия» человек оказывается «по объему и масштабности захвата реального бытия» и «по приближению к последним граням возможного живого опыта в духе» вне земных рамок [8, с. 78]. Урхол, пройдя через опыт клинической смерти, выжив после происшествия и укрепив католическую веру, смог ощутить широту жизни, «ощущение свободы, соответствующее исчезновению границ личной жизни» [3, с. 134], переходность из Нечто в Ничто и обратно, что привело к милосердию по отношению к Валери Соланас. При всей своей закрытости Урхол в данном жесте неожиданно приоткрыл свою потаенность, связанную с религиозной верой и желанием исправить свои ошибки. Но не все смогли прочесть истинный религиозный смысл, стоявший за этим поступком. При этом покушение заставило окружающих говорить об Энди в религиозном аспекте. В СМИ его сравнивали с христианским муче-

ником и святым Себастьяном. Близкие к Урхолу люди называли его *ангелом смерти*. Этому способствовала не только мертвенная бледность художника и одежда черного цвета, но и особая аура, возникшая вокруг него [9, с. 69-79] и олицетворявшая «созревшие плоды религиозного состояния», называемого *святостью* [3, с. 155].

Католицизм наложил отпечаток и на жизнь, и на урхоловское творчество, которое представляло для него своего рода молитву. Последняя, получая богооткровенное знание, не только креативна по своей природе [8, с. 71-87]. Она способна инициировать творчество, открытое Божественным энергиям. Как справедливо заметил У. Джеймс, «в творческой деятельности духа, направленного в религиозную сторону, эстетические мотивы играют не малую роль» [3, с. 229]. Искусство трактуется католиками формой религиозного ритуала и служения Богу. Данное понимание привнес Энди в художественную деятельность и творчество, изобразив *реальность невидимого* (У. Джеймс) и придав своим полотнам многозначность.

Поп-арт помог скрыть ортодоксальное католическое мировидение Энди, что было выгодно художнику, который по своей природе был человеком неуверенным в себе и замкнутым. Данное течение в искусстве позволило ему продемонстрировать измененный формат веры на полотнах, в чем проявилась еще одна черта Энди – ирония, создавшая ему репутацию человека экстравагантного. Как справедливо заметил У. Джеймс, «религиозная жизнь, поглощая всего человека, делает его эксцентричным и не похожим на всех», позволяя проявлять «философскую разумность и нравственную плодотворность» [3, с. 3]. К творчеству Энди подошел философски, с полной отдачей, и данная эффективность измерялась ростом его популярности и финансового благосостояния.

В поп-арте обнаруживается сосредоточенность на повседневности, ее

образах и вещах. Основываясь на идеях американского образа жизни, эстетики всячества, эффектности, символизма общества потребления и случайности, помогающей возвыситься незаметно, Уорхол наделил изображаемые образы и вещи сакральной ценностью. Художник закодировал в обыденных образах и вещах личные переживания, связанные с религиозным чувством возвышенного, религиозной любовью и религиозным страхом, что возвело его в разряд оригинальных и эксцентричных творцов. В его творчестве произошло «обрушение банальности в искусство и искусства в банальность», сделав пространства социального тотально эстетическими [10, с. 294]. Посредством своих полотен Энди продвигал идею восхищения неожиданно замеченным образом/вещью, что вызвало *изумление мысли* (М. Хайдеггер) и сакрализовало бытие, заставляя ценить его. Обнажая *буквальную буквальность* (Ж. Бодрийяр) банальности, Уорхол показал и обратную сторону мира, не представленную явно. Неслучайно зафиксированные им образы и вещи символичны и многозначны. Как заметил М. Хайдеггер, «художественное творение всеоткрыто возвещает об ином, оно есть откровение иного» [11, с. 87]. Каждый объект уорхоловского творчества приоткрывает множество аспектов бытия, потому что схватывает окружающий мир не только в его непосредственности, но и в диалектической полноте. Энди понимал сиюминутность актуальных тенденций и их превращение в Ничто. За обыденностью образов/вещей скрываются смыслы, заставляющие задуматься об экзистенциальных основаниях бытия человека и его бренности, а значит – смерти, приближении часа личного суда и жизни после смерти, где каждый будет близок к Богу и пребывать в Его любви. Энди пытается донести до людей мысль о движении всего сущего к Ничто. Посредством поп-арта он передает идею о (возможном) наступлении последнего дня существования (мира/

человечества), потому что *всё – это Ничто* (Э. Уорхол). В этом художник демонстрировал свой личный опыт. Он верил, что подобная идея (рано или поздно) доходит до каждого и начинает внутренне переживаться индивидом, демонстрируя «его совесть, его одиночество, его беспомощность и несовершенство» [3, с. 13]. Осознание данной мысли заставляет найти утешение в вере и искусстве.

Утрирует мысль о конечности земного бытия и продолжении жизни души в вечности *техника создания картин и их серийный характер*. Художник в творчестве довольно часто прибегал не к самим образам/вещам, а к существующим фотографиям образов/вещей, игравшим роль *б/у (бывших в употреблении) популярных изображений* (Э. Уорхол). В них уже мира как такового нет, а есть мир, воспринятый через объектив фотокамеры. Как заметила С. Сонтаг, «теперь всё существует, чтобы закончиться в фотографии» [12, с. 24]. Но данное завершение мира в фотографии с последующим его воспроизведением на полотне олицетворяло католическую веру в жизнь после смерти. Уорхол, как истинный католик, верил в данный постулат, надеясь на то, что его душа будет наслаждаться раем.

При этом *серийный характер* уорхоловских работ, символизируя непрерывность молитвенного творчества, придает сакральную мощь изображенному, где образы серий играют роль (визуальных) молитв. Дело в том, что в поп-арте серийность представляет своеобразную созерцательно-медитативную практику. Серийная форма одного и того же образа при создании художником и восприятии зрителями способствует переходу на иной уровень видения мира и открытию неожиданного в известном. Повторы образа/вещи превращают его в *объект-идол/объект-фетиш*. Серии идиолов/фетишей современности словно заставляют людей посмотреть на них и прочувствовать посредством медитативности восприятия идею

конечности бытия. Уорхол считал, что с помощью серий он может научить желающих «сознательно относиться к жизни», «потому что жизнь так коротка и порой проходит слишком быстро» [Цит. по: 4, с. 7]. Заметим, при создании серий сам художник входил в отрешенно-медитативное состояние, связанное с чтением персональных молитв. Этому способствовало и многократное прокручивание понравившихся ему музыкальных композиций. Можно предположить, для Энди процесс создания полотен имел форму духовной религиозной практики, что было известно только ему.

Обратим внимание еще на один факт. Всю жизнь Уорхол верил в силу икон, потому что в них «католики видят аналог инкарнации» и посредством них «могут созерцать Бога» [2, с. 59]. Но в творчестве Энди под воздействием эстетики поп-арта происходит трансформация в понимании иконы и иконописного образа. У него любой серийный образ превращается в *иконописный лик*, что подтверждает тезисы о *многогранности образа Божия в человеке и свободе воли в творчестве* [8, с. 71-87]. Энди создает «иконы новой религии, запертые в абстрактном пространстве» и похожие «на алфавитный указатель святых нашей эры» [2, с. 645]. Используя фотографии знаковых персон культуры, Уорхол создал собственную иконографию святых и мучеников, роль которых играли, например, Мэрилин Монро, Элвис Пресли, Ричард Никсон, Джон Кеннеди, Рональд Рейган. Художник одновременно сакрализировал данные образы и превращает их в товар, в чем высвечивается его ирония по отношению к обществу потребления. Дело в том, что в жизни и творчестве Энди пересекаются «две духовные силы современности», собранные «в один пучок энергии»: они связаны с соединением «товарного фетишизма и католической традиции» [13, с. 208]. Профанные образы/вещи неожиданно сакрализуются, приобретая пафос нерукотворности и совершенства,

чему способствует их монументальность, техничность и художественная серийность. Перечисленное наделяет образ чудесностью, изменяя понимание мира. Заметим, Энди обожал слово «чудо». Согласно воспоминаниям Ультра Вайолет, «этим словом Уорхол мог упиваться часами. Чудо – здесь, чудо – там. В некоторых есть чудо, в других – нет. Все это – просто чудо» [Цит. по: 2, с. 64]. Как справедливо подчеркивает В.И. Постовалова, само чудо есть эффект «сверхъестественного онтологического действия молитвы», которая по своей природе чудотворна и способна превратить жизнь в чудо [8, с. 83].

Ауру притяжения к полотну с повседневным образом/вещью создает *форма*, выводящая зрителя за пределы чувственного опыта, в трансцендентность. Форма уорхоловского идола/фетиша обычно центрирована в композиции в беспредельном воздухе как мире божественном. Возможно, Уорхол этим утрировал идею о *творении из ничего* (Н.А. Бердяев). Нередко, не имея опоры и перспективы, форма поражает зрителя своей масштабностью, величием, неизбежностью, а также аскетизмом подачи. Само произведение фокусирует внимание на объекте (идоле/фетише), стирая его историю и динамику развития. На уорхоловских полотнах мы видим *чистое событие формы* (Ж. Бодрийяр): она буквально ликвидирует содержание. Как справедливо заметил Ж. Бодрийяр, «форма никогда не раскрывает правду о мире, форма – это игра, то, что выпадает в игре, что проецируется» [10, с. 309]. В этом одновременно проявляется и религиозный аскетизм, и вера в бессмертие души. За отстраненностью и банальностью объекта (идола/фетиша) скрывается не только ироничное отношение к обществу потребления и его символам, но и внимание к духовной стороне жизни – возможности в любой момент ничтожности здесь-и-сейчас и переходу в вечность, что заставляет заботиться о душе. Акцент на форме не только позиционирует

мысль о бренности земного бытия, но и постулирует позицию Энди о том, что земные/профанные сюжеты ничего не значат, все преходяще. Тиражирование формы «преобразует форму в другую форму» «вне всякого обращения смысла» [10, с. 311], что сакрализирует произведение искусства и создает интригующую привлекательность. Так, выбрав заурядный фотоснимок Мэрилин Монро, художник его сакрализовал и секуляризировал, превратив в икону и товар. Уорхол на полотне передает не только образ поп-дивы, но и образ Мадонны, образ смерти, образ трансцендентной вечности. Этому способствуют фон (вспомним, лицо Мэрилин Монро на полотне 1962 г. расположено на золотом фоне), неподвижность образа, помещенного в центр пустого пространства, его цветовая палитра, сходная с неестественным макияжем, накладываемым на покойника. Своими полотнами Энди словно демонстрировал, что Нечто и Ничто как жизнь и смерть, рай и ад стоят довольно близко друг к другу. При этом считается уорхоловский страх и трепет перед Ничто: слишком много на полотне пустого пространства, которое одновременно завораживает и ужасает. От полотен исходит таинственная сила притяжения, свидетельствуя о традиции иконопочитания, и отталкивания, связанного с пониманием бренности бытия.

Отметим, что уорхоловские образы не только сакральны, но и обесценены. Образ буквально исчезает в серии, что «свидетельствует о небытии образа и его незначительности, но делает это магическим и преображающим образом» [10, с. 325]. Уорхоловские образы исповедываются в своей ничтожности и банальности, но данное исповедание канонизирует их, превращает в шаблон. Обыденность и неоригинальность оборачиваются в сакральность и индивидуальность словно в ленте Мебиуса. Уорхол поэтизирует ничтожность бытия образа, где «Ничто выходит на уровень знака», а «Ничтожность внезапно возникает в самом центре системы зна-

ков» [10, с. 244]. Энди первым сделал из Ничто Нечто, в результате чего образ в социальном начал осуществлять свою фатальную стратегию (Ж. Бодрийяр). Блеф приводит в действие реакцию людей, задерживающих свое внимание на уорхоловских полотнах и возвышающих образ до уровня святого. Таким образом, Уорхол гениально отображает судьбу человека, в которой накладываются друг на друга идеи успеха/популярности/славы и забвения/смерти как их ничтожения с последующим воскрешением, но в ином мире.

Как считает М. Нюридсани, в уорхоловском творчестве переосмысливается и образ Христа. Он пересекается с современными символами: GE, 59 центов и голубка мыла Dove. В них «легко угадать сокровенное значение: мыло вас отмывает от грязи; голубка парила над головой Христа; число 59 прописано над Иудой, который за эти деньги продал Христа; GE – аббревиатура *General Electric*, компании, производящей электричество, говоря иначе, дающей свет» [2, с. 58]. Благодаря этому уорхоловская «фигура Христа – это означающее, в котором уровень профанно-человеческого совпадает, но не сливается с уровнем божественного» [14, с. 22], а сакральность зависит от тиражируемости полотна.

В целом уорхоловские полотна одновременно демонстрируют религиозность, мысль о бренности жизни, критическое суждение об обществе потребления, авторскую поэтизацию, страх перед неизбежным, превращение образа/вещи в идол/фетиш, стирание границ между религиозным и повседневным. Благодаря подобной многозначности произведения Энди скрывает свое потаенное, связанное с католической верой.

Обращают на себя внимание и организованные Энди творческие пространства – «Фабрики». По мнению одних исследователей, они напоминают церковь или средневековый монастырь, других – «секту, пародию на католи-

чество, разыгранную (и не случайно) людьми, которые были или должны были быть католиками» [13, с. 332]. Подчеркнем: люди, появляющиеся на «Фабрике», имели не только отношение к католицизму, но и нередко католическое образование. «Фабрика» представляла собой священное место, а соблюдение в ней определенных ритуалов было обязательным пунктом. Магической фигурой «Фабрик», гипнотически захватывающей людей, был Энди. Он относился к такому типу людей, чье воображение «настоятельным образом требует внешнего блеска и пышности», поэтому у него «возникает потребность сложного величественного учреждения» с «хорошо устроенной иерархией» [3, с. 230]. Именно Энди создал специфичный религиозный культ, которого придерживалось его сообщество, а люди из свиты воспринимали его в качестве *отца* или *духовника*, называя «*римским папой поп-арта*». Целью всех ситуаций на «Фабрике» было снисkanie одобрения или поощрения со стороны Уорхола. Все события на «Фабрике», в том числе процесс создания полотен, считались сакральными и фиксировались на киноленту (для использования в качестве рекламы или андеграундного кино).

Таким образом, Энди Уорхола можно отнести к числу сложных и противоречивых натур. Внешне создавалось впечатление, что он был еретиком. Но всю жизнь Энди Уорхол был верующим католиком. Вера для художника, служа способом гармонизации внутренней жизни, была личной духовной практикой (в том

числе отмаливания грехов, избавления от тяжелого груза светской жизни и ее материального аспекта). Католицизм поддерживал в художнике уверенность в спасении души. Все религиозные проявления Энди Уорхола демонстрируют его насыщенную внутреннюю жизнь и являются показателем живой связи сознания с высшими силами. Но художник тщательно оберегал от окружающих людей личные пространства, боясь потерять свой статус короля поп-арта. Вера в бога и укрывание ее от окружающих играли роль заботы художника о себе.

Потаенный аспект жизни высвечивается в творчестве художника, олицетворяющего собой молитвенную практику. Поп-арт и его эстетика, с одной стороны, маскировали уорховский католицизм, с другой – демонстрировали трансформированный вариант вероисповедания. Серийный характер полотен, превращение образа/вещи в идол/фетиш, акцент на форме, многозначность смыслов придают сакральность уорховским полотнам и вводят зрителя в медитативное состояние. Портреты знаменитых людей, картины с изображением современных вещей олицетворяют бренность жизни, идею о вечности жизни души в трансцендентальности и *гимн божественному началу* (М. Нюридсани). Произведения Энди заставляют посмотреть с иной (религиозной) точки зрения на окружающий мир, демонстрируя диалектику Ничто и Нечто как зыбкости бытия и божественной вечности. В творчестве Энди Уорхол передал свой жизненный опыт, глубоко связанный с религиозной верой.

Список литературы

1. Яковлева Е.Л. Потаенность как небытие бытийного / бытие небытийного // Психология и психотехника. 2015. № 5 (80). С. 478-485.
2. Нюридсани М. Уорхол / пер. с фр. Е.А. Макаровой. Москва: Этерна, 2019. 664 с. (Новая версия).
3. Джеймс У. Многообразие религиозного опыта / пер. с англ. В.Г. Малахеевой-Мирович, М.В. Шик; РАН, Ин-т философии. Москва: Наука, 1993. 432 с., [1] л. портр. (Мыслители XX века).

4. Бокрис В. Уорхол / пер. с англ. Л.А. Речная. Москва: РИПОЛ классик; Санкт-Петербург: Пальмира, 2019. 648 с., [32] л. ил., портр.
5. Уорхол Э., Хэккетт П. Попизм: Уорхоловские 60-е / вступ. ст. и пер. с англ. Л.А. Речной. Санкт-Петербург: Амфора, 2012. 350 с.
6. Лэнг О. Одиноким город. Упражнения в искусстве одиночества / пер. Ш. Мартынова. Москва: Ad Marginem, 2017. 352 с.
7. Сулейманов Т.Ф., Кашапов У.А., Еврокатов А.М. Молитва в системе религиозного культа // Вестник Омской православной духовной семинарии. 2021. № 2 (11). С. 31-45.
8. Постовалова В.И. Молитва как творчество в религиозном дискурсе Православия (константы и новации) // Критика и семиотика. 2021. № 2. С. 71-87.
9. Яковлева Е.Л. Разрушение ауры искусства в творчестве Энди Уорхола // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2023. Т. 23. № 1. С. 69-79.
10. Бодрийяр Ж. Совершенное преступление / заговор искусства / пер. с фр. А.В. Качалов. Москва: РИПОЛ классик, Панглосс, 2019. 347 с. (Фигуры философии).
11. Хайдеггер М. Исток художественного творения: избранные работы разных лет / пер. с нем. А.В. Михайлова. Москва: Акад. проект, 2008. 527 с. (Философские технологии).
12. Сонтаг С. О фотографии / пер. с англ. В. Голышева. Москва: Ад Маргинем Пресс, 2013. 272 с.
13. Андреева Е. Все и Ничто: Символические фигуры в искусстве второй половины XX века. Санкт-Петербург: Изд-во Ивана Лимбаха, 2019. 584 с.
14. Гройс Б. Частные случаи / пер. с нем. А. Матвеевой. Москва: Ад Маргинем Пресс: Музей современ. искусства «Гараж», 2020. 220 с.

Сведения об авторе:

Яковлева Елена Льдовиковна, доктор философских наук, кандидат культурологии, доцент, профессор кафедры философии и социально-политических дисциплин Казанского инновационного университета имени В.Г. Тимирязова

ул. Московская, 42, Казань, 420111
mifoigra@mail.ru

Дата поступления статьи: 01.08.2023

Одобрено: 27.10.2023

Дата публикации: 17.11.2023

Для цитирования:

Яковлева Е.Л. Католицизм в стиле поп-арт Энди Уорхола // Сфера культуры. 2023. № 4 (14). С. 83-93. DOI: 10.48164/2713-301X_2023_14_83

УДК 272+7.[038.51+08]

DOI: 10.48164/2713-301X_2023_14_83

E.L. Iakovleva

Kazan

The Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov
mifoigra@mail.ru

CATHOLICISM IN ANDY WARHOL'S POP ART STYLE

According to modern art historians, the life and work of the outstanding representative of American avant-garde A. Warhol are imbued with secret religious motifs. Turning to the biography and works of the artist, the author of the current study proves that Andy concealed his confessional affiliation from others, which was helped by the aesthetics of pop art. In his creative work, which plays the role of prayer practice, he presented Catholicism to the public in a transformed form, i.e. through the images and things of the consumer society. The idea of the temporality of life lay behind the banality of the depicted. The author

of the article proves that the serial nature of the paintings and the emphasis on the form veiled the idea of temporality, giving sacredness to the depicted and turning the object into an idol or fetish. The "Factories" organized by the artist were sacred space where everyone worshiped Andy as the "Pope" of pop art. The undertaken analysis revealed the hidden sphere of the media artist, who was afraid of exposing his reputation as the king of the outrageous.

Keywords: Andy Warhol, the hidden, Catholicism, prayer, pop art, Nothing, idol, fetish, form, icon.

References

1. Yakovleva, E.L. (2015) Potaennost` kak neby`tie by`tijnogo / by`tie neby`tijnogo [Conceit as Non-existence/Being non-existence]. *Psixologiya i psixotexnika* [Psychology and Psychotechnics], No. 5 (80), 478-485. (In Russian).
2. Nuridsany, M. (2019) *Uorxol*. Transl. from French by E.A. Makarova. Moscow: E`terna. (New Version).
3. James, W. (1993) *Mnogoobrazie religioznogo opy`ta* [Diversity of Religious Experience]. Transl. from English by V.G. Malakhieva-Mirovich, M.V. Shik. Russian Academy of Science, Institute of Philosophy. Moscow: Nauka. (Thinkers of the XXth Century) (In Russian).
4. Bockris, V. (2019) *Uorxol*. Transl. from English by L.A. Rechnaya. Moscow: RIPOL klassik; Saint Petersburg: Pal`mira. (In Russian).
5. Warhol, A., Hackett, P. (2012) *Popizm: Uorxolovskie 60-e*. Introductory article and transl. from English by L.A. Rechnaya. Saint Petersburg: Amfora. (In Russian).
6. Laing, O. (2017) *Odinokij gorod. Uprazhneniya v iskusstve odinochestva*. Transl. from English by Sh. Marty`nov. Moscow: Ad Marginem. (In Russian).
7. Sulejmanov, T.F., Kashapov, U.A., Evrokatov, A.M. (2021) Molitva v sisteme religioznogo kul`ta [Prayer in the System of Religious Cult]. *Vestnik Omskoj pravoslavnoj duxovnoj seminarii* [Bulletin of the Omsk Orthodox Theological Seminary], No. 2 (11), 31-45. (In Russian).

8. Postovalova, V.I. (2021) Molitva kak tvorchestvo v religioznom diskurse Pravoslaviya (konstanty` i novacii) [Prayer as Creativity in the Religious Discourse of Orthodoxy (Constants and Innovations)]. *Kritika i semiotika* [Criticism and Semiotics], No. 2, 71-87. (In Russian).
9. Yakovleva, E.L. (2023) Razrushenie aury` iskusstva v tvorchestve E`ndi Uorxola [Destruction of the Aura of Art in the Work of Andy Warhol]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal`nogo universiteta. Seriya: Gumanitarny`e i social`ny`e nauki* [Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences], Vol. 23, No. 1, 69-79. (In Russian).
10. Baudrillard, J. (2019) *Sovershennoe prestuplenie / zagovor iskusstva* [Committed Crime/ Art Conspiracy]. Transl. from French by A.V. Kachalov. Moscow: RIPOL klassik, Pangloss. (Figures of Philosophy). (In Russian).
11. Heidegger, M. (2008) *Istok xudozhestvennogo tvoreniya: izbranny`e raboty` razny`x let* [Source of Artistic Creation: Selected Works of Different Years]. Transl. from German by A.V. Mikhailov. Moscow: Akademicheskij Proekt. (Philosophical Technologies). (In Russian).
12. Sontag, S. (2013) *O fotografii* [About Photography]. Transl. from English by V. Golyshev. Moscow: Ad Marginem Press. (In Russian).
13. Andreeva, E. (2019) *Vse i Nichto: Simvolicheskie figury` v iskusstve vtoroj poloviny` XX veka* [Everything and Nothing: Symbolic Figures in Art of the Second Half of the XXth Century]. Saint Petersburg: Publishing House of Ivan Limbach. (In Russian).
14. Grois, B. (2020) *Chastny`e sluchai* [Private Cases]. Transl. from German by A. Matveeva. Moscow: Ad Marginem Press: Museum of Modern Art "Garazh". (In Russian).

About the author:

Elena L. Iakovleva, Doctor of Philosophy, PhD in Cultural Studies, Associate Professor, Professor at the Department of Philosophy and Socio-Political Disciplines of the Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov

42 Moskovskaya Str., Kazan, 420111
mifoigra@mail.ru

КУЛЬТУРА И ЦИФРОВИЗАЦИЯ

CULTURE & DIGITALIZATION

4

УДК 76(091)+004.9

DOI: 10.48164/2713-301X_2023_14_97

О.В. Андреева

Москва

Московский политехнический университет

knigaol@gmail.com

П.В. Иванова

Москва

Аукционный дом «12й стул»

linaiwanova@yandex.ru

МУЛЬТИМЕДИЙНОЕ ИЗДАНИЕ ПО ИСТОРИИ ГРАВЮРЫ: ОБОСНОВАНИЕ ПРОЕКТА

Цифровая часть мирового и российского книжного рынка с каждым годом неуклонно растет, успешно конкурируя с издательской продукцией, выполненной традиционным печатным способом. Авторы приводят обоснование проекта мультимедийного электронного издания, отражающего историю зарубежной и отечественной гравюры в форме мобильного приложения. Особое внимание уделено описанию его отдельных мультимедийных элементов, в том числе средств навигации, оглавления и указателей. Структура электронного издания выстраивалась с учетом хронологии развития искусства гравюры. Статья проиллюстрирована скриншотами, раскрывающими интерфейс данного ресурса, его функциональные возможности.

Ключевые слова: цифровая книга, электронный ресурс, мультимедийное издание, история гравюры, мобильное приложение, мультимедийные элементы.

История изучения искусства гравюры насчитывает немалое число работ отечественных и зарубежных авторов. Однако серьезных обобщающих трудов в этой историографии не так много. В России первыми появились биобиблиографии русской гравюры, которые начали выходить с XIX в. и были связаны с распространением коллекционирования. Работы Д.А. Ровинского [1], Е.Н. Тевяшова [2], Н.А. Обольянинова [3], Н.П. Собко [4], И.И. Лемана [5] стали пособиями, сохраняющими научную и справочную ценность до сих пор. Не имеет аналогов в описании русской книжной иллюстрации и труд В.А. Верещагина [6]. В 1920-х гг. вышли книги Л.Р. Варшавского [7] и Э.Ф. Голлербаха [8]. Особое значение имеют более поздние исследования П. Кристеллера [9], М.И. Флекеля [10]. Опубликовано многочисленных пособия

по технике литографии, офорта, ксилографии, линогравюры.

История гравюры становилась предметом изучения в трудах зарубежных исследователей, в первую очередь отметим работы Артура М. Хинда [11]. Интересна попытка собрать информацию о современном состоянии данного искусства по разным странам [12].

У современных коллекционеров и исследователей гравюры, у людей, интересующихся этим видом графического искусства, отсутствует фундаментальная «настоящая книга», к которой они могли бы обратиться в любой момент. Такое положение заставило одного из отечественных специалистов (А.М. Гостева) признать, что «серьезная история гравюры еще не написана»¹.

¹ Гостев А.М. «Серьезная история гравюры еще не написана»: [интервью] // Про Книги. 2008. № 2. С. 31-37.

Традиционный книжный формат накладывает множество ограничений на издание, главные из которых – границы объёма текста и иллюстраций. Век информационных технологий подарил издательскому миру новые возможности. Несмотря на то, что печатная книга никуда не уходит, появляются форматы, которые изменяют привычные представления о ней. Впервые в истории книжной культуры цифровые инновации позволяют создать гибкий контент, ориентированный на индивидуальные потребности конкретного читателя. Применение в книге мультимедийных ресурсов расширяют ее содержание, обогащают традиционный текст новыми смыслами. Показательно, что в отраслевых конкурсах объявляются соответствующие категории. Так, в конкурсе «Книга года» значится номинация «Электронные издания и аудиокниги», где, в частности, принимаются к рассмотрению и мультимедийные проекты¹.

Обратимся к понятию «мультимедийное издание». Не останавливаясь на последовательном развитии и уточнении его содержания в отраслевых стандартах², будем понимать под этим словосочетанием электронную публикацию, в которой элементы основной информации воспроизводятся взаимосвязанно при помощи соответствующей программной оболочки.

Если в традиционном подходе к подготовке произведения печати существует проблема ограниченности ресурсов, то мультимедийное издание не ограничивает читателя линейным отображением

информации, а привлекает различные элементы, чтобы процесс чтения стал более динамичным. Данный вид публикации по истории гравюры позволит объединить разрозненные сведения в одну книгу, сопроводив ее при этом интерактивными элементами, порождающими дополнительный контент вербальных и невербальных данных.

Электронный формат дает возможность увеличивать и детализировать на экране изображения, иногда в двадцатикратном размере, при этом сохраняя их качество, что особенно важно для разных техник гравюры; демонстрировать фрагменты видеозаписей (с функциями стоп-кадра и пролистывания видеозаписи), а также воспроизводить музыкальное и любое другое аудиосопровождение, соответствующее тексту или визуальному ряду. Кроме того, благодаря данному формату можно выделять в тексте «горячие клавиши», по которым осуществляется немедленное получение справочной информации и пояснений.

Добавление мультимедийных элементов требует существенно иного опыта для всей издательской команды. Чтобы сделать проект доступным для реализации, необходимо привлечение экспертов различного профиля: аудио- и видеомонтажеров, разработчиков программного обеспечения и др.

В 2000-е гг. получили широкое распространение мультимедийные издания на DVD-дисках, однако за прошедшее время многое изменилось. Данные носители информации уже не отвечают требованиям современных пользователей, которые все реже устанавливают оптические приводы в свои ПК. Более актуальной представляется публикация мультимедийного издания в форме мобильного приложения.

Создание интернет-портала кажется более простой и легче осуществимой альтернативой, так как большинство мультимедийных изданий выглядят как веб-сайт или как совокупность ссылок, которые поддерживают его откры-

¹ Открыт прием заявок на участие в национальном конкурсе «Книга года» – 2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://godliteratury.ru/articles/2023/06/16/otkryt-priem-zaiavok-na-uchastie-v-nacionalnom-konkurse-kniga-goda-2023> [дата обращения: 15.09.2023].

² ГОСТ 7.83-2001. Электронные издания. Основные виды и выходные сведения. Москва: Изд-во стандартов, 2002. 22 с.; ГОСТ 7.60-2003. Издания. Основные виды. Термины и определения. Минск: ИПК Изд-во стандартов, 2004. 41 с.; ГОСТ 7.0.83-2013. Электронные издания. Основные виды и выходные сведения. Москва: Стандартинформ, 2014. 19 с.; ГОСТ 7.0.60-2020. Издания. Основные виды. Термины и определения. Москва: Стандартинформ, 2020. 46 с.

тие. Однако при таком варианте нужна проработка дополнительной мобильной версии сайта, поскольку веб-версии непригодны для использования на мобильных устройствах. Кроме того, для обращения к изданию, опубликованному подобным образом, требуется постоянное и стабильное подключение к Интернету, что не всегда возможно, особенно если его использование планируется в транспорте или местах, труднодоступных для связи.

Следует также учитывать, что обращение к веб-сайту более затратно по времени. Пользователь должен совершить следующие действия: открыть браузер, найти в поисковой строке или закладках нужный ресурс, дождаться загрузки информации. Для выхода же в приложение достаточно одного нажатия на иконку.

Мобильные приложения становятся самым популярным программным обеспечением, постепенно вытесняя веб-сайты и их мобильные версии. Исследование показало, что половина интернет-трафика в мире в 2021 г. приходилась на мобильные телефоны, и с каждым годом этот процент продолжает увеличиваться. Вероятнее всего, в течение пяти лет данный показатель достигнет 60 %¹.

В России в 2022 г. лидирующими по интернет-трафику оставались ноутбуки и настольные компьютеры (64,1 %), в то время как мобильные телефоны занимали 34,6 %. По сравнению с предыдущим годом трафик мобильных телефонов увеличился на 27,7 %; по-видимому, данный рост будет продолжаться и далее².

Исходя из этого, можно сделать вывод, что в современном мире есть тенденция к повсеместному смещению приоритета в использовании гаджетов. Вполне вероятно, что в течение этого десятилетия смартфоны выйдут на

лидирующую позицию по использованию Интернета и приложений, оставив позади персональные компьютеры и ноутбуки.

Многие ведущие компании начинают отказываться от сайтов в пользу мобильных приложений. Например, известные платформы для чтения электронных книг и прослушивания аудиокниг Storytell и MyBook обладают сайтом, на котором можно пополнить библиотеку (как в случае MyBook) или оформить подписку, однако для чтения и прослушивания книг необходимо скачивать приложение.

За двадцать лет общее число выпускаемых приложений в мире выросло в 20 раз. Если в 2001 г. их количество не превышало одного миллиона, то в 2021 г. достигло 22 млн, причем большая часть пришлась на магазин Google Play для операционной системы Android (около 14 млн). Общее количество загрузок приложений в России, по состоянию на 2021 г., составило более 5 млрд раз³.

Авторами был проведен опрос участников книжного клуба Now is the good time в Москве, группа «ВКонтакте» которого включает более 400 человек возрастом 20-30 лет.

Большинство опрошенных (60 %) читают электронные книги с мобильного телефона или планшета, у 31,43 % есть специальное устройство. Только 8,57 % участников опроса пользуются компьютером или ноутбуком. 58,82 % читают книги на сайтах только в том случае, если нет возможности скачать полную электронную копию, 29,41 % скачивают книгу целиком и не пользуются сайтами в принципе, и только 11,76 % постоянно читают электронные файлы с текстами книг на сайтах.

Итак, именно мобильные приложения становятся самым популярным программным обеспечением, постепенно вытесняя веб-сайты и их мобильные версии. Исходя из этих соображений, рассмотрим способ публикации мультимедийного издания в данной форме.

¹ Global Digital 2022: вышел ежегодный отчет об интернете и социальных сетях – главные цифры [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sostav.ru/publication/we-are-social-i-hootsuite-52472.html> (дата обращения: 14.12.2022).

² Там же.

³ Report. State of Mobile 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.data.ai/ru/go/state-of-mobile-2022> (дата обращения: 20.05.2023).

Основные задачи мобильного приложения с таким контентом, на наш взгляд, должны заключаться в следующем:

- популяризировать искусство гравюры как среди специалистов, так и среди широкого круга читателей;
- обобщить имеющуюся информацию по теме и представить ее в виде логически структурированного текста разной знаковой природы;
- сделать информацию понятной и доступной посредством новых мультимедийных технологий;
- предоставить читателю возможность выбрать удобную ему подачу материала.

Создание приложения только для одной книги является технически невыгодным и потребует огромных затрат. Вероятнее всего, они не окупятся. Выходом в данном случае может стать разработка универсального приложения-библиотеки для чтения мультимедийных книг и нового формата под него. Попытки сделать подобное уже предпринимались. Приведем в качестве примера библиотеку МЭШ – Московской электронной школы¹.

Приложение для чтения мультимедийных форматов в будущем может составить конкуренцию программам для чтения электронных книг MyBook, Storytell и Litres. С технической точки зрения необходимо: создание такого приложения для клиентов, которое будет площадкой для мультимедийных книг подобного формата; разработка формата, способного поддерживать мультимедийные элементы; формирование файлового хранилища в виде статического сервера, что должно защитить книги от возможного пиратства и несанкционированного использования, и, возможно, подготовка отдельного приложения для верстки, чтобы упростить в последующем работу издателей.

Процесс создания приложения включает разработку файлового формата,

универсального движка² для формата книг (движка для текста, где каждая функция добавляется отдельно; сервера, на котором будет храниться информация о пользователях; функционала приложения).

В качестве источников контента для предлагаемого издания могут быть использованы существующие труды по истории гравюры (монографии, статьи, очерки, библиографические пособия); каталоги личных библиотек, музейных коллекций, антикварных аукционов, выставок и работ художников; мемуары; книги по технике гравюры; архивные документы.

Мы считаем важным придерживаться хронологического принципа, при этом уделяя в каждой главе внимание особенностям искусства гравюры в разных странах. На наш взгляд, без такой группировки неподготовленному читателю было бы сложно ориентироваться в содержании ресурса, ведь данное издание рассчитано не только на специалистов.

Мы отказались от варианта с разделением истории по странам, так как это усложнило бы понимание общих тенденций искусства гравюры. Хронологическое расположение материала показывает, какая страна была ведущей в тот или иной исторический период (как Германия в XV–XVI вв. или Франция в XIX в.).

Опираясь на труды исследователей истории гравюры, приведем вариант возможной структуры издания:

Раздел 1. История зарубежной гравюры

Предпосылки возникновения гравюры. Опыт изготовления печатных форм в Китае во II в. н. э. Буддийские амулеты в Японии. Гравюры, найденные в Египте в VI–VII вв. «Алмазная Сутра» 868 г. Первые ксилографии на игральные карты 1402 г. Первая гравюра на

¹ Библиотека МЭШ [Электронный ресурс]. URL: <https://uchebnik.mos.ru/main> (дата обращения: 10.09.2023).

² Движок сайта (CMS – система управления контентом сайта) – это специальное скриптовое программное обеспечение, позволяющее в полуавтоматическом режиме работать с базами данных и контентным наполнением сайта.

дереве – «Мадонна с четырьмя Святыми Девами в саду» 1418 г. Возникновение ксилографии и офорта.

Гравюра XV в. Первые ксилографии Германии. Мартин Шонгауэр и гравюры на меди. Мастера-монограммисты Германии. Итальянская гравюра и Мазо Финигуэрра. Антонио дель Поллайоло и Андреа Мантенья. Книжная иллюстрация Нидерландов и Бургундии. Мастер Хаусбук из Нидерландов. Французская книжная иллюстрация. Дюпре и Пьер Ле Руж.

Гравюра XVI в. Немецкая гравюра. Альбрехт Дюрер. Мистицизм Ханца Бальдунга. Лукас Кранах Старший как яркий представитель немецкого Ренессанса. Альбрехт Альтдорфер – основоположник пейзажной гравюры. Кляйнмейстеры. Нидерландская гравюра. Лукас ван Лейден. Фламандский гравёр Хендрик Гольциус. Итальянская гравюра. Маркантонио Раймонди. Джорджо Гизи. Французская гравюра. Жан Дюве. Граверы карт: Франц Хогенберг, Герард Меркатор и др.

Гравюра XVII в. Французская школа портретной гравюры. Людвиг фон Зиген и изобретение меццо-тинто. Портрет Корнелиса ван Далема. Портретная гравюра Голландии. «Английская манера» Абрахама Блотелинга. Уильям Фейторн и английская гравюра. Мастерская Питера Пауля Рубенса. Иконография Антониса Ван Дейка. Офорт как доминирующая техника. Расцвет итальянской гравюры. Жак Калло, Клод Лоррен. Хосе де Рибера. Болонская школа офорта. Голландская гравюра Эсайаса и Яна ван де Вельде. Эксперименты с глубокой цветной печатью Геркулеса Сегерса. Гравюры Рембрандта. Японская гравюра укие-э.

Гравюра XVIII в. Итальянская гравюра XVIII в. Джованни Баттиста Тьеполо и Каналетто. Архитектурные гравюры Джованни Баттиста Пиранези. Английская сатирическая гравюра Уильяма Хогарта. Гравюры Уильяма Блейка. Томас Бьюик и изобретение торцовой ксилографии. Возникновение

литографии. Испанская гравюра Франсиско де Гойи. Французская гравюра Антуана Ватто. Карандашная манера Жана-Шарля Франсуа. Японская гравюра. Тории Киёнобу. Двухцветная ксилография Окумура Масанобу. Китагава Утамаро и нисики-э (цветная печать).

Гравюра XIX в. Доминирование французской гравюры. Жан-Огюст-Доминик Энгр и Эжен Делакруа. Барбизонская школа. Политическая сатира Оноре Домье. Французский импрессионизм в гравюре. Эдуард Мане и Эдгар Дега. Поль Гоген и Анри де Тулуз-Лотрек. Поль Сезанн. Японская гравюра. Кацусика Хокусай. Утагава Хиросигэ. Немецкая гравюра, развитие литографии. Английская гравюра. Фрэнсис Хейден и Джеймс Уистлер. Американская гравюра. Джон Джеймс Одюбон. Мексиканская гравюра. Хосе Гуадалупе Посада.

Гравюра XX в. Развитие линогравюры. Немецкий экспрессионизм в гравюре. Группа художников «Мост». Эрнст Людвиг Кирхнер. Георг Базелиц. Французская гравюра. Пабло Пикассо. Анри Матисс. Итальянская гравюра. Умберто Боччони. Кубизм Джино Северини в гравюре. Английская гравюра. Генри Мур. Грэм Сазерленд. Общемировые тенденции в развитии гравюры. Возрождение литографии в творчестве Джорджа Уэсли Беллоуза. Искусство офорта Джона Слоуна и Реджинальда Марша. Техника сухой иглы Милтона Эйвери. Гравюры Эдварда Хоппера. Возрождение гравюры в Японии. Онти Коширо и Хиращука Унити.

Гравюра конца XX – начала XXI в. Эксперименты в гравюре. Поп-арт, концептуальное искусство, абстракционизм в гравюре. Энди Уорхол, Роберт Раушенберг, Джейкоб Лоуренс и др. Перспективы развития гравюры.

Раздел 2. История отечественной гравюры

Гравюра XVI – середины XVII в. Первые гравюры на дереве. Киево-Львовская и Московская школа. Развитие книжной гравюры. Развитие

гравюры на меди и первые офорты. Народный лубок. Гравюры Симона Ушакова.

Гравюра в XVIII в. Гравюра Петровского времени. Мастерская Оружейной палаты. Московская школа гравирования XVIII в. Становление петербургской школы 1720–40-х гг. Иностранные школы гравюры в России. Иван Соколов, Григорий Качалов. Портреты Евграфа Чемесова. Гавриил Скородумов и Иван Селиванов. Развитие цветного пунктира и меццо-тинто. Граверы Императорской Академии художеств. Проекты М. Махаева и его учеников. Гравировальный класс Академии художеств. Круг С.Ф. Щедрина. Становление русской пейзажной гравюры.

Гравюра первой половины XIX в. Развитие батального жанра и портрета в русской печатной графике 1810–20-х гг. Русская академическая гравюра. И.С. Клаубер и его ученики: Н.И. Уткин, С.Ф. Галактионов, братья И.В. и К.В. Ческие. Офортисты из числа живописцев и скульпторов (А.Е. Егоров, О.А. Кипренский и др.). Офортная карикатура. Русская академическая гравюра 1820–50-х гг. Станковая гравюра Академии художеств. Шедевры русской иллюстрации 1820–50-х гг. Литографии П.Ф. Бореля.

Гравюра второй половины XIX в. Закат станковой гравюры. Подъем книжной иллюстрации середины XIX в. Развитие тоновой ксилографии. Л.А. Серяков и его школа. Общество аквафортистов. В.В. Матэ и его ученики. Офорты И.И. Шишкина. «Русский художественный листок» В.Ф. Тимма.

Гравюра XX – начала XXI в. Гравюра объединения «Мир искусства». А.П. Остроумова-Лебедева и развитие авторского эстампа. ВХУТЕМАС-ВХУТЕИН. Школа В.А. Фаворского. Школа И.Н. Павлова и его последователи. Художники середины XX в. Гравюра неконформистов. Современные художники.

Перейдем к краткой характеристике мультимедийных элементов издания.

В любом приложении существует свое навигационное меню. **Навигация** – это его «скелет», который, с одной стороны, позволяет контенту визуально, четко и фрагментировано отображаться у пользователей, с другой – делает его полным и упорядоченным.

Особенностью данного мультимедийного издания станет простота использования и легкость в понимании навигационных иконок. Пользователь должен легко в них ориентироваться. Стоит учитывать, что возрастная категория читателей может быть любой – от школьников и студентов, которые традиционно легче адаптируются к новому меню, до пользователей-новичков, еще не выработавших интуитивного понимания функций приложения.

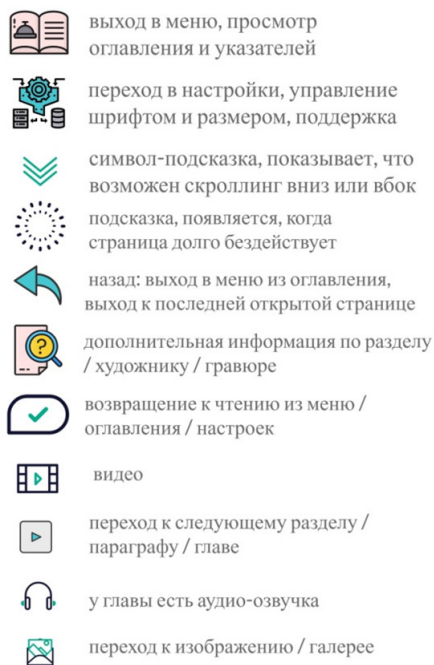

Рис. 1. Навигационные иконки

Все иконки должны быть узнаваемыми, чтобы пользователи любого уровня смогли в них разобраться. Некоторые иконки постоянно присут-

ствуют на экране: к ним относятся значки «выход в меню», «переход в настройки».

Выход в меню позволит пользователю остановить свое чтение в нужный момент для того, чтобы осуществить переход к оглавлению, указателям, дополнительным главам и галерее. При выходе из меню, например в именной указатель, иконка самого меню сохраняется, и к ней можно вернуться двумя путями: нажав на стрелочку «назад» либо на саму иконку. Меню является важнейшим связующим элементом.

Переход в настройки является основной иконкой для пользователя. Там находится кнопка поиска по тексту, управление шрифтом и его размером, поле с возможностью обратиться в поддержку приложения, а также графа вопросов по приложению, в которую обязательно должна входить возможность повторения обучения. (О функции обучения мы скажем позже.)

Кроме того, на наш взгляд, в настройках необходимо добавить функцию изменения формата экрана: в одном варианте текст непрерывно листается вниз, по подобию сайтов, а в другом перелистывается нажатием на экран или движением вправо/влево, как электронная книга. При выходе из основного текста пользователь сможет вернуться к последнему прочитанному фрагменту с помощью иконки «возвращение к чтению», которая располагается в левом верхнем или нижнем углу.

Стрелки-переходы к следующему разделу (главе, параграфу) будут понятны всем, так как подобные обозначения встречаются в любом приложении.

Важными элементами навигационного меню являются значки самих мультимедийных элементов, таких как переход к видео, изображению и галерее, а также подключение аудио. Их схематичное обозначение будет понятно за счет узнаваемых элементов: наушников, видеоплеера и изображения в конверте.

Оглавление является важнейшим элементом. К нему читатели будут обращаться чаще, чем к другим функциям,

которые предлагает мультимедийное издание.

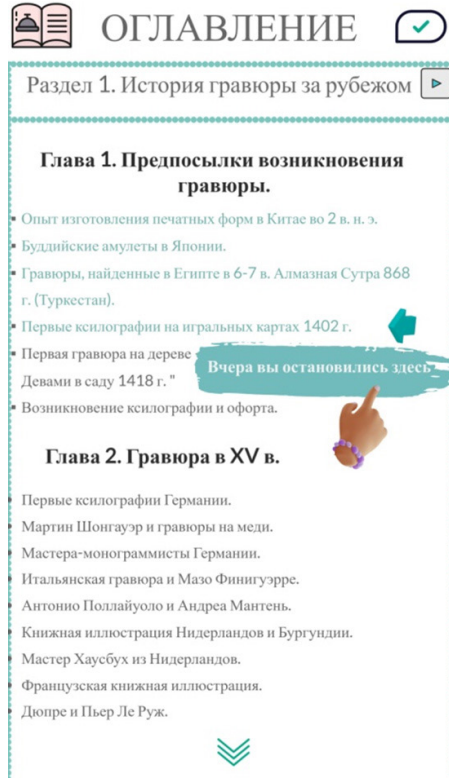

Рис. 2. Оглавление с подсказками

Основной шрифт выбирается такого размера, который удобен пользователю; данной функцией можно управлять из настроек. Все элементы с дополнительной информацией выделяются другим цветом. Текст при нажатии на них появляется в небольшом окошке. Например, таким образом выделены имена художников, тогда как информация во всплывающем окне включает биографическую справку и портрет. Кроме этого, добавляется кнопка «подробнее», по которой читатель сможет перейти на страничку персоналии с детальной информацией. Также выделяются термины, названия произведений – все, что может быть проиллюстрировано или оснащено дополнительными материалами.

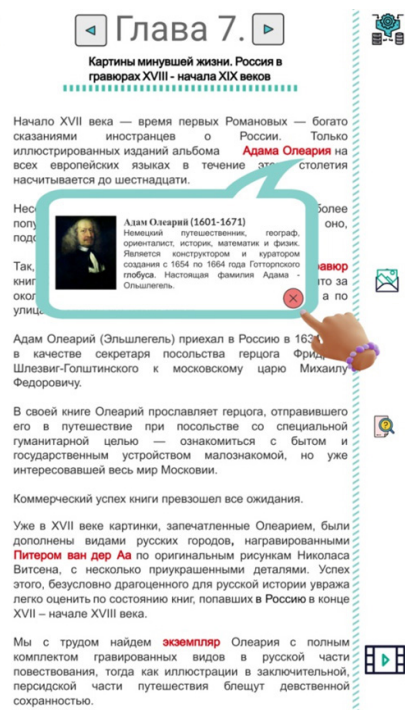

Рис. 3. Пример элемента с дополнительной информацией

На полях располагаются иконки мультимедийных элементов. Некоторые фрагменты текста предусматривают наличие информативных примечаний, например, для того чтобы читатель смог узнать подробнее о технике гравирования или каком-либо историческом событии. Иконка может открывать переход в галерею, в которой представлены работы того или иного художника.

Рис. 4. Открытие галереи

Мультимедийное издание позволит обогатить и упростить систематизацию информации по **указателям**. Все они должны быть оснащены поисковой строкой сверху по центру, а также возможностью сортировки по алфавиту, стране или хронологии, что отвечает задачам того или иного пользователя. В именном алфавитном указателе имя каждого художника дополнительно оснащено биобиблиографической справкой. При нажатии на экране появится всплывающее окно с краткой информацией. Если читателю потребуются более подробные сведения, он может перейти к полной биографии, нажав на нужную кнопку.

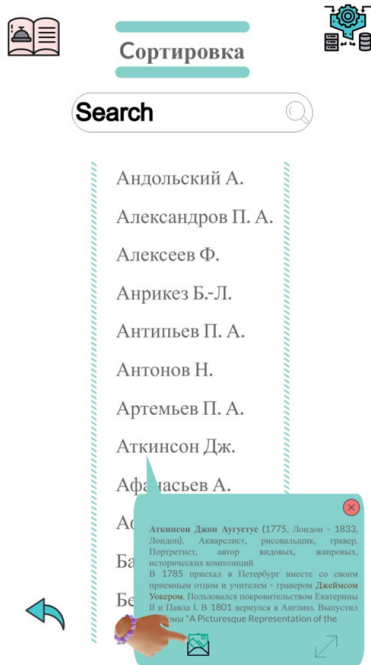

Рис. 5. Биографическая справка

Рис. 6. Открытие галереи

Сортировка «по умолчанию» означает, что позиции располагаются по порядку их упоминания в тексте. Все названия работ приводятся в указателе названий. Один из важных дополнительных разделов – «техники гравюры» – также вынесен в меню. Каждая техника должна быть проиллюстрирована примерами и оснащена видеoinструкциями.

Рис. 7. Фрагмент списка гравюрных техник

Другие элементы аппарата издания, характерные для научно-популярных трудов, представлены в виде **мультимедийных элементов**. Так, к примеру, вместо примечаний помещаются гиперссылки, а вместо комментариев – подкасты искусствоведов. Подчеркнем, что наличие аудиовидеосопровождения является важной составляющей мультимедийного издания. Кроме записей лекций могут быть использованы интервью с приглашенными экспертами: реставраторами, художниками, сотрудниками музеев, кураторами выставок, экспертами аукционных домов. Значимую помощь в усвоении

визуальной информации может оказать саундтрек, воспроизводящий музыкальные произведения соответствующей страны и эпохи (например, французский импрессионизм в гравюре / М. Равель, К. Дебюсси; русская гравюра конца XVIII в. / Д.С. Бортнянский).

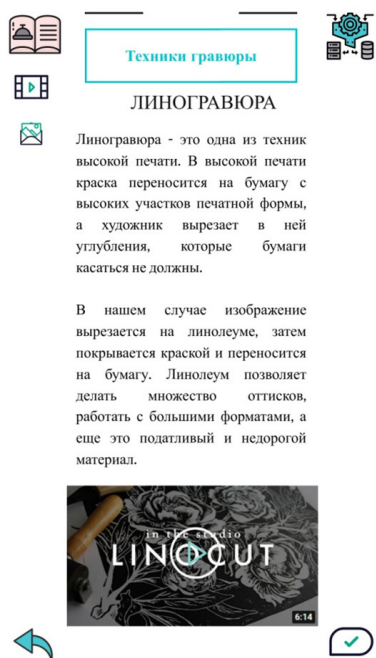

Рис. 8. Встроенное видео

Необходимым элементом мультимедийного издания в виде приложения надо считать так называемые **обучаю-**

щие экраны. Их задача – познакомить пользователя с выбранным приложением. При первом обращении ему необходимо посмотреть несколько страниц, на которых отображаются различные функции мультимедийного издания. Продвижение между ними возможно с помощью кнопки «далее».

Все мультимедийные элементы не должны препятствовать восприятию текста, так как он остается главенствующим. При этом у читателей должна быть возможность остановить чтение в любой момент, чтобы перейти к дополнительному материалу, а потом вернуться к фрагменту, на котором они остановились.

Нельзя утверждать, что претворение описанной концепции в жизнь будет легкой задачей для издателя, поскольку это потребует обязательного сотрудничества с командой мобильных или веб-разработчиков.

Описанное мультимедийное издание по истории гравюры способно решить проблему, которая существует не одно десятилетие, и предложить специалистам и всем интересующимся полный разносторонний труд в современном формате. Такой информационный продукт может быть весьма востребован в образовательных процессах, в библиотечной, музейной и выставочной деятельности. В условиях быстрой медиатизации общества он может стать значительным событием в сфере цифровой книжной культуры.

Список литературы

1. Ровинский Д.А. Подробный словарь русских граверов XVI-XIX вв.: в 2 т. Т. I: А-И. Санкт-Петербург: Тип. Имп. Акад. наук, 1895. [6] с., 344, 448 стб.: ил.; 1 л. фронт. (портр.); Т. II: К-Ф. Санкт-Петербург, 1899. [2] с., 449-1248 стб.: ил.
2. Тевяшов Е.Н. Указатель имен и предметов, упомянутых в «Подробном словаре русских граверов» Д.А. Ровинского. Санкт-Петербург: Тип. Имп. Акад. наук, 1899. 208 стб.
3. Обольянинов Н.А. Каталог русских иллюстрированных изданий 1725-1860 гг.: в 2 т. Т. 1. Москва: Т-во тип. А.И. Мамонова, 1914. XII, 336 с.; Т. 2. Москва, 1915. [4], 337-687 с.

4. Собко Н.П. Словарь русских художников, зодчих, рисовальщиков, граверов, литографов, медальеров, мозаичистов, иконописцев, литейщиков, чеканщиков, сканщиков и проч. С древнейших времен до наших дней (XI-XIX вв.): [с 1867 по 1892 г. включит.]: в 3 т. Т. 1, вып. 1: А: (510 имен). Санкт-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1893. XVI с., 350 стб.: ил.; Т. 2, вып. 1: И, І: (425 имен). Санкт-Петербург, 1895. [2] с., 536 стб.: ил.; Т. 3, вып. 1: П: (700 имен). Санкт-Петербург, 1899. [4] с., 508 стб.: ил.
5. Леман И.И. Гравюра и литография: очерки истории и техники. Санкт-Петербург: Тип. Т-ва Р. Голике и А. Вильборг, 1913. 292 с.
6. Верещагин В.А. Русские иллюстрированные издания XVIII и XIX столетий, 1720-1870: библиогр. опыт. Санкт-Петербург: Тип. В. Киршбаума, 1898. 309 с.
7. Варшавский Л.Р. Очерки по истории современной гравюры в России: (ксилография и линогравюра). Москва: Книга, 1923. 175 с.
8. Голлербах Э.Ф. История гравюры и литографии в России. Москва; Петроград: ГИЗ, 1923. 217 с.
9. Кристеллер П. История европейской гравюры XV-XVIII века / пер. с нем. А.С. Петровского; ред. пер. и вступ. ст. В.Н. Лазарева. Москва: Искусство, 1939. 520 с.
10. Флекель М.И. От Маркантонио Раймонди до Остроумовой-Лебедевой: очерки по истории и технике репродукционной гравюры XVI-XX веков. Москва: Искусство, 1987. 367 с.
11. Hind A.M. A History of Engraving and Etching. New York: Dover Publications, 1963. 487 p.
12. Perspectives on contemporary printmaking: Critical writing since 1986. Manchester: Manchester University Press, 2018. 368 p.

Сведения об авторах:

Андреева Ольга Владимировна, профессор, доктор исторических наук, профессор Высшей школы печати и медиаиндустрии Московского политехнического университета

ул. Большая Семеновская, 38, Москва, 107023
knigaol@gmail.com

Иванова Полина Владимировна, эксперт антикварной книжной торговли
Аукционного дома «12й стул»

ул. Петровка, 30/7 офис 5, Москва, 127006
linaiwanova@yandex.ru

Дата поступления статьи: 28.09.2023

Одобрено: 27.10.2023

Дата публикации: 17.11.2023

Для цитирования:

Андреева О.В., Иванова П.В. Мультимедийное издание по истории гравюры: обоснование проекта // Сфера культуры. 2023. № 4 [14]. С. 97-109. DOI: 10.48164/2713-301X_2023_14_97

УДК 76(091)+004.9

DOI: 10.48164/2713-301X_2023_14_97

O.V. Andreeva

Moscow
Moscow Polytechnic University
knigaol@gmail.com

P.V. Ivanova

Moscow
“Auction House 12th Chair”
linaiwanova@yandex.ru

MULTIMEDIA EDITION ON THE HISTORY OF ENGRAVING: JUSTIFICATION OF THE PROJECT

The digital part of the global and Russian book market is steadily growing every year, successfully competing with publishing products made in the traditional, printed way. The authors provide a justification for the project of a multimedia electronic publication which reflects the history of foreign and domestic engraving in the form of a mobile application. Particular attention is paid to the description of its individual multimedia elements, including navigation tools, table of con-

tents and pointers. The structure of the electronic publication was built taking into account the chronology of the development of the art of engraving. The article is illustrated with screenshots revealing the interface of this resource, its functionality.

Keywords: digital book, electronic resource, multimedia publication, engraving history, mobile application, multimedia elements.

References

1. Rovinskij, D.A. (1895-1899) *Podrobnij`j slovar` russkix graverov XVI-XIX vekov.: v 2 tomax* [A Detailed Dictionary of Russian Engravers of the XVIth-XIXth Centuries: in 2 vols.]. Saint Petersburg: Emperor's Academy of Sciences Publishing House. (In Russian).
2. Tevyashov, E.N. (1899) *Ukazatel` imen i predmetov, upomyanuty`x v "Podrobnom slovare russkix graverov" D.A. Rovinskogo* [Index of Names and Objects Mentioned in the "Detailed Dictionary of Russian Engravers" by D.A. Rovinskij]. Saint Petersburg: Emperor's Academy of Sciences Publishing House. (In Russian).
3. Obol`yaninov, N.A. (1914-1915) *Katalog russkix illyustrirovanny`x izdanij 1725-1860 godov.: v 2 tomax* [Catalogue of Russian Illustrated Editions of 1725-1860: in 2 vols.]. Moscow: A.I. Mamontov Partnership Publishing House. (In Russian).
4. Sobko, N.P. (1893-1899) *Slovar` russkix xudozhnikov, zodchix, risoval`shhikov, graverov, litografov, medal`erov, mozaichistov, ikonopiscev, litejshhikov, chekanshhikov, skanshhikov i proch. S drevnejshix vremen do nashix dnei (XI-XIX vekov): (s 1867 po 1892 god vklyuchitel`no): v 3 tomax* [Dictionary of Russian Artists, Architects, Draftsmen, Engravers, Lithographers, Medallists, Mosaicists, Icon Painters, Foundry Workers, Coiners, Filigree Makers, etc. From Ancient Times to the Present Day (XIst-XIXth Centuries): (from 1867 to 1892 included): In 3 vols. Saint Petersburg: M.M. Stasyulevich Publishing House. (In Russian).
5. Leman, I.I. (1913) *Gravyura i litografiya. Ocherki istorii i texniki* [Engraving and Lithography. Essays on History and Technology]. Saint Petersburg: T.R. Golike and A. Vilborg Publishing House. (In Russian).

6. Vereshhagin, V.A. [1898] *Russkie illyustrirovanny`e izdaniya XVIII i XIX stoletij, 1720-1870: bibliograficheskij opy`t* [Russian Illustrated Editions of the XVIIIth and XIXth Centuries, 1720-1870: Bibliographic Experience]. Saint Petersburg: V. Kirshbaum's Publishing House. (In Russian).
7. Varshavskij, L.R. [1923] *Ocherki po istorii sovremennoj gravury` v Rossii: (ksilografiya i linogravura)* [Essays on the History of Modern Engraving in Russia: (Woodcut and Linocut)]. Moscow: Kniga. (In Russian).
8. Gollerbax, E`.F. [1923] *Istoriya gravury` i litografii v Rossii* [History of Engraving and Lithography in Russia]. Moscow; Petrograd: Gosudarstvennoye Izdatelstvo. (In Russian).
9. Kristeller, P. [1939] *Istoriya evropejskoj gravury` XV-XVIII veka* [History of European Engraving of the XVth-XVIIIth Centuries]. Transl. from German by A.S. Petrovskiy; translation edition and introductory article by V.N. Lazarev. Moscow: Iskusstvo. (In Russian).
10. Flekel, M.I. [1987] *Ot Markantonio Rajmondi do Ostroumovoj-Lebedevoj: Ocherki po istorii i texnike reprodukcionnoj gravury` XVI-XX vekov* [From Marcantonio Raimondi to Ostroumov-Lebedev: Essays on the History and Technique of Reproduction Engraving of the XVIth-XXth Centuries]. Moscow: Iskusstvo. (In Russian).
11. Hind, A.M. [1963] *A History of Engraving and Etching*. New York: Dover Publications. (In English).
12. *Perspectives on Contemporary Printmaking: Critical Writing since 1986* [2018]. Manchester: Manchester University Press. (In English).

About the authors:

Olga V. Andreeva, Professor, Doctor of Historical Sciences, Professor at the Higher School of Printing and Media Industry of Moscow Polytechnic University

38 Bolshaya Semyonovskaya Str., Moscow, 107023
knigaol@gmail.com

Polina V. Ivanova, Expert of the Antique Book Trade of "Auction House 12th Chair"

30/7 Petrovka Str., Office 5, Moscow, 127006
linaiwanova@yandex.ru

5

BOOK CULTURE

КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА

УДК 026:355(091)(470+571)

DOI: 10.48164/2713-301X_2023_14_113

А.М. Панченко

Новосибирск

Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского
отделения Российской академии наук

a.m.panchenko@mail.ru

ОФИЦЕРСКИЕ БИБЛИОТЕКИ ПРИ ГУБЕРНСКИХ РЕЗЕРВНЫХ ПЕХОТНЫХ БАТАЛЬОНАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА: ПЛАНЫ И РЕАЛЬНОСТЬ¹

На основе широкого круга дореволюционных источников впервые показана инициативная роль редакции журнала «Военный сборник» в организации обсуждения различных вариантов устройства офицерских библиотек, в том числе при губернских резервных пехотных батальонах. Представлены финансовые расчеты данной редакции по созданию офицерских библиотек при 58 губернских батальонах в губернских городах Европейской России. Установлена общая численность губернских батальонов, в которых предположительно могли находиться офицерские библиотеки. Раскрыта роль государства в их финансировании. Приведены конкретные примеры создания в Сибири офицерских библиотек Тобольского и Иркутского резервных пехотных батальонов на основе печатных каталогов и дополнений к ним.

Ключевые слова: библиотека, офицерская библиотека, история военно-библиотечного дела, библиотечный каталог, губернский резервный пехотный батальон, «Военный сборник», Военное министерство, финансирование библиотек.

Обеспечение обороноспособности, сохранение государственного суверенитета, проведение самостоятельной внешней политики в интересах своей страны являются важными государственными задачами, решению которых способствует увеличение мобилизационных возможностей и наличие подготовленных людских резервов. В Российской империи для этого создавали губернские пехотные резервные батальоны и библиотеки при них. Фонды последних комплектовали таким образом, чтобы имевшаяся в них литература оказывала содействие повышению уровня подготовки – тактической, стрелковой, морально-волевой, по различным военным специальностям – офицеров и нижних чинов.

К сожалению, накопленный исторический опыт устройства, комплектования, финансирования, функционирования этих библиотек, отдельные аспекты которого могут быть полезны и сегодня, к настоящему времени мало изучен. Историография темы в основном представлена трудами, посвященными истории создания местных войск Российской империи и их роли в подготовке резервов для действующей армии и выполнении других задач. Так, в труде П.А. Зайончковского [1] рассмотрены основные направления военных реформ 60–70-х гг. XIX в., одним из которых была подготовка мобилизационных ресурсов на базе местных войск посредством создания губернских резервных батальонов. Об офицерских библиотеках имелась

¹ Статья подготовлена по плану научно-исследовательской работы Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Российской академии наук в рамках научного проекта № 122041100088-9 «Трансформация книжной культуры в социальных коммуникациях XIX–XXI вв.».

лишь общая информация – о том, что для их создания при военных собраниях с 1872 г. стала выделяться особая сумма. М.Ю. Кузнецов в своей статье [2] освещает порядок управления такими войсками в указанный период на примере Восточно-Сибирского военного округа. Создание офицерских библиотек при губернских батальонах округа автором статьи не рассматривается. Некоторые сведения об офицерских библиотеках при Тобольском, Омском, Томском резервных пехотных батальонах [3, с. 102; 4], об офицере Тобольского резервного пехотного батальона С.Н. Мамееве, который внес весомый вклад в развитие библиотечного дела и библиографии в г. Тобольске и в регионе [5], о роли военных в культурной жизни городов Западной Сибири [6] и их читательских интересах [7] содержались в публикациях О.В. Гефнер. Настоящая работа призвана внести свой вклад в заполнение образовавшейся историографической лакуны по данной теме и, возможно, привлечет к изучению офицерских библиотек исследователей в регионах.

Своеобразной площадкой для обмена мнениями по вопросу устройства войсковых офицерских библиотек стал журнал «Военный сборник». В нем были опубликованы статьи¹, в которых авторы предлагали различные варианты их организации. Редакция журнала также приняла в данной дискуссии активное участие, поместив на его страницах свои публикации². В одной из редакционных статей отмечалось, что «библиотеки местных войск и учрежде-

ний не только бы удовлетворяли потребности в чтении лиц, принадлежащих к их составу, но могли бы, при большем их развитии, сравнительно с полковыми библиотеками, принести пользу для совместно или в ближайшем районе квартирующих полевых войск (так в оригинале. – А.П.). Принимая в соображение положение лиц, принадлежащих к местным войскам и учреждениям, мы полагаем, что их бы нисколько не затруднило содержание библиотек более обширных по составу, чем проектированный состав полевых библиотек. При этом, нам кажется, что полевые полки могли бы принести в дар библиотекам местных войск и управлений книги, находящиеся в полковых библиотеках, но неподходящие к разрядам проектированного нами состава и составляющие, в некотором роде, обузу при передвижениях полевых войск»³.

Одним из предложений редакции журнала было устройство библиотек в губернских городах при губернских батальонах.

6 августа 1864 г. военный министр генерал-адъютант Д.А. Милютин своим приказом ввел в действие указ императора Александра II, который утверждал положения: 1) об управлении местными войсками военного округа, 2) о губернских батальонах и уездных командах, 3) о резервных батальонах пехотных и стрелковых⁴. И в мирное, и в военное время местные войска, к которым относились также и резервные батальоны, имели постоянную дислокацию. Они должны были: 1) нести караульную службу, 2) принимать, обучать и передавать рекрутов в полевые войска для укомплектования во время войны, 3) проводить сборы с запасниками.

Губернских батальонов было 70, они имели общую нумерацию и носили названия тех городов или губерний, на

¹ Абельдяев Н. Полковые библиотеки на Кавказе // Военный сборник. 1859. № 6. С. 419-428; Мартыанов П. Полковые офицерские библиотеки // Там же. 1866. № 3. С. 123-131; Устройство полковых и батальонных библиотек / В. С. // Там же. № 6. С. 265-272; Несколько слов по поводу статьи г. Мартыанова: Полковые офицерские библиотеки / И. // Там же. № 7. С. 93-98; Об устройстве в частях войск комитетов для заведывания офицерскими: капиталом, библиотекой и столовой / В. И. С. // Там же. 1876. № 3. С. 144-157.

² Заметка о военных библиотеках // Там же. 1865. № 9. С. 34-37; Об устройстве военных библиотек // Там же. 1867. № 4. С. 189-240.

³ Заметка о военных библиотеках. С. 36.

⁴ Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXXIX. Отделение первое: № 40457-41318. Санкт-Петербург: В тип. II отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1864. С. 784-812.

территории которых были расположены. Губернские батальоны с 1 по 49 номер принадлежали губерниям Европейской России, № 50-53 (Тобольский, Томский, Красноярский и Иркутский) – Сибири, № 54-63 – десяти губерниям Царства Польского, № 64-68 (Ставропольский, Тифлисский, Бакинский, Эриванский и Кутаисский) – Кавказу, № 69 (Ташкентский) и № 70 (Верненский) – Туркестанскому военному округу. Батальоны состояли из 4 или 2 рот и были двух составов: 1) *полный* (для 4-ротных батальонов – 1 000, 900, 800, 700, 600 рядовых и для 2-ротных – 500, 400 рядовых); 2) *кадровый* (для 4-ротного состава – от 288 до 192 рядовых и для 2-ротного состава – от 192 до 128 рядовых). Количество штаб- и обер-офицеров в батальонах было следующим: 1) полного состава при 1 000 рядовых – 23 чел.; 900 – 22; 800 – 21; 700 – 20; 600 – 19; 500 – 14; 2) кадрового в составе 4-х рот – 13; 2-х рот – 10. Для кавказских губернских батальонов было определено следующее количество штаб- и обер-офицеров: для Ставропольского – 26; Тифлисского – 23; Кутаисского – 22¹. Распределение губернских батальонов по военным округам и их нумерация представлены в таблице 1.

Одной из обязанностей губернских батальонов являлось сохранение имущества (среди которого имелись офицерские библиотеки), оставляемого полевыми войсками в случае их убытия к новому месту дислокации или для участия в боевых действиях.

В 1867 г. в журнале «Военный сборник» вышла редакционная статья², посвященная устройству войсковых офицерских библиотек. В ней предлагались

различные варианты их образования, включая финансовые расчеты редакции журнала по созданию 58 офицерских библиотек при 58 губернских батальонах в губернских городах Европейской России. Возникает вопрос: почему в Европейской России? «Кадры резервной армии, по мнению Военного министерства, должны были быть созданы на базе местных войск, расположенных лишь в Европейской России, так как представлялось нецелесообразным развивать резервную систему в Сибири и других азиатских окраинах» [1, с. 263]. Причины этого: 1) военное ведомство считало, что вероятными противниками России будут Германия и ее союзник Австро-Венгрия, поэтому существовала необходимость укреплять территорию Польши и прилегающие к ней районы; 2) существовавшая в европейской части железнодорожная сеть могла сосредоточить армию на главном театре военных действий, обеспечить ее мобилизационными ресурсами, снабдить всем необходимым ее перегруппировку.

Редакция журнала «Военный сборник» предположила, что оптимальным будет нахождение библиотек губернских батальонов под надзором губернских воинских начальников: «Сколько нам кажется, *местные библиотеки* могли бы с наибольшею пользою быть сформированы при управлениях губернских воинских начальников»³. Ввиду отсутствия на тот момент финансовой помощи со стороны государства планировалось, что эти библиотеки будут содержаться на вычеты с офицеров тех местных и резервных частей, которые дислоцировались в одном губернском городе, а также офицеров других воинских частей и команд, которые изъявили бы желание пользоваться книгами из них. Редколлегия журнала, взяв за основу: 1) губернские батальоны какие, какого состава, с какими воинскими частями располагались в одном городе; 2) общее количество денежных средств, необходимых для устройства офицерских библиотек;

¹ Справочная книжка для русских офицеров / сост. по Высочайшему повелению трудами: инженер-генерал-майора А.И. Квиста, полковников Косинского, Максимова, Фишера и Левицкого, подполковника Водара, капитана Головина, штабс-капитана Ростовского и д-ра медицины кол. советника Недаца; под общ. ред. Ген. штаба генерал-майора Н.В. Махотина. Санкт-Петербург: Тип. 2-го отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1869. С. 37.

² Об устройстве военных библиотек // Военный сборник. 1867. № 4. С. 189-240.

³ Заметка о военных библиотеках. С. 36.

Таблица 1

Количество губернских батальонов в военных округах по штатам 1869 г.¹

Названия военных округов и количество в них губернских батальонов	Названия и порядковые номера губернских батальонов
Петербургский (5)	Петербургский (1), Петрозаводский (2), Архангелогородский (3), Новгородский (4), Псковский (5)
Рижский (3)	Рижский (6), Ревельский (7), Митавский (8)
Виленский (6)	Виленский (9), Витебский (10), Ковенский (11), Гродненский (12), Минский (13), Могилевский (14)
Варшавский (10)	Варшавский (54), Сувалкский (55), Ломженский (56), Плоцкий (57), Калишский (58), Петроковский (59), Келецкий (60), Радомский (61), Люблинский (62), Седлецкий (63)
Киевский (3)	Киевский (15), Житомирский (16), Каменец-Подольский (17)
Одесский (4)	Херсонский (18), Кишиневский (19), Таврический (20), Екатеринославский (21)
Харьковский (6)	Харьковский (22), Полтавский (23), Черниговский (24), Курский (25), Орловский (26), Воронежский (27)
Московский (12)	Московский (28), Тверской (29), Смоленский (30), Калужский (31), Тульский (32), Рязанский (33), Тамбовский (34), Владимирский (35), Нижегородский (36), Ярославский (37), Костромской (38), Вологодский (39)
Казанский (8)	Казанский (40), Вятский (41), Пермский (42), Симбирский (43), Пензенский (44), Саратовский (45), Астраханский (46), Самарский (47)
Кавказский (5)	Ставропольский (64), Тифлиссский (65), Бакинский (66), Эриванский (67), Кутаисский (68)
Оренбургский (2)	Уфимский (48), Оренбургский (49)
Западно-Сибирский (2) ²	Тобольский (50), Томский (51)
Восточно-Сибирский (2) ³	Красноярский (52), Иркутский (53)
Туркестанский (2)	Ташкентский (69), Верненский (70)
ИТОГО ГУБЕРНСКИХ БАТАЛЬОНОВ: 70	

¹ Штат губернских батальонов // Сборник штатов Военно-сухопутного ведомства. Штаты регулярных войск, управлений, учреждений и заведений военного ведомства. Ч. 2. Санкт-Петербург: Печатано в Воен. тип. (в здании Главного штаба), 1869. Прил. № 41. С. 1-13.

² В 1882 г. округ был переименован в Омский.

³ В 1884 г. разделен на два военных округа: Иркутский и Приамурский.

3) необходимость в финансовой помощи со стороны государства, и если да, то в каком количестве, произвела финансовые расчеты для их первоначального устройства и определила, что минимальный денежный расход на организацию одной библиотеки составит 260 рублей.

Редколлегия журнала предложила 58 офицерских библиотек при 58 батальонах губернских городов распределить на 19 групп (табл. 2):

- 1) 3 библиотеки – в Пензе, Минске и Могилеве (64-й Пензенский, 7-й Минский и 8-й Могилевский резервные пехотные батальоны);
- 2) 3 библиотеки – в Ревеле, Митаве и Чернигове;
- 3) 1 библиотека – в Витебске;
- 4) 1 библиотека – в Симферополе (Таврический губернский батальон);
- 5) 7 библиотек – в Полтаве, Житомире, Каменец-Подольске, Ковно, Смоленске, Симбирске и Гродно;
- 6) 14 библиотек – в Пскове (5-й), Саратове (66-й), Новгороде (3-й), Твери (32-й), Владимире (46-й), Калуге (37-й), Туле (39-й), Костроме (52-й), Тамбове (43-й), Орле (21-й), Курске (22-й), Воронеже (26-й), Херсоне (11-й) и Самаре (68-й);
- 7) 3 библиотеки – в Ярославле (10-й резервный стрелковый батальон), Нижнем Новгороде (9-й) и Екатеринославе (4-й);
- 8) 2 библиотеки – в Вологде (53-й резервный пехотный батальон) и Вятке (56-й);
- 9) 1 библиотека – в Уфе (70-й);
- 10) 1 библиотека – в Перми (59-й);
- 11) 1 библиотека – в Астрахани;
- 12) 1 библиотека – в Кишиневе;
- 13) 1 библиотека – в Петрозаводске;
- 14) 1 библиотека – в Архангельске (Архангелогородский губернский батальон);
- 15) 1 библиотека – в Рязани (41-й резервный пехотный батальон и управление 1-й резервной кавалерийской бригады);

16) 8 библиотек – в Петербурге (1-й резервный пехотный батальон), Москве (29-й), Варшаве, Казани (54-й), Вильне, Риге, Харькове, Киеве, которые было бы целесообразно отнести к своим окружным библиотекам;

Во вновь учрежденных губернских городах Царства Польского:

- 17) 2 библиотеки – в Люблине и Калише;
- 18) 2 библиотеки – в Кельце и Плоцке;
- 19) 5 библиотек – в Петракове, Радоме, Седльце, Ломже и Сувалях.

В состав лиц, вычеты с которых должны были идти на эти библиотеки, редколлегия включила офицеров и чиновников соответствующих управлений губернских воинских начальников и губернских батальонов 4- и 2-ротных кадровых составов.

Представленные в таблице 2 расчеты о создании 58 офицерских библиотек при 58 батальонах в губернских городах Европейской России – это тот минимум, на который они могли рассчитывать при основании. Некоторые из губернских библиотек в перспективе могли получить и более значительное число читателей за счет привлечения чинов местных госпиталей и других воинских частей, желавших пользоваться услугами офицерской библиотеки, а также их денежных средств.

Большой проблемой для войсковых офицерских библиотек были передвижения войск [См.: 8], негативно отражавшиеся на сохранности фондов и их использовании. Преимуществами офицерских библиотек, создаваемых при губернских батальонах, могли стать: 1) постоянное место дислокации, позволявшее избежать отрицательных последствий, возникающих при передвижении воинских частей: «полезно было бы дозволить полкам, имеющим слишком обширные библиотеки, сдавать, при передвижениях, избыток книг на хранение в ближайшие команды местных войск до тех пор, пока полки армии не будут расквартированы при лучших условиях.

Таблица 2

**Сведения о 58 офицерских библиотеках при 58 батальонах
губернских городов Европейской России¹**

№ группы	Количество библиотек в группе	Количество чинов в каждой библиотеке / всего	Общие вычеты 1½ % с денежного содержания		Недостаток денежных средств в каждой библиотеке	Общий недостаток денежных средств в каждой группе
			Руб.	Коп.	Руб.	Руб.
1	3	23/69	193	–	67	201
2	3	16/48	132	15	127	381
3	1	24/24	197	47	62	62
4	1	13/13	80	82	179	179
5	7	19/133	151	72	108	756
6	14	26/364	202	36	57	798
7	3	27/81	217	–	43	129
8	2	32/64	236	81	23	46
9	1	34/34	245	89	14	14
10	1	35/35	250	–	10	10
11	1	27/27	185	16	74	74
12	1	26/26	180	58	79	79
13	1	19/19	105	28	154	154
14	1	23/23	122	78	137	137
15	1	32/32	253	–	–	–
16	8	К окружным библиотекам				
17	2	17/34	135	–	125	250
18	2	13/26	101	–	159	318
19	5	10/50	66	–	194	980
Итого:	58	384/1134	3047	02	1612	4568

¹ Об устройстве военных библиотек. С. 215.

Этими остатками библиотеки могут пользоваться полки вновь приходящие, которые, в свою очередь, оставят избыток книг. Таким образом, со временем, составились бы хорошие местные библиотеки, значение которых не трудно предвидеть. Допустив такую меру, нужно было бы обратить особенное внимание на помещение будущих библиотек при уездных командах местных войск, приблизительно в следующих размерах: для полковых – квартира штаб-офицера, для батальонных – женатого обер-офицера, для уездной команды местных войск – штаб-офицерская»¹; 2) значительная экономия государственных средств и денег пользователей этих библиотек за счет включения в их состав местных и резервных воинских частей, дислоцированных в самих губернских городах, а также расположенных недалеко от них; 3) формирование прообраза будущих библиотек при военных собраниях гарнизонов путем вхождения в их состав представителей от губернских батальонов и различных воинских частей.

1 января 1874 г. Александр II утвердил «Устав о воинской повинности» и подписал по этому поводу специальный манифест. Введенный устав создавал условия для обеспечения роста обученных людских резервов и превращения вооруженных сил России в современную массовую армию. Сухопутные войска состояли из: 1) постоянного войска (подразделявшегося на: а) регулярные и б) казачьи войска и инородческую милицию); 2) государственного ополчения. Регулярные войска, в свою очередь, подразделялись на полевые или подвижные и местные. Задачами местных войск было несение местной и конвойной службы, формирование запасных и резервных батальонов. Распределение таких батальонов по военным округам отражено в таблице 3.

Активизации работы Военного министерства, начальников и коман-

диров, офицеров по устройству офицерских библиотек более всего способствовали два фактора: 1) формирование нормативно-правовой базы, регламентирующей их создание и деятельность, – подготовка и введение в действие «Устава военных собраний», при каждом из которых полагалось создавать библиотеку², «Положения об офицерских собраниях в отдельных частях войск»³; 2) финансовая помощь со стороны государства. Не остался в стороне от этой проблемы и «Военный сборник», который продолжил публикацию ряда дискуссионных статей по устройству войсковых офицерских библиотек⁴.

В 1872 г. военным ведомством был предпринят ряд мер, способствовавших улучшению материального положения офицеров. Одной из них было выделение особой суммы на организацию военных собраний и офицерских библиотек при них. Так, 6 января 1873 г. военный министр генерал-адъютант Д.А. Милютин подписал приказ № 8. Согласно ему, с 1872 г. прекратили выдавать пособия армейским офицерам, а средства, прежде выделяемые на эту статью расходов, направили на улучшение их общественного быта, распределив их следующим образом: 50 % суммы предназначалось на устройство и содержание офицерских собраний и общих столовых, по 25 % – на офицерские библиотеки и усиление офицерских вспомогательных капиталов.

² Устав военных собраний. Приказ по военному ведомству № 289 от 4-го ноября 1874 г. // Правила офицерского собрания лейб-гвардии Волынского полка. Варшава, 1880. С. 3-20.

³ Положение об офицерских собраниях в отдельных частях войск. Приказ по военному ведомству № 279 от 15-го сентября 1884 г. Санкт-Петербург, 1884. 2 с.

⁴ К вопросу об устройстве военных собраний // Военный сборник. 1872. № 3. С. 165-175; Несколько слов об устройстве военных бесед в офицерских собраниях и о военных библиотеках для нашей армии / Ъ // Там же. 1873. № 10. С. 317-336; Об устройстве в частях войск комитетов для заведывания офицерскими: капиталом, библиотекой и столовой / В. И. С. // Там же. 1876. № 3. С. 144-157; По поводу нового положения об офицерских собраниях // Там же. 1885. № 1. С. 19-34.

¹ Устройство полковых и батальонных библиотек / В. С. // Военный сборник. 1866. № 6. С. 271.

Таблица 3

**Количество/названия местных и губернских батальонов
в военных округах на 1875 г.¹**

Названия военных округов (количество батальонов в них)	Названия местных и губернских батальонов
Петербургский [3]	местные: Петербургский, Петрозаводский, Архангельский
Виленский [3]	местные: Виленский, Рижский; губернский: Лифляндский,
Варшавский [1]	Варшавский местный
Киевский [1]	Киевский местный
Одесский [1]	Одесский местный
Харьковский [0]	–
Московский [2]	местные: Московский, Вологодский
Казанский [6]	местные: Казанский, Вятский, Пермский, Симбирский, Астраханский, Самарский
Кавказский [2]	местные: Екатеринодарский, Тифлисский
Оренбургский [2]	местные: Уфимский, Оренбургский
Западно-Сибирский [3]	губернские: Тобольский, Томский, Омский
Восточно-Сибирский [3]	губернские: Красноярский, Иркутский, Благовещенский
Туркестанский [1]	Ташкентский губернский
Итого батальонов: 28	

Согласно «Расписанию сумм, подлежащим к отпуску в 1873 году частям армейских войск, на предмет улучшения быта офицеров», высочайше утвержденному 22 декабря 1872 г., на вышеуказанные цели губернским батальонам, имеющим более 20 офицеров, выделялось 400 руб.; от 15 до 20 офицеров – 300 руб.; от 10 до 14 офицеров – 200 руб.; резервным батальонам –

100 рублей. Размеры сумм, отпускаемых на эти нужды в 1873–1893 гг., представлены в таблице 4.

Еще одной мерой финансовой поддержки военных собраний при воинских частях, в том числе местных и губернских батальонов, было выделение денежных средств из государственной казны на оплату помещений для них, а также отопление и освещение.

¹ Справочная книжка для русских офицеров / сост. по Высочайшему повелению Генерального штаба генерал-майором Н.В. Махотиным; при содействии: проф. Николаевской инж. акад. и училища инженер-генерал-майора А.И. Квиста, проф. Михайловской артиллер. акад. и училища гвард. кон. артиллерии полковника Фишера и помощника начальника Воен.-юр. акад. и училища, канд. прав., артиллерии подполковника Володимирова. Санкт-Петербург: Тип. 2-го отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1875. С. 3, 32, 34–38 [4-й ряд].

Таблица 4

Суммы, подлежащие к отпуску частям армейских войск на улучшение общественного быта офицеров армейских войск в 1873-1893 гг.

Батальоны и количество офицеров в них		1873 ¹	1877 ²	1878 ³	1879 ⁴	1880 ⁵	1881 ⁶	1885 ⁷	1887 ⁸	1893 ⁹
Резервный пехотный батальон (кадровый)		-	-	400	400	400	380	360	335	-
Местный батальон		-	-	-	-	-	-	300	300	-
Местный батальон	более 20 офицеров	400	400	400	400	400	400	-	-	-
	от 15 до 20 офицеров	300	300	300	300	300	300	-	-	-
	от 10 до 14 офицеров	200	200	200	200	200	-	-	-	-
	в губернских городах (7-8 офицеров)	150	150	-	-	-	-	-	-	-
Запасному батальону: пехотному, стрелковому и саперному по:		100	100	-	-	-	-	-	-	-
Резервный пехотный батальон	от 33 до 36 офицеров	-	-	-	-	-	-	-	-	470
	от 29 до 30 офицеров	-	-	-	-	-	-	-	-	400
	от 25 до 26 офицеров	-	-	-	-	-	-	-	-	345
	от 21 офицера	-	-	-	-	-	-	-	-	280

В 1885 г. император Александр III утвердил постановление Государственного совета об отпуске по смете этого года 100 тыс. рублей на эти нужды. Право расходования данной суммы было предоставлено командующим военными округами. Приказом по военному ведомству № 97 от 6 мая 1885 г.

оно вводилось в действие. К документу прилагалась ведомость окладов, которые устанавливались на наем помещений для офицерских собраний воинских частей. Тем частям, что не использовали казармы под собрания, полагалась полная компенсация за аренду помещения.

¹ Приказ по военному ведомству № 8 от 6-го января 1873 г.

² Приказ по военному ведомству № 77 от 3-го марта 1877 г.

³ Приказ по военному ведомству № 292 от 6-го ноября 1878 г.

⁴ Приказ по военному ведомству № 256 от 12-го сентября 1879 г.

⁵ Приказ по военному ведомству № 156 от 2-го июня 1880 г.

⁶ Приказ по военному ведомству № 182 от 25-го июня 1881 г.

⁷ Приказ по военному ведомству № 114 от 29-го мая 1885 г.

⁸ Приказ по военному ведомству № 97 от 21-го мая 1887 г.

⁹ Приказ по военному ведомству № 59 от 12-го марта 1893 г.

Четвертая часть денежных средств выделялась на расходы по отоплению и освещению тем воинским частям, военные собрания которых были в казармах, но при условии, что им не отпускались деньги на эти цели от казны, города или земства. Решением командующего военным округом воинским частям, не имевшим своих военных собраний, а принимавшим участие в общих гарнизонных собраниях, из полного оклада выплачивалась только часть на их содержание, а оставшиеся свободные денежные средства использовались для оказания помощи наиболее нуждавшимся военным собраниям (табл. 5).

Ежегодное выделение денежных средств из государственной казны, несмотря на то, что они не в полной мере покрывали все расходы по библиотеке, благотворно отразилось на устройстве

офицерских библиотек в губернских местных батальонах.

Согласно данным таблицы 3, в состав Западно-Сибирского военного округа входили три губернских батальона – 50-й Тобольский, 51-й Томский, 71-й Омский, в состав Восточно-Сибирского военного округа – 52-й Красноярский, 53-й Иркутский и 72-й Благовещенский. 14 января 1876 г. военный министр Д.А. Милютин подписал приказ, который ввел в действие указ императора Александра II «О переименовании губернских батальонов, уездных, этапных и постовых команд отдаленных округов в местные батальоны и команды»¹. Губернские батальоны (50-й Тобольский, 51-й Томский, 52-й Красноярский, 53-й Иркутский, 69-й Ташкентский, 70-й Верненский, 71-й Омский и 72-й Благовещенский) переименовывались в местные батальоны.

Таблица 5

Ведомость окладов, определенных на наем помещений для офицерских собраний воинских частей, расположенных в военных округах в 1885–1895 гг.

Разряды местностей	Местные резервные и линейные батальоны						Местные резервные. крепостные, линейные, пехотные батальоны			
	1885 г. ²		1886 г. ³		1887 г. ⁴		1893 г. ⁵		1895 г. ⁶	
	Полный оклад	¼ оклада	Полный оклад	¼ оклада	Полный оклад	¼ оклада	Полный оклад	¼ оклада	Полный оклад	¼ оклада
1	250	65	400	100	550	165	600	150	650	160
2	200	50	300	75	400	100	480	120	425	105
3	150	40	230	60	330	85	360	90	350	90
4	130	35	200	50	270	70	300	75	300	75
5	100	25	150	40	200	60	240	60	250	60

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. LI. Отделение первое. 1876: От № 55436–56149. Санкт-Петербург, 1878. С. 20.

² Приказ по военному ведомству № 97 от 6-го мая 1885 г.

³ Приказ по военному ведомству № 76 от 8-го апреля 1886 г.

⁴ Приказ по военному ведомству № 90 от 10-го мая 1887 г.

⁵ Приказ по военному ведомству № 145 от 16-го июня 1893 г.

⁶ Приказ по военному ведомству № 144 от 11-го июня 1895 г.

Свою историю 50-й Тобольский батальон ведет с 19 февраля 1711 года. К 18 марта 1865 г., когда он был переименован в 50-й Тобольский губернский батальон, он 10 раз менял свое наименование. 14 марта 1876 г. он был переименован в Тобольский местный батальон. С этого же года известно о существовании библиотеки при нем, о чем свидетельствует ее первый печатный каталог, изданный в 1876 году¹. Выявленный каталог книг принадлежал портупей-юнкеру, а затем прапорщику Захарову, на что указывает запись от руки на титульном листе каталога. Автором настоящей статьи установлено, что прапорщик Николай Иванович Захаров в 1879 г. исполнял должность заведующего оружием Тобольского местного губернского батальона².

Согласно этому каталогу, фонд библиотеки состоял из шести отделов: I. «Военные науки»; II. «История»; III. «Естественные науки, статистика и путешествия и книги для детей»; IV. «Словесность»; V. «Смесь»; VI. «Журналы». В ней насчитывалось 384 названия в 801 томе. В библиотеку выписывалось 25 наименований журналов. В первом дополнении³ к данному каталогу сохранились и количество, и названия отделов. В него вошли издания, поступившие в 1876-1877 гг. (97 названий в 164 томах). Второе дополнение⁴ к каталогу библиотеки Тобольского местного батальона включало книги, выписанные в последующие два года (69 названий в 108 томах).

Таким образом, к началу 1880 г. в офицерской библиотеке Тобольского местного батальона (командир батальона подполковник Г.А. Битнер) насчитывалось 550 названий книг в 1073 томах.

В 1882 г. часть переименовали в Тобольский резервный пехотный (кадровый) батальон. В этом же году был напечатан очередной каталог его книжного собрания⁵ (544 названия в 1022 томах). В первое дополнение⁶ к библиотечному каталогу были внесены издания, полученные в 1882-1883 гг. (36 названий в 40 томах). К январю 1884 г. в ней числилось 580 названий книг в 1062 томах.

В 1890 г. из печати вышел очередной каталог этой библиотеки⁷. В нем насчитывалось 575 названий в 998 томах. В библиотеку выписывалось 31 наименование журналов, из военных только один – «Военный сборник». Все подсчеты в каталогах и дополнениях к ним библиотеки батальона произведены автором статьи. Общее количество названий книг и их томов указано без количества наименований журналов и количества номеров. Представленные в статье каталоги книг и дополнения к ним, а также правила⁸ библиотеки Тобольского местного батальона выявлены автором и вводятся в научный оборот впервые.

Делами военного собрания батальона заведовал Распорядительный

¹ Каталог книгам библиотеки Тобольского местного батальона. Тобольск, 1876. 24 с.

² Адрес-календарь Западной Сибири на 1879 год: 2 ч.: (с приложением краткого статистического обзора о состоянии Западной Сибири с 1874 по 1878 годы) / сост. ст. чиновником особых поручений при генерал-губернаторе Западной Сибири А. Круссеровым. Омск: Тип. Акмолинск. обл. правления, [1879]. С. 22 (1-й ряд).

³ Первое дополнение к Каталогу библиотеки Тобольского местного батальона: книги, выписанные в 1876 и 1877 гг. Тобольск, [1878]. С. 25-27.

⁴ Второе дополнение к каталогу библиотеки Тобольского местного батальона: книги, выписанные в 1878 и 1879 гг. Тобольск: Тип. Декова, 1879. С. 29-31.

⁵ Каталог книгам библиотеки Тобольского местного батальона на 1882 г. Тобольск: Лит. Тобол. местного батальона, [1883]. 41 с.

⁶ Первое добавление к каталогу книг библиотеки Тобольского резервного пехотного (кадрового) батальона: на 1882 и 1883 год. Тобольск: Тип. Ф. Декова, [1883]. 3 с.

⁷ Каталог книгам библиотеки Тобольского резервного пехотного (кадрового) батальона: на 1890 г. Тобольск: Лит. Тобол. резерв. пехот. батальона, [1891]. 51 с.

⁸ Правила пользования книгами из библиотеки Тобольского местного батальона // Каталог книгам библиотеки Тобольского местного батальона на 1882 год. Тобольск, [1883]. С. 37-41; Положение об офицерских собраниях в отдельных частях войск с дополнениями к нему, принятыми для офицерского собрания Тобольского резервного пехотного батальона, и правила для пользования книгами из библиотеки собрания. Утверждены командиром батальона 1 ноября 1896 г. Тобольск: Тип. Епарх. братства, 1896. 23 с.

комитет (РК), председателями которого были: капитан Н.П. Зоценко (1889 г.), штабс-капитан П.П. Серебренников (1890 г.), капитаны: В.С. Нагибин (1891 г.), С.Н. Мамеев (1892–1893 гг.), Н.Ф. Насонов (1894 г.). Собрание помещалось в наемном доме Сыромятникова по Береговой улице, а в 1890–1894 гг. собрание также не имело своего отдельного помещения, офицеры батальона арендовали помещение Общественного собрания, в котором зимой они проводили танцевальные вечера, а в летнее время собрание размещалось в лагере. С 1891 г. офицерами батальона и членами их семей начали ставиться спектакли. Собранные средства направлялись на организацию культурного досуга солдат и улучшение положения воспитанников военно-музыкальной школы при батальоне [6, с. 86]. С 1897 г. военное собрание батальона стало помещаться в собственном здании. Годовой членский взнос с офицеров на его нужды составлял 6 рублей.

51-й Томский батальон ведет свою историю с 19 февраля 1711 г., как и Тобольский. Он так же, как и Тобольский батальон, 10 раз менял свое название и с 18 марта 1865 г. стал называться Томским губернским батальоном. 14 января 1876 г. он был переименован в Томский местный губернский батальон. Открытие офицерской библиотеки при нем состоялось 17 октября 1879 г. с разрешения военного министра генерал-адъютанта Д.А. Милютина. В 1880 г. в ее фонде числилось 2230 томов.

52-й Красноярский губернский батальон был сформирован в 1865 г. С 1876 г. это – Красноярский местный батальон, с 1882 г. – Красноярский резервный (кадровый) батальон. В 1889 г. подразделение включили в состав 27-й Местной бригады. С 1900 г. воинская часть именовалась Красноярским резервным батальоном. Каких-либо сведений об

офицерских библиотеках при них пока установить не удалось.

53-й Иркутский губернский батальон был сформирован в 1865 г. В 1876 г. он стал называться Иркутским местным батальоном. Офицерское собрание этого батальона было открыто в 1880 году. В 1883 г. подразделение переименовали в Иркутский резервный (кадровый) батальон, в 1889 г. данная воинская часть вошла в состав 27-й Местной бригады. В 1893 г. был опубликован каталог батальонной библиотеки (табл. 6).

Как уже отмечалось выше, к важным задачам губернских батальонов относились прием и обучение рекрутов. Военные библиотеки были призваны помочь их решению. Поэтому не случайно в каталоге библиотеки Иркутского резервного пехотного батальона в отделе X. «Военные науки и уставы» (второй по численности книг после отдела VIII. «Произведения изящной словесности») встречается достаточно много различных уставов, учебников, руководств, наставлений, положений, пособий и др.¹.

¹ См., например: Запасник П.С. Пособие при обучении молодых солдат в пехоте. Санкт-Петербург: Тип. Н.А. Лебедева, 1887. 220, IV с.; Абаза К.К., Силаков М. Руководство по обучению в начальных военных школах. Санкт-Петербург: Н. Фену и К°, 1873. [8], 122 с.; Книга для чтения русскими солдатами всех родов оружия: Для клас. чтения в учеб. командах, рот., эскадрон., сотен., батареин. и экипаж. шк. / сост. Старый ротный командир [псевд.]. 10-е изд., испр. Санкт-Петербург: В. Березовский, 1908. 152 с.: ил., портр.; Правила для обучения гимнастике в войсках. Санкт-Петербург: Воен. тип., 1859. [2], II, 192 с.: ил.; Гарнизонная служба для нижних чинов: По изд. 1884 г. Санкт-Петербург: В. Березовский, 1884. 108 с.; Воинский устав о гарнизонной службе. Санкт-Петербург: Воен. тип., 1884. VIII, 155, 24 с., 1 л. ил.; Устав о внутренней службе в пехотных войсках. Санкт-Петербург: Воен. тип., 1877. [2], III, 187 с., 1 л. ил.; Сборник тактических задач на планах и в поле, [искусство вести двухсторонние маневры и учения с предполагаемым или обозначенным противником]: сост. согласно инструкции для исполнения тактических задач на планах [под ред. ген.-лейт. Н.А. Измайлова]. Санкт-Петербург: Тип. В. Безобразова и К°, 1881. 294, II с., 1 л. карт. и др.

Таблица 6

**Каталог офицерской библиотеки
Иркутского резервного пехотного батальона 1893 г.**

Отделы	Названия отделов	Количество названий
I	Книги духовно-нравственного содержания	2
II	Философия, логика и психология	28
III	История с ее вспомогательными науками	63
IV	География, этнография, путешествия и статистика	31
V	Математика, механика и геодезия	17
VI	Естественные науки	31
VII	Иностранные языки	7
VIII	Произведения изящной словесности	440
IX	Периодические издания	31
	Периодические издания за 1892 г.	8
X	Военные науки и уставы	186
XI	Военно-исторический	95
XII	Смесь	51
Итого:		990

В 1897-1898 гг. председателем Распорядительного комитета военного собрания был подполковник П.К. Вставский. В состав комитета входили капитаны Н.И. Федоров, Э.П. Попов, штабс-капитан И.П. Зарембо. Хозяином собрания числился штабс-капитан Н.С. Шарапов, а библиотекарем – подпоручик М.М. Крымский. В последующие годы обязанности библиотекаря офицерского собрания Иркутского резервного батальона исполняли поручик Н.И. Соболевский (1901–1902 г.); подпоручик П.И. Стрекаловский (1903); поручик Ф.Ф. Борисов (1904).

6 августа 1865 г. из офицеров и нижних чинов 2-й, 22-й, и 24-й пехотных дивизий в г. Омске сформировали 71-й пехотный резервный батальон, 21 июля 1873 г. переименованный в 71-й Омский губернский. С этого года берет свое начало офицерская библиотека данной части. На приобретение книг и журналов из государственной казны для нее ежегодно выделялось 400 рублей. В 1873 г.

в ней насчитывалось 207 книг и 2 газеты [3, с. 102]. 6 января 1876 г. батальон был переименован в Омский местный, а с 1882 г. – Омский резервный (кадровый). В 1889 г. он вошел в состав 26-й Местной бригады, а в 1900 г. снова стал называться Омским резервным. Офицеры батальона были членами Омского гарнизонного военного собрания, а командир 3-й роты батальона капитан Н.Е. Шухов – его библиотекарем².

Многолетняя поисковая работа позволила выявить 551 каталог военных библиотек (с дополнениями), копии которых хранятся в архиве автора статьи. Из них 293 принадлежат войсковым офицерским библиотекам, из кото-

¹ Каталог книг Офицерской библиотеки Иркутского резервного пехотного батальона: к 1-му января 1893 г. Иркутск: Тип. штаба Иркутск. воен. округа, 1893. 49 с.

² Справочная книжка на 1894 г. о должностных лицах правительственных и общественных установлений Омского военного округа и Степного генерал-губернаторства. Омск: Тип. окружного штаба, 1893. С. 6, 10.

рых 6 – офицерские библиотеки различных резервных воинских частей¹.

В 1867 г. были открыты 2 библиотеки в Оренбурге – Белебеевского резервного батальона (Рымникского полка) и 96-го Резервного кадрового батальона (Орского) [9, с. 104–105].

Самарский исследователь М.В. Курмаев выявил наличие библиотеки при офицерском собрании 1-й бригады кавалерийского запаса, о чем свидетельствует ее каталог, составленный в 1895 г. штабс-ротмистром Е.И. Аркадьевым². Опираясь на архивные источники, он отмечает, что в начале XX в. в губерниях Среднего Поволжья (Пензенской, Симбирской и Самарской) имелись специальные (офицерские) библиотеки в 54-й резервной бригаде, 214-м Мокшанском пехотном полку, 244-м Борисовском и 215-м Бузулукском резервных батальонах [10, т. 2, с. 474].

Имелась офицерская библиотека и при 250-м резервном Ахульгинском батальоне³, о чем свидетельствует ее систематический каталог, предположительно изданный в 1902 году.

В указанный период Военное министерство проявляло заботу не только о создании офицерских библиотек при губернских резервных (кадровых бата-

льонах), но и об обучении грамоте нижних чинов и обеспечении их учебными пособиями. Так, на основании приказов по военному ведомству 1889 г. № 157 и 1890 г. № 281 на обучение грамотности и учебные пособия для нижних чинов Тобольскому резервному (кадровому) батальону выделялось 55 руб.; Томскому – 76 руб.; Омскому – 105 руб.; Красноярскому (приказы по военному ведомству 1887 г. № 44, 1889 г. № 143, 1890 г. № 1 и 281) – 98 руб.; Иркутскому и Сретенскому (приказы по военному ведомству 1886 г. № 155, 1887 г. № 44, 1888 г. № 269, 1889 г. № 143 и 278, 1890 г. № 281) – 121 руб. и 53 руб. соответственно⁴. Размер выделяемой суммы на эти цели зависел от штатной численности нижних чинов в этих батальонах. Подобное было характерно и для воинских частей, расположенных в других регионах Российской империи.

Таким образом, во второй половине XIX в. были разработаны, приняты и введены в действие нормативно-правовые документы, необходимые для устройства, финансирования, комплектования и функционирования офицерских библиотек при губернских пехотных резервных батальонах. Часть расходов по их содержанию брало на себя государство, ежегодно выделяя на эти цели определенные суммы, а также компенсируя расходы на аренду, освещение и отопление помещений для офицерских собраний с их книжными фондами.

В этот период сложилось четкое понимание необходимости хорошо подготовленных и мобильных резервов, способных быстро и качественно пополнить действующую армию. В повышении уровня офицеров и начальной подготовке новобранцев, организации их культурного досуга важное

¹ Каталог библиотеки офицерского собрания 1-й бригады кавалерийского запаса / сост. штабс-ротмистр Аркадьев. Сызрань: Типолит. Синявского, 1895. 28 с.; Систематический каталог книг библиотеки офицерского собрания 227 Балашовского резервного полка / сост. к 6 января 1906 г. штабс-капитаном Згерским. Гор. Саратов. Саратов: Тип. Л.А. Закса, 1903. 66 с.; Каталог книг офицерского собрания 226-го пехотного резервного Бобруйского полка. Царицын: Тип. М.К. Орловой, 1905. 30 с.; Каталог библиотеки 1-й резервной артиллерийской бригады / сост. капитан П.А. Голощапов. Двинск: Тип. «Двинского листка», 1909. 102 с.; Каталог книг офицерской библиотеки Ветлужского резервного батальона. Сост. 15 января 1899 года. Казань: Тип. и лит. А.А. Родионова, 1899. 44 с.; Каталог библиотеки 235-го Спасского резервного батальона / сост. подпоручиком Распоповым. 1901 год. Казань: Типолит. В.М. Ключникова, 1901. 27 с.

² Каталог библиотеки офицерского собрания 1-й бригады кавалерийского запаса / сост. штабс-ротмистр Аркадьев. Сызрань: Типолит. Синявского, 1895. 28 с.

³ Опыт систематического каталога войсковой библиотеки // Вестовой. 1902. № 74. С. 1.

⁴ Сборник расчетных ведомостей сумм, потребных по интендантской смете на денежное довольствие частей войск, управлений и заведений. Сборник составлен по Главному Интендантскому управлению согласно св. шт. изд. 1885 г. и приказов по военному ведомству до № 340 (включительно) 1891 г. Санкт-Петербург: Тип. Высочайше утвержденного Товарищества «Общественная Польза», 1892. Л. 76–78.

место занимает литература, прежде всего художественная и специальная. Для обеспечения ею военнослужащих начали создавать библиотеки при вновь формируемых губернских пехотных резервных батальонах. Понимая значимость этого явления, редакция журнала «Военный сборник», который имелся во всех военных библиотеках страны, развернула на своих страницах дискуссию по вопросу их учреждения, количества, размещения, финансирования, комплектования. Был разработан кон-

кретный план, предполагавший их организацию в 58 губернских центрах.

Полнота реализации этого плана еще ждет своего подробного изучения. Но уже сейчас, на начальном этапе исследования, можно утверждать, что определенные результаты были достигнуты. Часть библиотек открылась для пользователей, и, что не менее важно, появились определенные, в том числе нормативно-правовые, организационные, финансовые, условия для его дальнейшего воплощения.

Список литературы

1. Зайончковский П.А. Военные реформы 1860–1870 годов в России. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1952. 370 с.
2. Кузнецов М.Ю. Особенности организации управления местными войсками Восточно-Сибирского военного округа в 1865–1884 гг. // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14, № 3. С. 136–149.
3. Гефнер О.В. Военные библиотеки в культурной инфраструктуре Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. // Культурологические исследования в Сибири. Омск, 2003. № 3 (11). С. 100–106.
4. Гефнер О.В. Военные в г. Тобольске во второй половине XIX – начале XX в.: социальная и культурная деятельность // Вестник Омского университета. 2012. № 2. С. 308–314.
5. Гефнер О.В. Сибирский краевед полковник С.Н. Мамеев – историк, библиограф, архивист, ботаник // Краеведение как феномен провинциальной культуры: материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 125-летию Андрея Федоровича Палашенкова (1886–1971) (Омск, 27–29 окт. 2011 г.) / Омск. гос. ист.-краевед. музей. Омск, 2011. С. 415–418.
6. Гефнер О.В. Театральная деятельность военных в культурной жизни городов Западной Сибири (конец XIX – начало XX в.) // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 376. С. 85–89.
7. Гефнер О.В. Читательские интересы военных Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. // Вестник Омского государственного университета. 2004. № 3. С. 112–115.
8. Панченко А.М. Передвижения воинских частей как один из факторов отрицательного влияния на состояние офицерских библиотек // Научное и культурное взаимодействие в контексте развития книгоиздания, книгообмена и науки о книге. К 15-летию Центра исследования книжной культуры: материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 8–10 нояб. 2016 г.). Москва, 2016. С. 158–164.
9. Савинова Т.Н. Библиотеки Оренбургского гарнизона середины XIX – начала XX века // Библиотековедение. 2011. № 4. С. 102–107.
10. Курмаев М.В. Книжная культура Среднего Поволжья конца XVIII – начала XX вв. (на материалах Пензенской, Симбирской и Самарской губерний): дис. ... д-ра ист. наук: в 2 т. Самара. 2010. Т. 2. С. 304–728.

Сведения об авторе:

Панченко Анатолий Михайлович, доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Российской академии наук (ГПНТБ СО РАН)

ул. Восход, 15, Новосибирск, 630102
a.m.panchenko@mail.ru

Дата поступления статьи: 22.09.2023

Одобрено: 27.10.2023

Дата публикации: 17.11.2023

Для цитирования:

Панченко А.М. Офицерские библиотеки при губернских резервных пехотных батальонах Российской империи во второй половине XIX века: планы и реальность // Сфера культуры. 2023. № 4 (14). С. 113-130. DOI: 10.48164/2713-301X_2023_14_113

УДК 026:355(091)(470+571)

DOI: 10.48164/2713-301X_2023_14_113

A.M. Panchenko

Novosibirsk
the State Public Scientific and Technological Library of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences
a.m.panchenko@mail.ru

OFFICERS' LIBRARIES AT THE PROVINCIAL RESERVE INFANTRY BATTALIONS OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE SECOND HALF OF THE XIXTH CENTURY: PLANS AND REALITY¹

On the basis of a wide range of pre-revolutionary sources, for the first time, the initiative role of the editorial board of the Military Collection journal in organizing a discussion of various options for the construction of officers' libraries, including under the provincial reserve infantry battalions, has been shown. Financial estimates of this edition on the creation of officers' libraries at 58 provincial battalions in the provincial cities of European Russia are presented. The total number of provincial battalions in which officers'

libraries could presumably be located has been established. The role of the state in their financing is revealed. Specific examples of the creation of officers' libraries of the Tobolsk and Irkutsk reserve infantry battalions in Siberia based on printed catalogs and their supplements are given.

Keywords: library, officers' library, history of military librarianship, library catalog, provincial reserve infantry battalion, "Military collection", War ministry, financing of libraries.

¹ The article was prepared according to the plan of research work of the State Public Scientific and Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences as part of the scientific project No. 122041100088-9 "Transformation of book culture in social communications of the XIXth-XXth centuries".

References

1. Zajonchkovskij, P.A. (1952) *Voenny`e reformy` 1860–1870 godov v Rossii* [Military Reforms of 1860–1870 in Russia]. Moscow: Moscow University Publishing House. (In Russian).
2. Kuznecov, M.Yu. (2018) Osobennosti organizacii upravleniya mestny`mi vojskami Vostochno-Sibirskogo voennogo okruga v 1865–1884 godah [Features of the Control Organization of Local Troops of the East Siberian Military District in 1865–1884]. *Izvestiya Laboratorii drevnix texnologij* [Bulletin of the Laboratory of Ancient Technologies], Vol. 14, No. 3, 136–149. (In Russian).
3. Gefner, O.V. (2003) Voenny`e biblioteki v kul`turnoj infrastrukture Zapadnoj Sibiri vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vekov [Military Libraries in the Cultural Infrastructure of Western Siberia in the Second Half of the XIXth – Early XXth Centuries]. *Kul`turologicheskie issledovaniya v Sibiri* [Cultural Studies in Siberia]. Omsk, No. 3 (11), 100–106. (In Russian).
4. Gefner, O.V. (2012) Voenny`e v gorode Tobol`ske vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka: social`naya i kul`turnaya deyatel`nost` [Military in Tobolsk in the Second Half of the XIXth – Early XXth Centuries: Social and Cultural Activity]. *Vestnik Omskogo universiteta* [Bulletin of Omsk University], No. 2, 308–314. (In Russian).
5. Gefner, O.V. (2011) Sibirskij kraeved polkovnik S.N. Mameev – istorik, bibliograf, arxivist, botanik [Siberian Local Historian Colonel S.N. Mameev – Historian, Bibliographer, Archivist, Botanist]. *Kraevedenie kak fenomen provincial`noj kul`tury` : Vserossiyskaya nauchno-prakticheskaya konferenciya, posvyashhennaya 125-letiyu Andreyu Fedorovichu Palashenkova (1886–1971) (Omsk, 27–29 oktyabrya 2011 goda)* [Local History as a Phenomenon of Provincial Culture: Materials of All-Russian Scientific-Practical Conference Dedicated to the 125th Anniversary of Andrei Fedorovich Palashenkov (1886–1971) (Omsk, October 27–29, 2011)]. Omsk: Local History Museum, 415–418. (In Russian).
6. Gefner, O.V. (2013) Teatral`naya deyatel`nost` voenny`x v kul`turnoj zhizni gorodov Zapadnoj Sibiri (konecz XIX – nachalo XX veka) [Theatrical Activities of the Military in the Cultural Life of Cities of Western Siberia (Late XIXth – Early XXth Centuries)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], No. 376, 85–89. (In Russian).
7. Gefner, O.V. (2004) Chitatel`skie interesy` voenny`x Zapadnoj Sibiri vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vekov. [Readers' Interests of the Military of Western Siberia in the Second Half of the XIXth – Early XXth Centuries]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], No. 3, 112–115. (In Russian).
8. Panchenko, A.M. (2016) Peredvizheniya voinskix chastej kak odin iz faktorov otriczatel`nogo vliyaniya na sostoyanie oficerskix bibliotek [Movement of Military Units as One of the Factors of Negative Influence on the State of Officers' Libraries]. *Nauchnoe i kul`turnoe vzaimodejstvie v kontekste razvitiya knigoizdaniya, knigoobmena i nauki o knige. K 15-letiyu Centra issledovaniya knizhnoj kul`tury` : materialy` Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Moskva, 8–10 noyabrya 2016 goda)* [Scientific and Cultural Interaction in the Context of the Development of Book Publishing, Book Exchange and Book Science. To the 15th Anniversary of the Center for the Study of Book Culture: Materials of the International Scientific Conference (Moscow, November 8–10, 2016)]. Moscow, 158–164. (In Russian).
9. Savinova, T.N. (2011) Biblioteki Orenburgskogo garnizona serediny` XIX – nachala XX veka [Libraries of the Orenburg Garrison of the Mid-XIXth – Early XXth Centuries]. *Bibliotekovedenie* [Library Science], No. 4, 102–107. (In Russian).

10. Kurmaev, M.V. [2010] Knizhnaya kul'tura Srednego Povolzh'ya koncza XVIII – nachala XX vekov. (na materialax Penzenskoj, Simbirskoj i Samarskoj gubernij): *dissertaciya ... doktora istoricheskix nauk: v 2 tomax* [Book Culture of the Middle Volga Region of the Late XVIIIth – Early XXth Centuries. (Based on Materials from the Penza, Simbirsk and Samara Provinces): doctoral thesis in history: in 2 volumes]. Samara, Vol. 2, 304-728. [In Russian].

About the author:

Anatolij M. Panchenko, Doctor of Historical Sciences, Assistant Professor, Chief Researcher at the State Public Scientific Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

15 Voshod Str., Novosibirsk, 630102
a.m.panchenko@mail.ru

ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ И БИБЛИОГРАФИЯ

DOCUMENTARY LEGACY & BIBLIOGRAPHY

6

УДК 002.2+094.3

DOI: 10.48164/2713-301X_2023_14_133

А.Ю. Самарин

Москва

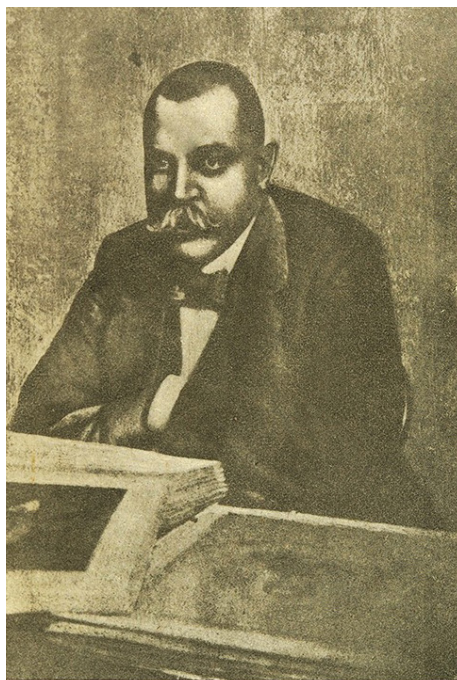
Российская государственная библиотека
samarinayu@corp.rsl.ru

Д.В. УЛЬЯНИНСКИЙ – НЕСОСТОЯВШИЙСЯ СОБИРАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ О РЕВОЛЮЦИОННОМ ДВИЖЕНИИ В РОССИИ

В исследовании рассмотрен неизвестный эпизод библиофильской деятельности знаменитого книгособиателя и библиографа Д.В. Ульянинского (1861–1918). В 1905–1906 гг. под влиянием революционных событий он начал формировать в своей библиотеке раздел, посвященный освободительному движению в России. Библиофил осознал сложность обеспечения полноты комплектования по данной тематике в условиях роста издательского репертуара, получившего название «брошюрный поток». В итоге он ликвидировал данный раздел своего собрания в августе 1906 года. В статье на основе рукописного «Каталога новых приобретений библиотеки» Д.В. Ульянинского приводятся сведения о составе «революционной коллекции» библиофила.

Ключевые слова: Д.В. Ульянинский, библиофильство, история библиографии, революция 1905–1907 гг., издания по истории освободительного движения в России.

Дмитрий Васильевич Ульянинский [1861–1918] [1] (ил. 1) сформировал одно из самых известных книжных собраний начала XX столетия. Уже современники отдавали должное подбору книг и их великолепной сохранности. Например, У.Г. Иваск писал: «Все без исключения книги, – как новые, так и старые, – превосходной сохранности, и в этом отношении собрание Ульянинского смело может быть названо единственным в своем роде. Вообще библиотека имеет характер в значительной степени библиофильский: она не была предназначена служить практическим целям, а являлась чем-то в роде коллекции художественных предметов» [2, с. 32]. Не случайно, что после гибели владельца в 1918 г. библиотеку приобрел Румянцевский музей [3]. Основными разделами книжного собирательства Ульянинского были библиография и книжное дело, русская литература, история просвещения, генеалогия и геральдика, Rossica [4].

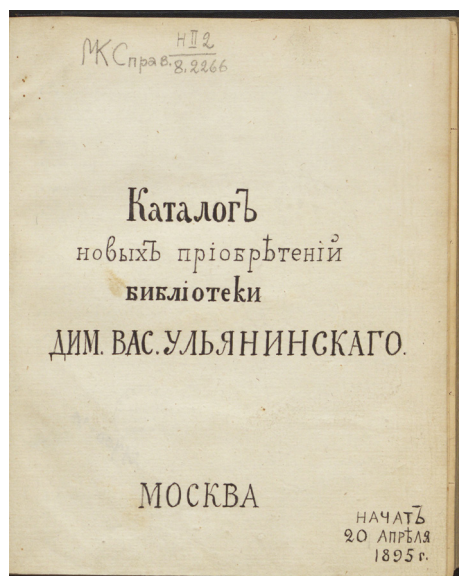

Ил. 1. Дмитрий Васильевич Ульянинский

Библиофил не сразу пришел к основным направлениям своих собирательских интересов. Из его воспоминаний «Среди книг и их друзей» известно, что он ликвидировал раздел редкостей, не соответствовавший основным направлениям его коллекционирования, но содержащий подлинные раритеты. «После этого я дал себе слово не разбрасываться и приобретать лишь то, что отвечает требованиям моей библиотеки», – утверждал Д.В. Ульянинский [5, с. 16-17].

В тех же воспоминаниях библиофил рассказал еще один случай, когда он «отступил от своей программы». Сформировав небольшую, но крайне ценную коллекцию из 9 летучих изданий (манифестов и указов) малолетнего императора Иоанна Антоновича, Д.В. Ульянинский затем продал ее в Императорскую Публичную библиотеку в Санкт-Петербурге. «Это было последнее уклонение от библиотечной программы, хотя и уклонение, прошедшее чрез мои руки удивительные раритеты. С тех пор я не отступаю от начертанных рамок...», – отмечал библиофил [5, с. 18-19].

Недавно автором данной статьи был найден рукописный двухтомный «Каталог новых приобретений библиотеки» Д.В. Ульянинского (ил. 2). Сам библиофил сообщал о нем: «В библиотеке моей ведется два каталога: первый с 1895 года в виде книги для занесения новых приобретений, в котором отмечается, когда, у кого и за какую цену приобретена каждая книга, а также делаются краткие записи обо особо примечательных обстоятельствах, сопровождавших ту или другую покупку» [5, с. 9]. Именно в этом источнике можно найти сведения не только о книгах, купленных Д.В. Ульянинским, затем подробно описанных на карточках и включенных в печатный каталог его библиотеки, но и об изданиях, которые покинули ее (были возвращены книгопродавцам из-за обнаруженных изъянов, проданы, обменены).

Ил. 2. Титульный лист первого тома рукописного «Каталога новых приобретений библиотеки Дим. Вас. Ульянинского»

Анализ «Каталога новых приобретений» позволяет утверждать, что был еще один момент, когда началось формирование нового раздела библиотеки Д.В. Ульянинского, закончившееся примерно через год. Для библиофила регулярные записи о книжных приобретениях, видимо, заменяли дневник в классическом его понимании. Как уже было сказано, в каталоге новых поступлений фиксировались различные ситуации, связанные с книжными покупками. И здесь, хотя и достаточно редко, он записывал что-то о событиях окружающей жизни, которые вызвали у него сильные эмоции.

Книгособиратель был явно потрясен революционными событиями декабря 1905 года. Тогда в «Каталоге» появилась запись: «9 числа началось в Москве вооруженное восстание пролетариата. На улицах баррикады. 10, 11, 12 – бой войск на улицах с восставшими революционерами. Все время залпы артиллерии. Сидим дома. Настроение самое удрученное, близкое к панике. Составляются планы бегства из квар-

тир» [6, с. 382]. Несколько дней спустя Д.В. Ульянинский зафиксировал развитие ситуации: «Восстание и сражения на улицах продолжались 13, 14, 15; 17-го громили артиллерией Пресню. 18-20 закончилось очищение занятых дружинами районов. С 21-го жизнь вошла в норму, а с 23-го разрешено выходить до 12 час. ночи» [6, с. 382].

Революция оказала своеобразное влияние на Д.В. Ульянинского, который вел размеренный образ жизни крупного чиновника, отдававшего все свое свободное время библиофильской страсти [Подробнее см.: 7; 8]. Он стал собирать книги об освободительном движении в России. Первая покупка такого рода была сделана 22 сентября 1905 года. В магазине Карбасникова¹ Д.В. Ульянинский приобрел «Исторические письма» П.Л. Лаврова (СПб., 1905) [6, с. 371]. В январе 1906 г. в том же магазине были куплены «История революционных движений в России» А. Туна (М., 1905) и «13 лет в Шлиссельбургской крепости. Записки Л.А. Волкенштейн» (СПб., 1905) [6, с. 385]. Затем в магазине П.Д. Путиловой [9, с. 204-205] внимание коллекционера привлек экземпляр «Подпольной России» С.М. Степняка-Кравчинского (СПб., 1905) [6, с. 385]. В марте 1906 г., благодаря антиквару-букинисту П.П. Шибанову [10], Д.В. Ульянинский стал обладателем сборника «Текущий момент» (М., 1906) [6, с. 389].

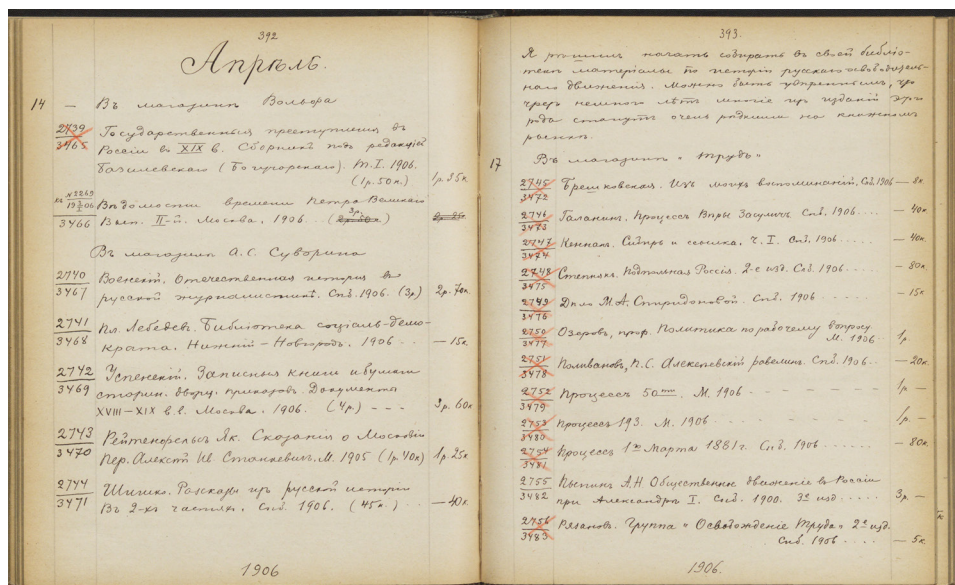
14 апреля 1906 г., посетив магазин М.О. Вольфа, библиофил купил первый том сборника «Государственные преступления в России в XIX в.» [1906] [6, с. 392]. После этого он оставляет запись дневникового характера в «Каталоге новых приобретений»: «Я решил начать собирать в своей библиотеке материалы по истории русского освободительного движения.

Можно быть уверенным, что чрез немного лет многие из изданий этого рода станут очень редкими на книжном рынке» [6, с. 393].

Сразу вслед за этим, 17 апреля 1906 г., Д.В. Ульянинский посетил магазин «Труд» С.А. Скирмунта [11, с. 128]², располагавшийся на Тверской улице в доме коллекционера А.А. Бахрушина, и приобрел полтора десятка книг для нового раздела своей библиотеки (ил. 3). В их числе были: «Из моих воспоминаний» Е.К. Брешко-Брешковской (СПб., 1906), «Процесс Веры Засулич» (СПб., 1906), «Сибирь и ссылка» (Ч. 1. СПб., 1906) Дж. Кеннана, второе издание «Подпольной России» А.С. Степняка-Кравчинского (СПб., 1906), «Дело М.А. Спиридоновой» (СПб., 1906), «Политика по рабочему вопросу в России за последние годы» (М., 1906) И.Х. Озерова, «Алексеевский ровелин: Отрывки из воспоминаний» П.С. Поливанова (СПб., 1906), «Процесс 50-ти / с предисл. В. Каллаша» (М., 1906), «Процесс 193-х / с предисл. В. Каллаша» (М., 1906), «Дело 1-го марта 1881 г.: Процесс Желябова, Перовской и др.: (Правительств. отчет): Со ст. и примеч. Льва Дейча: К 25-летию 1881-1906 гг.» (СПб., 1906), «Группа "Освобождение труда"» Д.Б. Рязанова (2-е изд. СПб., 1906), «Освободительная библиотека. Первый сборник» (СПб., 1906), «Очерк по истории "Земли и воли"» Э.А. Серебрякова (СПб., 1906), «Новое крестьянство. I. По губернии Беспокойной. II. Крестьянский съезд в Москве. III. Послесловие» В.Г. Тана-Богораза (2-е изд., доп. СПб., 1906), «Государственная власть и проекты государственной реформы в России: с приложением проекта конституции Никиты Муравьева» В.Е. Якушкина (СПб., 1906) [6, с. 393-394].

¹ Вероятно, речь идет о магазине Николая Павловича Карбасникова на Моховой улице, хотя не исключен и вариант, что это книготорговое предприятие его брата – Ксенофонта Павловича Карбасникова на улице Плющиха [См. о них: 9, с. 115-116].

² Магазин «Труд» специализировался на продаже книг по аграрному и рабочему вопросу, изданий по истории революционного движения в России, социал-демократической литературы [См.: 9, с. 226-227]. Современники отмечали, что «для читающего москвича считалось проступком быть на Тверской и не зайти в магазин» [11, с. 128].

Ил. 3. Записи Д.В. Ульянинского о начале коллекционирования книг об истории освободительного движения в России и приобретении изданий в магазине «Труд» С.А. Скирмунта

В последующие несколько месяцев Д.В. Ульянинский старается пополнить новый раздел своей библиотеки. Так, среди покупок, сделанных 4 мая 1906 г. «в юридическом книжном магазине» Ф.В. Бусыгина [9, с. 51], среди прочих значились: «Русская правда: Наказ Временному Верховному Правлению» П.И. Пестеля (СПб., 1906), «Освободительное движение в истории России» Е.И. Стратонова (М., 1906) [6, с. 396]. 17 мая 1906 г. в книжном магазине «Рассвет» на Арбате были куплены: «Революция в России» П.А. Кропоткина (СПб., 1906), «Дневник карийца» Я.В. Стефановича (СПб., 1906), «Печать и цензура» В.Л. Львова-Рогачевского (М., 1906), «Против смертной казни: сборник статей под ред. М.Н. Гернета, О.Б. Гольдовского и И.Н. Сахарова (М., 1906) [6, с. 398]. Еще несколько дней спустя, 23 мая, в магазине П.Д. Путиловой на Арбате библиофил пополнил свое собрание изданиями: «Итоги и перспективы: сборник статей» (М., 1906), «Накануне» А.В. Пошехонова (СПб., 1906),

«Из стен неволи: шлиссельбургские и другие стихотворения» Н.А. Морозова (СПб., 1906), «Карательная экспедиция отряда лейб-гвардии Семеновского полка в декабрьские дни на Московско-Казанской железной дороге» В.Е. Владимиров (М., 1906) [6, с. 398].

Революционная тема продолжала волновать Д.В. Ульянинского и в следующем месяце. 10 июня 1906 г. в магазине М.В. Кучумова [9, с. 145] он купил «Историю революционного движения в России» А. Туна (СПб., 1906) [6, с. 401]. А 16 июня у антиквара-букиниста К.Н. Николаева [9, с. 181-182] был приобретен том под названием «Расправы и расстрелы: (Письма, очерки и наброски специального корреспондента газеты "Русь" ("Молва"))» В.И. Климкова (М., 1906) [6, с. 401]. Затем, 24 июня 1906 г. в магазине А.С. Суворина собрание библиофила пополнила книга «Будущность России / пер. с нем. И. Новика» Р.Э. Мартина (М., 1906), а также два издания сочинений П.А. Кропоткина: «Тюрьмы, ссылка и каторга в России» (СПб., 1906)

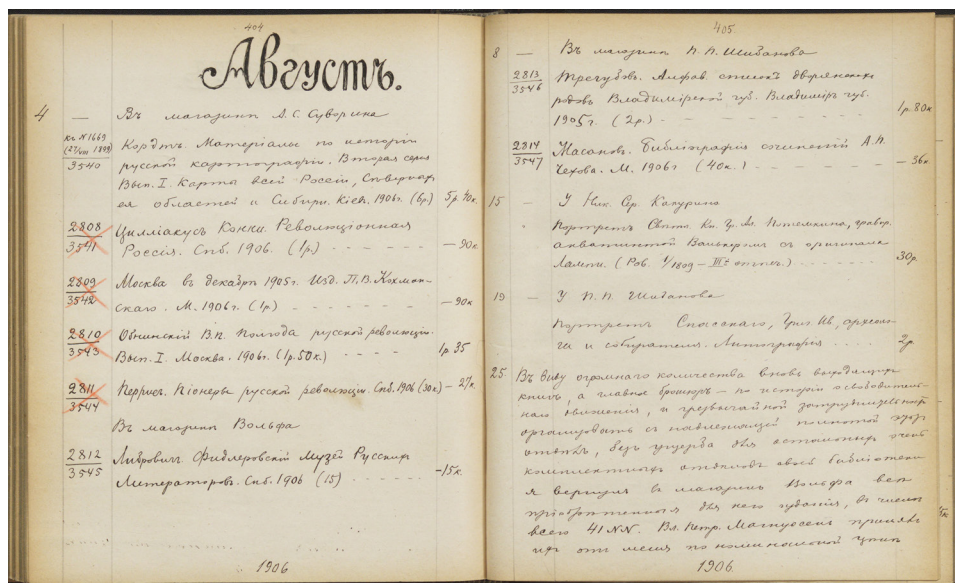
и «Петропавловская крепость и мой побег: из мемуаров революционера» (СПб., 1906) [6, с. 402].

В июле 1906 г. в магазине М.О. Вольфа Д.В. Ульянинский пополнил свою коллекцию изданиями: «За два года: сборник статей из "Искры": П. Аксельрода, М. Б-ова, Ф. Дана, В. Засулич, Кольцова, Л. Мартова, Мартынова, Н. Негорева, Парвуса, Г. Плеханова, Старовера, П. Стрельского, Н. Троцкого» (СПб., 1906), «Памяти павших: жертвы из среды московского студенчества в октябрьские и декабрьские дни» Н.К. Кольцова (М., 1906) [6, с. 403].

Последние покупки по революционной тематике были сделаны Д.В. Ульянинским 4 августа 1906 г. в магазине А.С. Суворина, где объектом его интереса стали четыре книги: «Революционная Россия: возникновение и развитие революционного движения в России» Конни Циллиакуса (СПб., 1906), «Москва в декабре 1905 г.» (М., 1906), «Полгода русской революции: сборник материалов к истории

русской революции (октябрь 1905 – апрель 1906 гг.)» (Вып. 1. М., 1906) В.П. Обнинского и «Пионеры русской революции: с портретами П. Лаврова, Н. Чайковского, П. Кропоткина [и др.]» Дж. Г. Перриса (СПб., 1906) [6, с. 404].

Спустя всего три недели, 25 августа 1906 г., Д.В. Ульянинский делает запись о ликвидации раздела о революционном движении в своей библиотеке (ил. 4): «В виду огромного количества вновь выходящих книг, а главное брошюр – по истории освободительного движения, и чрезвычайной затруднительности организовать с надлежащей полнотой этот отдел, без ущерба для остальных очень комплектных отделов своей библиотеки я вернул в магазин Вольфа все приобретенные для него издания, в числе всего 41 №№. Вл<адимир> Петр<ович> Магнуссен¹ принял их от меня по номинальной цене. Так что я ничего не потерял, так как на эту же номинальную сумму могу набрать других книг» [6, с. 405–406]. В «Каталоге» проданные книги были «зачеркнуты красным крестом».

Ил. 4. Запись Д.В. Ульянинского о прекращении коллекционирования книг об истории освободительного движения в России

¹ Главный приказчик в московском магазине М.О. Вольфа на Кузнецком мосту [О нем см.: 9, с. 161].

Дотошный библиофил отметил и их общую стоимость – 28 руб. 68 коп. (со скидкой в 10 % – 25 руб. 81 коп.) [6, с. 406].

Таким образом, рукописный «Каталог новых приобретений» показывает, что при консервативности и устойчивости собирательских интересов Д.В. Ульянинский порой расширял границы своего коллекционирования. Реакцией на революционные события 1905 г. стала попытка создать раздел библиотеки об освободительном движении в России. Отвечала ли революционная тематика личным интересам Д.В. Ульянинского? Вопрос этот не имеет однозначного ответа. Например, мы имеем свидетельство его двоюродного брата Н.Ю. Ульянинского о том, что библиофил не был ярким консерватором и монархистом: «В политике он не был ретроградом. Будучи сам крупным чиновником и при этом привилегированного ведомства, он не терпел бюрократической лжи, ретроградного патриотизма.

Припоминаю, как однажды на мой вопрос – что делается у них в Историко-Родословном обществе – Д.В. решительно заявил: “Я уже давно не посещаю его собраний: претят мне их верноподданнические чувства”. Он оставил это Общество, хотя был одним из его основателей, а генеалогия составляла одну из любимых отраслей его собирательства» [7, с. 28]. Вместе с тем следует учитывать контекст создания и публикации воспоминаний Николая Юрьевича о Дмитрие Васильевиче. В раннее советское, послереволюционное время вряд ли возможно было выпустить книгу с положительной оценкой человека, имевшего монархические взгляды. Мы знаем, что Н.Ю. Ульянинский последовательно удалил из рукописи перед отправкой в печать сборника о своем двоюродном брате сведения о его православной религиозности, генеральском чине, материальном благосостоянии и др. [8] Вполне можно предположить, что, опасаясь советской

цензуры, Н.Ю. Ульянинский мог сознательно радикализировать политические взгляды своего родственника.

С другой стороны, мы имеем целый ряд свидетельств о глубоком благоговении Д.В. Ульянинского перед императорской семьей. У.Г. Иваск, входивший в ближайший дружеский круг общения книгособирателя, еще в 1905 г. сообщал, что он сформировал особую коллекцию, посвященную «коронованию их Императорских Величеств Государя Императора Николая II и Государыни Императрицы Александры Федоровны». Она состояла «из различных объявлений, приглашений, программ, меню, билетов и т. п.» [12, с. 290]. Позднее сам библиофил подробно описал ее в первом томе печатного каталога своей библиотеки [4, т. 1, с. 268–278]. Д.В. Ульянинский целенаправленно собирал экслибрисы членов семьи Романовых и очень ими дорожил. Об этом, в частности, свидетельствует письмо, отправленное 21 апреля 1913 г. У.Г. Иваску. В нем Ульянинский предлагал обменять брошюру с описанием библиотеки Голубцова «на пару любых, самых редких ex-libris'ов моего собрания (кроме царских), какие бы Вы ни выбрали» [13, с. 45].

Таким образом, считать потомственного дворянина, действительного статского советника, собирателя книг по генеалогии и геральдике записным демократом, а тем более революционером, вряд ли справедливо. Тем не менее он откликнулся на общественный подъем, вызванный революцией 1905–1907 гг., и около года активно приобретал книги по истории революционного движения. И в этой деятельности он проявлял себя как истинный библиофил, предполагая в будущем редкость книг данной тематики. Однако его собирательские устремления столкнулись с «книжным наводнением» или «брошюрным потоком», которым характеризовалась издательская практика этих лет. Огромный рост числа выходивших названий, в основном небольших по объ-

ему книг и брошюр общественно-политического содержания, сопровождался и значительным увеличением тиражей. По подсчетам Н.А. Рубакина, общий тираж политических брошюр, выпущенных в 1905–1907 гг., составил 200–220 млн экз. [14, с. 16–17]. Библиофил быстро осознал сложность обеспечения полноты своего собрания по данной проблематике. Революционная тема увлекала его около года, а затем он продал собранные издания.

Стоит обратить внимание, что Д.В. Ульянинский избавился от 41 названия в 42 томах, посвященных собственно революционному движению. Но его всегда волновала близкая тема – история цензуры и запрещенных изданий. Она была органичной частью его общего коллекционерского интереса к библиографии, библиотековедению, истории книжного дела. Им был сформирован обширный раздел об отечественной цензуре, включенный во второй том описания его библиотеки [15, с. 25]. Уже после гибели Д.В. Ульянинского коллеги по Русскому библиографическому обществу опубликовали его рукопись, посвященную библиографии русской цензуры [16]. Публикаторы отмечали: «Настоящий библиографический перечень каталогов книг, запрещавшихся русской цензурой, представляет собой

отрывок из работы Д.В. Ульянинского, которую он предпринял в самое последнее время, параллельно с другой работой по библиографированию цензурного законодательства» [16, с. 33].

Думается, что в исторической перспективе ликвидация «революционного раздела» была «ошибкой» Д.В. Ульянинского. Если бы в печатном каталоге его библиотеки, вышедшем в свет в 1912–1915 гг., имелся обзор книг по истории освободительного движения, то в советской историографии, историко-библиографических и историко-книговедческих исследованиях он занял бы совсем другое место. Стоит, например, вспомнить о другом видном библиофиле, современнике Д.В. Ульянинского, Геннадии Васильевиче Юдине (1840–1912). Факт работы В.И. Ленина в период сибирской ссылки в личной библиотеке Г.В. Юдина в Красноярске давал возможность исследователям советского времени говорить о значении данного книжного собрания [17, с. 81–84].

Новые материалы об истории библиотеки Д.В. Ульянинского позволяют узнать о его временном увлечении, бывшем данью окружающей действительности. Они также свидетельствуют о цельности библиофильских устремлений собирателя, остававшегося в целом верным кругу своих коллекционерских интересов.

Список литературы

1. Самарин А.Ю., Фурсенко Л.И. Дмитрий Васильевич Ульянинский (1861–1918): материалы к библиографии // Библиография. 2018. № 1. С. 97–111.
2. Иваск У.Г. Библиотека Д.В. Ульянинского // Библиографические известия. 1918. № 1–2. С. 27–32.
3. Самарин А.Ю. Как библиотека Д.В. Ульянинского поступила в Государственный Румянцевский музей // Библиотековедение. 2021. Т. 70, № 6. С. 635–641.
4. Ульянинский Д.В. Библиотека Д.В. Ульянинского: библиогр. описание. Москва: [Тип. П.П. Рябушинского], 1912–1915. Т. 1–3.
5. Ульянинский Д.В. Среди книг и их друзей. Репринт. изд. Москва: Книга, 1979. 138 с.
6. Ульянинский Д.В. Каталог новых приобретений библиотеки Дим. Вас. Ульянинского: [рукопись]. Москва. Т. 1 / Рос. гос. б-ка. Отд. редких кн. (Музей книги). Инв. № 17821.

7. Ульянинский Н.Ю. Д.В. Ульянинский. (Опыт характеристики по личным воспоминаниям, рукописным и печатным источникам) // Дмитрий Васильевич Ульянинский: сб. ст. Москва: Изд. П. Витязева, 1927. С. 9-41.
8. Самарин А.Ю. Отретушированная характеристика: рукоп. оригинал статьи Н.Ю. Ульянинского о Д.В. Ульянинском // Библиография. 2018. № 1. С. 74-86.
9. Уваров С.А. Московские книжники. Книгопродавцы и букинисты XVIII – первой половины XX в.: слов.-справ. Москва: Рус. мир, 2020. 288 с.
10. Наумов О.Н. Письма Д.В. Ульянинского П.П. Шибанову как источник по истории библиофильства и библиографии // Библиография и книговедение. 2023. № 2. С. 114-130.
11. Кваше Е.В. Издательская и книготорговая деятельность С.А. Скимунта // Книга: исследования и материалы. Москва: Книга, 1979. Вып. 38. С. 118-132.
12. Иваск У.Г. Описание русских книжных знаков (Ex-Libris). Москва: Изд. Антиквар. кн. отд-ния при магазине древностей и редкостей М.Я. Параделова, 1905. [Вып. 1]. 350 с.
13. Наумов О.Н. «...Всякий любитель должен стремиться к возможной полноте своих собраний...». Д.В. Ульянинский в письмах У.Г. Иваску // Про книги: журн. библиофилов. 2022. № 3-4. С. 42-49.
14. Книга в России, 1895-1917 / под ред. И.И. Фроловой. Санкт-Петербург: Изд-во Рос. нац. б-ки, 2008. 720 с.
15. Лисовский Н.М. Д.В. Ульянинский как библиофил и библиограф // Библиографические известия. 1918. № 1-2. С. 13-26.
16. Ульянинский Д.В. Из библиографии русской цензуры // Библиографические известия. 1918. № 1-2. С. 33-36.
17. Геннадий Васильевич Юдин: библиогр. указ. / Гос. универс. науч. б-ка Красноярск. края. Красноярск, 2020. 112 с.

Сведения об авторе:

Самарин Александр Юрьевич, доктор исторических наук, доцент, заместитель генерального директора по научно-издательской деятельности Российской государственной библиотеки

ул. Воздвиженка, 3/5, Москва, 119019
samarinayui@corp.rsl.ru

Дата поступления статьи: 09.10.2023

Одобрено: 27.10.2023

Дата публикации: 17.11.2023

Для цитирования:

Самарин А.Ю. Д.В. Ульянинский – несостоявшийся собиратель литературы о революционном движении в России // Сфера культуры. 2023. № 4 (14). С. 133-142.
DOI: 10.48164/2713-301X_2023_14_133

УДК 002.2+094.3

DOI: 10.48164/2713-301X_2023_14_133

A.Yu. Samarin

Moscow

The Russian State Library
samarinayul@corp.rsl.ru

D.V. ULYANINSKY – A FAILED COLLECTOR OF LITERATURE ON THE REVOLUTIONARY MOVEMENT IN RUSSIA

The study examined an unknown episode of the bibliophile activities of the famous book collector and bibliographer D.V. Ulyaninsky (1861–1918). In 1905–1906 under the influence of revolutionary events, he began to form a section in his library dedicated to the liberation movement in Russia. The bibliophile realized the difficulty of ensuring the completeness of staffing on this topic in the context of the growth of the publishing repertoire, called the “brochure stream.” As a result,

he liquidated this section of his collection in August 1906. The article based on the handwritten “Catalog of New Acquisitions of the Library” by D.V. Ulyaninsky provides some information on the composition of the bibliophile’s “revolutionary collection”.

Keywords: D.V. Ulyaninsky, bibliophilia, history of bibliography, revolution of 1905–1907, publications on history of liberation movement.

References

1. Samarin, A.Yu., Fursenko, L.I. (2018) Dmitrij Vasil'evich Ul'yaninskij (1861–1918): materialy k bibliografii [Dmitry Vasilyevich Ulyaninsky (1861–1918): Materials for Bibliography]. *Bibliografiya* [Bibliography], No. 1, 97–111. (In Russian).
2. Ivask, U.G. (1918) Biblioteka D.V. Ul'yaninskogo [D.V. Ulyaninsky's Library]. *Bibliograficheskie izvestiya* [Bibliographic News], No. 1–2, 27–32. (In Russian).
3. Samarin, A.Yu. (2021) Kak biblioteka D.V. Ul'yaninskogo postupila v Gosudarstvennyj Rumyantsevskij muzej [How D.V. Ulyaninsky's Library Entered the State Rumyantsev Museum]. *Bibliotekovedenie* [Library Science], Vol. 70, No. 6, 635–641. (In Russian).
4. Ul'yaninskij, D.V. (1912–1915) *Biblioteka D.V. Ul'yaninskogo: bibliograficheskoe opisanie* [D.V. Ulyaninsky's Library: Bibliographic Description]. Vol. 1–3. Moscow: P.P. Ryabushinskiy Publishing House (In Russian).
5. Ul'yaninskij, D.V. (1979) *Sredi knig i ix druzej. Reprintnoe izdanie* [Among Books and Their Friends. Reprinted Edition]. Moscow: Kniga. (In Russian).
6. Ul'yaninskij, D.V. Katalog novyx priobretenij biblioteki Dimiitriya Vasil'evicha Ul'yaninskogo: rukopis' [Catalog of New Acquisitions of Dmitrij Vasilevich Ulyaninsky's Library: Manuscript]. Vol. 1. Moscow. The Russian State Library. Department of Rare Books (Book Museum). Inventory No. 17821. (In Russian).
7. Ul'yaninskij, N.Yu. (1927) D.V. Ul'yaninskij. (Opyt charakteristiki po lichnym vospominaniyam, rukopisnym i pechatnym istochnikam) [D.V. Ulyaninsky. (Experience of Characterization According to Personal Memoirs, Handwritten and Printed Sources)]. *Dmitrij Vasil'evich Ul'yaninskij: sbornik statej* [Dmitry Vasilyevich Ulyaninsky: Collection of Articles]. Moscow: P. Vityazev Publishing House, 9–41. (In Russian).

8. Samarin, A.Yu. [2018] Otretushirovannaya xarakteristika: rukopisny`j original stat`i N.Yu. Ul`yaninskogo o D.V. Ul`yaninskom [Retouched Characteristic: Handwritten Original Article by N.Yu. Ulyaninsky about D.V. Ulyaninsky]. *Bibliografiya* [Bibliography], No. 1, 74-86. (In Russian).
9. Uvarov, S.A. [2020] *Moskovskie knizhniki. Knigoprodavcy i bukinisty` XVIII – pervoj poloviny` XX veka.: slovar`-spravochnik* [Moscow Scribes. Booksellers and Bookkeepers of the XVIIIth – First Half of the XXst Century: Dictionary]. Moscow: Russkij Mir. (In Russian).
10. Naumov, O.N. [2023] Pis`ma D.V. Ul`yaninskogo P.P. Shibanova kak istochnik po istorii bibliofil`stva i bibliografii [D.V. Ulyaninsky's Letters to P.P. Shibanova as a Source on the History of Bibliophilia and Bibliography]. *Bibliografiya i knigovedenie* [Bibliography and Book Studies], No. 2, 114-130. (In Russian).
11. Kvashe, E.V. [1979] Izdatel'skaya i knigotorgovaya deyatel`nost` S.A. Skirmunta [S.A. Skirmunt's Publishing and Bookselling Activities]. *Kniga: issledovaniya i materialy`* [Book: Research and Materials]. Issue 38. Moscow: Kniga, 118-132. (In Russian).
12. Ivask, U.G. [1905] *Opisanie russkix knizhny`x znakov (Ex-Libris)* [Description of Russian Book Signs (Ex-Libris)]. Issue 1. Moscow: Publishing House of the Antique Book Department at M.Ya. Paradelov Store of Antiquities and Rarities. (In Russian).
13. Naumov, O.N. [2022] "...Vsyakij lyubitel` dolzhen stremit`sya k vozmozhnoj polnote svoix sobranij...". D.V. Ul`yaninskij v pis`max U.G. Ivasku ["Every Amateur Collector Should Strive for the Entire Completeness of Their Collections...." D.V. Ulyaninsky in Letters to U.G. Ivasku]. *Pro knigi: zhurnal bibliofilov* [About Books: Bibliophiles' Journal], No. 3-4, 42-49. (In Russian).
14. *Kniga v Rossii, 1895-1917* [2008] [Book in Russia, 1895-1917]. Edited by I.I. Frolova. Saint Petersburg: the Russian National Library Publishing House. (In Russian).
15. Lisovskij, N.M. [1918] D.V. Ul`yaninskij kak bibliofil i bibliograf [Ulyaninsky as a Bibliophile and Bibliographer]. *Bibliograficheskie izvestiya* [Bibliographic News], No. 1-2, 13-26. (In Russian).
16. Ul`yaninskij, D.V. [1918] Iz bibliografii russkoj cenzury` [From the Bibliography of Russian Censorship]. *Bibliograficheskie izvestiya* [Bibliographic News], No. 1-2, 33-36. (In Russian).
17. *Gennadij Vasil`evich Yudin: bibliograficheskij ukazatel`* [2020] [Gennady Vasilyevich Yudin: Bibliographic Index]. Krasnoyarsk. (In Russian).

About the author:

Alexander Yu. Samarin, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Deputy Director General for Research and Publishing at the Russian State Library

3/5 Vozdvizhenka Str., Moscow, 119019
samarinayu@corp.rsl.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЬИ

**REQUIREMENTS FOR
THE DESIGN OF THE
ARTICLE**

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЬИ

Объем: от 16000 до 40000 знаков (не считая заголовка, аннотации и ключевых слов на русском и английском языках). Шрифт Times New Roman, кегль – 14, межстрочный интервал – полуторный, поля (все) – 2 см, абзацный отступ – 1,25 см. Нумерация страниц сплошная, внизу страницы по центру.

Обязательные элементы статьи:

- Ф.И.О. автора, город, учреждение, e-mail;
- название статьи;
- аннотация на русском языке (500-600 знаков с пробелами);
- ключевые слова (5-10);
- текст статьи;
- список литературы (не менее 10), количество самоцитирований – не более 2;
- сведения об авторе на русском языке (полностью, без сокращений): Ф.И.О., ученое звание, ученая степень, должность, место работы, рабочий адрес с почтовым индексом, адрес электронной почты;
- сведения об авторе на английском языке;
- название статьи, аннотация и ключевые слова на английском языке.
- References (список литературы в транслитерации латиницей с частичным переводом на английский и др. иностранные языки: правила оформления списка см. ниже). Для транслитерации русских слов латиницей необходимо использовать робота (<https://translit.ru/ru/gost-7-79-2000/>) или таблицу, приведенную на указанном вебсайте.

Порядок элементов внутри библиографических описаний в References должен соответствовать требованиям «Гарвардского стиля оформления» (BSI):

<https://www.mybib.com/tools/harvard-referencing-generator>.

Каждая статья, поступившая в редакцию, проходит двойное «слепое» рецензирование и проверку на коммерческой версии системы «Антиплагиат».

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ АННОТАЦИИ

Аннотация (не менее 3 распространенных предложений) должна содержать максимально ёмкую и адекватную характеристику статьи, её структуры, содержания и основных выводов. Следует избегать второстепенной информации, общих формулировок, пересказа общеизвестных типологий и описаний и пр. В аннотации не допускается цитирование и самоцитирование.

ОСОБЕННОСТИ ОФОРМЛЕНИЯ ТЕКСТА СТАТЬИ

1. Между датами ставится длинное тире без пробелов (комбинация клавиш Ctrl + - на цифровой клавиатуре).
2. Авторское примечание заключается в круглые скобки, инициалы автора обозначаются курсивом: (выделено нами. – *М.Ш.*).
3. Между инициалами и фамилией ставится неразрывный пробел (Ctrl+Alt+Space).
4. Ссылки на использованные научные статьи и монографии приводятся после цитаты в квадратных скобках с указанием порядкового номера описания в «Списке литературы», тома (если есть) и страниц, например: [1, т. 2, с. 25], [2, с. 30-32] или [3, с. 8-10; 4, с. 32].

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ

1. Описания приводятся в конце статьи и оформляются по ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка». Внутри списка они группируются в той последовательности, в которой упоминаются в тексте (не в алфавитном порядке). Под одним номером допустимо указывать только один источник. Допускается сокращение отдельных элементов библиографического описания на основании ГОСТ Р 7.0.12–2011 «Библиографическая запись. Сокращение слов и словосочетаний на русском языке. Общие требования и правила».

2. Примечания и ссылки на источники (архивные документы, мемуары, переписка, информационные сообщения из периодической печати, произведения художественной литературы и др.) оформляются в виде постраничных сносок. Сноски нумеруются арабскими цифрами. Если в сносках приводятся ссылки на «Список литературы», то они должны учитываться в общей нумерации.

3. Примеры оформления библиографических описаний:

Вид документа	Список литературы	References
Статья в журнале	Кабанов В.П. Начало юридического образования в России (XVII–XVIII вв.) // Экономические споры: проблемы теории и практики. 2003. № 1. С. 149–156.	Kabanov, V.P. (2003) Nachalo yuridicheskogo obrazovaniya v Rossii (XVII–XVIII vv.) [The Beginning of Law Studies in Russia in the 17 th –18 th Centuries]. <i>E'konomicheskie spory: problemy teorii i praktiki</i> [Economic Disputes: Issues of Their Theory and Practice]. 1, 149–156. (In Russian).
Материалы конференции (сборник трудов)	Арсентьева А.В., Петрянкина А.П. Городские училища в образовательном пространстве России второй половины XVIII в. // Волжские земли в истории и культуре России: материалы Регион. науч. конф. (г. Чебоксары, 20–21 июня 2003 г.). Ч. 1. Чебоксары, 2003. С. 33–39.	Arsent'eva, A.V., Petryankina, A.P. (2003) Gorodskie uchilishha v obrazovatel'nom prostanstve Rossii vtoroj poloviny XVIII v. [Urban Colleges in Russia's Education System of the Second Half of the 18th Century]. <i>Volzhskie zemli v istorii i kul'ture Rossii</i> [Lands of the Volga Area in Russia's History and Culture]. Pt. 1, 33–39. (In Russian).
Книга	Варава В.В. Этика неприятия смерти. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2005. 239 с.	Varava, V.V. (2005) <i>E'tika nepriyatiya smerti</i> [Ethics of the Denial of Death]. Voronezh: Publishing House of the Voronezh State University. (In Russian).
Том многотомного издания	Серков А.И. Российские ма-соны. 1721–2019: биогр. слов. Век XVIII: в 3 т. Т. 1. Москва: Ганга, 2019. 710 с.	Serkov, A.I. (2019) <i>Rossijskie masony. 1721–2019: biograficheskij slovar'</i> . Vek XVIII: v 3 t. T. 1. [Masons in Russia. 1721–2019: Biographical Dictionary. 18th Century: in 3 vols.]. Moscow: Ganga, Vol. 1. (In Russian).

Диссертация	Касьянова Е.В. Рок-культура в контексте современной культуры: дис. ... канд. филос. наук. Санкт-Петербург, 2003. 162 с.	Kas'yanova, E.V. (2003) <i>Rok-kul'tura v kontekste sovremennoj kul'tury: dissertaciya ... kandidata filosofskix nauk</i> [The Culture of Rock in the Context of Today's Culture. Thesis of Ph.D. in Philosophy]. St. Petersburg. (In Russian).
Автореферат диссертации	Дробинин Г.Д. Поэтика А.Л. Хвостенко: язык – миф – литературный код: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2015. 23 с.	Drobinin, G.D. (2015) <i>Poe'tika A.L. Xvostenko: yazyk – mif – literaturnyj kod: avtoreferat dissertacii ... kandidata filologicheskix nauk</i> [Poetics by A.L. Khvostenko: Language – Myth – Literary Code. Synopsis of the Thesis of Ph.D. in Philology]. Samara. (In Russian).
Электронный ресурс	Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. [Электронный ресурс]. URL: https://lexicography.online/etymology/vasmer/ (дата обращения: 15.06.2020).	Vasmer, M. <i>E'timologicheskij slovar' russkogo yazyka: v 4 t.</i> [Etymological Dictionary of the Russian Language: in 4 vols.]. (In Russian). URL: https://lexicography.online/etymology/vasmer/ (Accessed 15.06.2020).
Переводное издание	Фуко М. Слова и вещи: археология гуманитарных наук / пер. с фр.: В.П. Визгин, Н.С. Автономова. Санкт-Петербург: А-сэд, 1994. 406 с.	Foucault, M. (1994) [Les mots et les choses. Une archeologie des sciences humaines]. Transl. from Fr. by V.P. Vizgin & N.S. Avtonomova. St. Petersburg: A-cad. (In Russian).
Книга на языке оригинала	Williams P. Memorial Museums: The Global Rush to Commemorate Atrocities. Oxford; New York: Berg Publisher, 2007. 240 p.	Williams, P. (2007) <i>Memorial Museums: The Global Rush to Commemorate Atrocities</i> . Oxford; New York: Berg Publisher. (In English).

Научный рецензируемый журнал
№ 4 (14) 2023
12+

Издатель:
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Самарский государственный институт культуры»

Адрес издателя:
ул. Фрунзе, 167,
Самара, 443010

Подписано в печать: 15.11.2023
Дата выхода в свет: 17.11.2023

Формат 170x240/16
Усл. печ. л. 9,25
Тираж 500 экз. Цена свободная

Издание отпечатано в РИЦ ФГБОУ ВО «СГИК»
по адресу: ул. Фрунзе, 167, Самара, 443010
E-mail: rio@samgik.ru